

Терри
Пратчетт

Венец,
пастуха

РОМАН ИЗ ЦИКЛА «ПЛОСКИЙ МИР»

Annotation

Вы держите в руках последний роман великого Терри Пратчетта, завершающий цикл «Плоский мир». Это история о юной ведьме Тиффани Болен, внезапно оказавшейся той, кто должен беречь границы своего мира от коварных и злобных гостей извне. И это при том, что обычных ведьмовских обязанностей и забот у нее хоть отбавляй... История о том, что любой человек может сам определить свою судьбу и о том, что сохраняет ценность во все времена, позволяя людям оставаться людьми.

- [Корона пастуха](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Ведьмы Плоского мира](#)
 - [Словарь Нак Мак Фиглов](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)

- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)

Корона пастуха
Терри Пратчетт

Эмеральде Ветровоск
— береги себя..

Пролог

Корона родом из Мела

Он родился в глубинах Круглого моря. Поначалу он был всего лишь мягкой плавающей массой, омываемой снующими волнами. Потом он отрастил себе раковину, но в этом бурно кипящем мире жили такие крупные твари, что она была им на один зубок. Тем не менее, он выжил. Возможно его крохотная жизнь тянулась в том же духе целую вечность, пока течение или прочие плавучие твари не положили бы ей конец, если бы не лужа.

Это была теплая лужа в глубине пляжа, периодически наполняемая пупсторонними штормами. Там созданыце жило, поедая других более мелких созданий, росло, пока, наконец, не стало царем лужи. Так бы и рос моллюск дальше, если бы не жаркое летнее солнце, осушившее лужу.

Тело умерло, но панцирь остался, храня в своей сердцевине зародыш острого ядра. Следующей штормовой волной его смыло на побережье, где он поселился, болтаясь среди гальки и принесенных штормом обломков.

Так море бушевало столетиями, пока не высохло и не отступило с земель прочь, оставив колючую раковину давно умершего моллюска погребенной в толще ракушек умерших созданий помельче. Так она и лежала, медленно вращаясь внутри острой основой, пока однажды ее не нашел какой-то пастух, выгнавший свою отару на холмы, известные как Мел.

Он подобрал попавшийся ему на глаза странный предмет и покрутил в руках так и сяк. Неказистый, но не кривой, и удобно лежит в руке. Слишком правильной формы для кремня, но содержит внутри что-то похожее на кремень. Серая поверхность как у камня, но под ней золотистые вкрапления. Из плоской поверхности предмета торчат пять похожих на полоски равномерно размещенных бугорков. Пастуху уже попадалось на глаза нечто подобное, но эта вещь была иная. Она будто сама прыгнула ему в руки.

Пока он вращал штуковину, внутри ее что-то шуршало, словно она пыталась ему что-то сказать. Он знал, что это глупо, и он наверняка еще не брал в рот ни капли пива, но странный предмет как будто заполнил собой все его сознание. Наконец он обругал себя идиотом, но не выкинул находку, а взял ее с собой, чтобы показать дружкам в баре.

— Поглядите-ка, правда, похоже на корону?

И разумеется один из его приятелей расхохотался в ответ:

— Какая корона? Какой в них прок? Разве ты, Даниэль Болит, король?

Но пастух принес находку домой и аккуратно положил на кухонную полку рядом с остальными своими сокровищами.

Там она на какое-то время была забыта и потеряна для истории.

Только не для семьи Болитов, которые передавали ее по наследству от поколения к поколению.

Глава 1

Там, где ветра

Этот день был из числа запоминающихся. Тиффани, стоявшая на вершине холма, возвышавшегося над родительской фермой, чувствовала, что вот-вот разглядит край света. Воздух был кристально чист, а порывы ветра унесли опавшие листья со скрипучих омертвевших ветвей, освобождая место для весенней поросли.

Ей всегда было любопытно, почему здесь растут деревья. Бабуля Болит рассказывала, что раньше здесь наверху были тропы, проложенные во времена, когда внизу в долине находилось болото. Вот почему, по словам бабули, древние люди так высоко строили свои дома, подальше от болота и других людей, которые могли бы позариться на овец.

Возможно они чувствовали себя увереннее рядом с обнаруженными здесь древними каменными кругами. Или даже именно они их создали? Никто не знал наверняка, откуда они взялись... но каждый знал, что лучше держаться от них подальше, даже несмотря на то, что никто не верил, что что-то случится. Просто на всякий случай. В конце концов, даже если круги хранят какие-то древние тайны или сокровища, как это поможет пасти овец? И хотя многие камни завалились, что если люди, которые оказались под ними не хотят, чтобы их откапывали? Мертвые не означает добрые. Ох, если бы.

А вот Тиффани как то использовалась одной конкретной кучей камней, чтобы попасть в страну фей, хотя она и оказалась не такой, какой ее представляли в книге «Добрыя книшка децких валшепных сказак», и опасности были реальны.

Сегодня она ощущала потребность прогуляться к камням. Она, как любая благоразумная ведьма, носила крепкие ботинки, способные пройти где угодно. Хорошая, правильная обувь. Но она не мешает ей чувствовать землю, слышать то, о чем она хочет ей поведать. Все началось с чесотки, зуда, который возник в ступнях, пока она шарила рукой в баране, стараясь избавить животное от неприятного приступа колик. И не стихал, добиваясь внимания, заставлял ее спуститься к кругу. Тиффани не имела ни малейшего представления, зачем ей идти к камням, но ни одной ведьме не придет в голову наплевать на знак, который мог оказаться призывом. И, кстати, камни там были для защиты. Для защиты ее земли от того, что

может попытаться проникнуть сквозь...

Поэтому она тут же, нахмурившись, направилась туда. Но почему-то тут, наверху, на вершине Мела, все казалось в порядке. Как всегда. Даже сегодня.

А так ли это? Потому что, к удивлению Тиффани, не одну ее сегодня ноги привели к каменному кругу. Повернувшись кругом и прислушавшись к ветру, шуршащему в чистом, звенящем воздухе опавшей листвой у ее ног, она заметила промелькнувшую рыжую шевелюру, синие татуировки, и услышала тихий возглас «Кривенс!», когда солидная кучка листьев оказалась нанизанной на рога шлема сделанного из кроличьего черепа.

— Кельда сюды меня сама направила, дабы стеречь сии каменюки, — заявил расположившийся поблизости на удобном скальном уступе Роб Всякограб. Он оглядывал окрестности словно ждал появления налетчиков. Со всех направлений разом. И особенно со стороны круга.

— А ежесть какие-нить из брюкв, драные ежики, захотют возвернутися и вовновь спробовать свои штуки-дрюки, мы, значить, завсегда рады, — с надеждой в голосе добавил он. — Мы их радужно встренем. — Он вытянулся во весь свой тощий и синий шестивершковый рост, и погрозил в назидание невидимым врагам мечом.

Очень впечатляющее зрелище, уже в который раз отметила про себя Тиффани.

— Те древние враги давным-давно мертвы, — не успев прикусить язык, сказала она, хотя Ясномысле подсказывало ей внимательно прислушаться. Если Дженни, кельда клана фигов и жена Роба, подозревала, что грядут, скажем, неприятности, то, скорее всего эти неприятности уже в пути.

— Мертвяки? Так а рази мы нет? — возразил Роб.^[1]

— Напротив, — вздохнула Тиффани. — В те давние времена смертные просто умирали, а не возвращались как к примеру вы.

— Возвернутся, ежесть вкусят нашей хлебки.

— Это еще что такое?

— Эта, драные ежики, така каша из всякой всячины и мабудь с грамулькой бренди али «Особой мази» для баранок твоей бабули.

Тиффани рассмеялась, но нервозность осталась. «Нужно потолковать с Дженни, — решила она. — Нужно узнать, с какой стати у нее, а так же у моих башмаков одни и те же предчувствия».

Подойдя к находившемуся по соседству заросшему травой кургану, в котором обитал беспокойный клан фигов, Тиффани с Робом направились к терновому кусту, за которым скрывался основной вход в пещеру. Здесь, снаружи они обнаружили жующую сэндвич Дженни.

«С бараниной», — с некоторой долей недовольства, отметила Тиффани. Она была в курсе соглашения с фиглами, которым порой позволялось забирать старую овцу в обмен на удовольствие накрутить хвост волку, который, в противном случае, утащил бы ягнят, а те хорошо умели делать только две вещи: теряться и умирать. Взамен потерявшиеся ягнята на Мелу научились новому трюку — на очень большой скорости, порой задом наперед, возвращаться к отаре, не без помощи фигов, тянущих ягненка за ноги.

У кельды всегда был хороший аппетит: в клане Нак Мак Фиглов лишь одна кельда, у которой множество сыновей и, при удаче, рождается дочь.^[2] При каждой новой встрече Дженни выглядела шире и круглее. Ее широкие бедра отлично справлялись со своей задачей, и Дженни прямо сейчас, уплетая кусок очень похожий на уложенную между двумя ломтями хлеба половину бараньей ноги, усердно трудилась над тем, чтобы они стали еще шире. Не смотря на то, что рост фигла всего шесть вершков, Дженни выростала в «старую мудрую кельду», поэтому в ее отношении понятие «пояс» означал не вещь, поддерживающую ее килт, а скорее — символический экватор.

Вокруг нее катались на улитках и боролись друг с другом фиглы-малыши. Они как горох отскакивали друг от друга, от стен, и порой даже от собственных ботинок. Тиффани они побаивались, считая ее своеобразной кельдой, поэтому при ее появлении они перестали барахтаться и стали нервно за ней следить.

— Подравняйтесь, робятки. Покажем нашей карге, как вы наловчились, — с гордостью в голосе сказала их мать, вытирая рот от бараньего жира.

«Ох! — подумала Тиффани. — Что же я сейчас увижу? Надеюсь, что-то без участия улиток...»

Но Дженни сказала:

— Давайте зачем карге нашу АБВГДейку. Зачинай, Слегка-чуть-более-мокрый-Джок-чем-мокрый-Джок.

Первый с краю фигл почесал свой напузник и извлек оттуда крохотного жучка. Напузник фигов по своей природе не мог не чесаться, решила Тиффани. Возможная причина — то, что в нем хранилось было еще живым. Меж тем Слегка-чуть-более-мокрый-Джок-чем-мокрый-Джок

провозгласил:

— А! Эта... арпалет, — заявил он, и гордо добавил: — Мабудь чтобы отстреливать всяческих мерзюков.

— Б-э! Эта боты! — выкрикнул следующий фигл, размазывая слизня по передней части своего килта. — Им-и оттаптывать их главы.

— В-э! Эта война... потому как — кривенс! — я тя хорошенько вздую, ежели ты ще раз ткнешь меня тем мечом! — выкрикнул поворачиваясь третий, обращаясь к одному из братьев.

Когда дерущаяся парочка укатилась в колючки, на землю выпал желтый серпообразный предмет. Подхвативший его Роб попытался спрятать его за спиной.

Тиффани нахмурилась. Он очень подозрительно напоминал... да, точно, старый ноготь!

— Ну, чего такого? — Роб стоял, ковыряя пальцем ноги землю, — Ты завсегда срезаешь энти штучки у стариканов. Они разлютаются куды ни поподя и только и поджидают, кады их кто-нить подхватит. Зато, драные ежики, они тверды мабудь как роги.^[3]

Тиффани начала было возражать, но остановилась. В конце концов, кто-то, вроде старого господина Нимлета не будет против того, что его часть тела оказалась кому-то нужной. Даже если сейчас он без посторонней помощи не мог встать с кресла.

Кельда отвела ее в сторонку и сказала:

— Так вот, рыба моя, имя твое с землей связано, и говорит она с тобой, Ти-Фа-Тойн. Означает то «Земля под волной». Говоришь ли с ней?

— Да. Только порой это трудно сделать. Но я прислушиваюсь, Дженни.

— Не всегда?

— Нет. Не всегда. Там много дел!

— Мне ли того не ведать, — ответила кельда. — Ты ведаешь, что я приглядаю за тобой. Слежу в главе, и зрю как ты кружишься вокруг моей главы аки пчел. Напомнить стоит, что ты уже сделала когда-то.

Уставшая до мозга костей Тиффани вздохнула. Порядочная ведьма должна совершать обходы. Именно этим Тиффани и остальные ведьмы заполняли возникающую пустоту мира: выполняя то, что необходимо делать. Натаскать дров старушке, снять пену с кипящей кастрюли, наложить травяной компресс на старую мозоль или чтобы унять боль, принести корзинку с «лишними» яйцами или дать «взаймы» пеленки для младенцев в тех домах, которых сторонятся деньги. Да, сторонятся и ждут — о, да! — ждут, когда у людей случатся новые несчастья и заботы. А

ногти... эти ногти тверды как кремь, и у несчастного старика, оставшегося без семьи и друзей ногти на ногах вырастают в ботинки.

Какова же награда за тяжелую работу? Еще больше работы! Взятся копать глубокую яму, берись за большую лопату...

— Сегодня, Дженни, — медленно произнесла Тиффани. — Я прислушалась к земле, и она подсказала мне идти к кругу камней... — слова повисли в воздухе.

Кельда вздохнула:

— Я пока не ясно зрю, Тиффи, но есть нечто... не верное. Завесь меж нашими мирами тонка и легко разорваться может. Камни стоят, вход закрыт, и кроля Эльфов не так сильна, опосля того, как ты вышвырнула ее обратно в страну фей. Не станет она торопиться встренуться с тобою еще раз, однако ж... я опасаюсь. Чую я оно идет, словно туман несет в нашу сторону.

Тиффани прикусила губу. Если даже кельда опасается, то стоит и ей.

— Не загони себя, — тихо посоветовала Дженни, близко склонившись к ее лицу. — Когда придет нужда в фиглах, мы поможем. Но до той поры, мы будем доглядывать за тобой. — Она доела сэндвич и, изменившись в лице, дала понять, что сменила предмет разговора: — Как там твой хахаль? Кажись его Престон кличут? Часто к нему хаживашь? — Ее взгляд стал острым как бритва.

— Ну, — начала Тиффани, — он много работает, почти как я сама. Он в больнице, я здесь, на Мелу. — К ее ужасу, она почувствовала, что краснеет: это тот самый румянец, что начинается с кончиков пальцев на ногах и добирается до самой вашей макушки, превращая вас в помидор. Как она смеет краснеть? Словно какая-нибудь деревенская девица с ухажером. Она же ведьма! — Мы переписываемся, — тихо закончила она.

— Рази того достаточно? Одних бумажек?

Тиффани пожалала плечами. Когда-то она считала, и все так считали, что они с Престоном достигли Согласия. Он образованный парень, содержавший в амбаре Болитов школу, пока не скопил достаточно денег, чтобы выучиться на доктора в большом городе. Да и теперь все, включая саму Тиффани и Престона, думали, что они достигли Согласия. Вот только... оправдает ли она их ожидания? Она постаралась объяснить:

— Он милый и смешно шутит, умело обращается со словами. Но... мы словно все время на работе, оба. Можно сказать, мы и есть наша работа. Престон напряженно работает в бесплатной больнице леди Сибиллы. А я не перестаю размышлять о бабуле Болит и как сильно она любила свой образ жизни, в холмах, где не было никого, кроме ее овец и двух овчарок

Грома и Молнии, и... — она умолкла и Дженни накрыла ее ладонь своей темной ручкой.

— Считаешь, милая, такой и должна бысть твоя жизнь?

— Мне нравится то, чем я занимаюсь, и нравится помогать людям.

— А кто поможет тебе? Твоя метла так и снует, и порой я имею опасение, как бы она не загорелась. Ты доглядаешь за всеми... но кто доглядит за тобой? Раз Престона нет, то что ж. Есть твой друг барон с молодой жинкой. Они тож заботятся о своих поданных. И могут помочь.

— Заботятся, — согласилась Тиффани, вздрогнув от воспоминания о том, как все когда-то считали, что они с Роландом, ставшим теперь бароном, тоже пришли к Согласию. Чего ради все вокруг так и норовят ее с кем-нибудь сосватать? Разве так тяжело найти мужа, если нужен всего лишь один? — Роланд щедрый человек, хотя и не смог пока сравниться с отцом. А Летиция...

«Верно, Летиция», — вспомнила она. Они с Летицией обе знали, что у той есть способность к магии, но сейчас она выполняла роль молодой баронессы. И хорошо справлялась. Так хорошо, что порой Тиффани задавалась вопросом: неужели жизнь баронессы лучше? Беспорядка в ней точно больше.

— Ты уже сполнила столько всего, что другим и не под силу, — продолжила Дженни.

— Еще предстоит столько сделать, и некому помочь.

Кельда наградила ее странной улыбкой:

— Рази ты дала им шанс? Не бойсь о помощи просить. Гордость — то добрая штука, девонька, но со временем она тебя прикончит.

Тиффани улыбнулась:

— Дженни, ты как всегда права. Но у ведьм гордость в крови. — Это напомнило ей о Матушке Ветровоск. Прочие ведьмы считали ее умнейшей и старейшей. Когда говорила Матушка Ветровоск, не было речи о гордости, но ей это и не требовалось. Гордость присутствовала в ней всегда, была частью ее естества. На самом деле то естество, что было отмерено каждой ведьме, Матушке Ветровоск было отвешено целыми лопатами. Тиффани оставалось только надеяться, что со временем она сумеет стать столь же компетентной ведьмой.

— Что ж, вот тебе совет, — сказала кельда. — Ты наша карга холмов, и карге нужна доля гордости. Но нам бы хотелось, чтобы была у тебя лична жизнь. — Она смерила Тиффани решительным взглядом. — А теперь ступай и иди куды тебя приведет ветер.

Ветер, дувший в графствах, был злющий, словно он на кого-то разозлился и бросался из стороны в сторону. Завывал в дымоходах поместья лорда Вертуна, окруженного садами и парками. Оно находилось на значительном отдалении от цивилизации, и чтобы сюда попасть требовалось запастись терпением, и в добавок — выносливой лошадью, что сокращало число визитеров.

Это не относилось к большинству обычных граждан, которые по большей части были крестьянами-фермерами и которые всегда были заняты своими делами. К тому же все местные лошади были крупными, мохноногими и не отделимы от телеги. Используемые для верховых поездок либо впрягаемые в кареты худые, полубезумные лошадки обычно сопровождали совершенно иному классу людей: обычно у них есть собственная земля и деньги, но часто дряблый подбородок. И их жены были на одно лицо с их лошадьми.

Отец лорда Вертуна унаследовал титул и деньги от своего отца, знаменитого строителя, но был пьяницей и большую часть наследства спустил.^[4] Тем не менее юный Гарольд Вертун продавал и толкал, и, разумеется, крутился и вертелся, пока, наконец, не восстановил семейное достояние и сумел добавить два дополнительных крыла к фамильному особняку, забив их дорогими и ужасными с виду предметами.

Он оставил трех сыновей, которые были ему несказанно благодарны за то, что его жена произвела на свет «про запас» сына сверх обычных «наследник рода и запасной». Лорд Вертун предпочитал во всем быть первым, даже если это первенство в форме дополнительного сына, о котором он не в состоянии заботиться.

Старший из наследников, Гарри, не часто ходил в школу, потому что занимался поместьем, помогая отцу и выясняя, с кем стоит разговаривать, а с кем нет.

Вторым по счету был Хью, который сам предложил отцу определить его в церковь. На что его отец ответил: «Только в церковь Ома и ни в какую иную. Не хочу чтобы кто-то из моих сыновей связывался с какими-то сектами!».^[5] К удобству всех Ом был молчаливым богом, позволяя своим священникам интерпретировать свою волю как им вздумается. Неудивительно, что его желанием редко становилось что-нибудь вроде: «Накормите страждущих!» или «Заботьтесь о стариках!», а скорее: «Жертвуйте щедрее!» и «Почему бы не добавить седьмую перемену блюд к

обеду?» Так что лорд Вертун решил, что священник в семье будет кстати.

Третьим сыном был Джоффри и никто не знал, что с ним делать. Как и сам Джоффри.

Воспитателя, нанятого лордом Вертуном для обучения сыновей, звали господин Виггалл. Старшие братья иногда даже в лицо называли его «Фингал». Но для Джоффри господин Виггалл был посланцем небес. При том, что только в крупных домах можно было найти книгу-другую, исключая исторические хроники с битвами, в которых славные предки были изображены вычурно героично и глупо, воспитатель приехал с целым ящиком собственных книг. Господин Виггалл с его книгами рассказали Джоффри о великих философах Ли Ловянная Игла, Ящ-Ика Пелсинов, Ксено-и-биде, и славных изобретателях Золотоглазе Среброруке Дактилосе и Леонарде Шеботанском. Поэтому Джоффри стал исследовать себя, чтобы понять, что из него может выйти.

Кроме чтения и учебы господин Виггалл брал Джоффри на раскопки разных штук в графствах: старых костей и древних мест, рассказывал о вселенной, о которой юноша прежде не имел представления. И чем больше он узнавал, тем больше хотелось узнать — о великой черепахе А'Туине и соседних странах.

— Простите, сэра, — однажды он обратился к воспитателю. — Расскажите, как вы стали учителем?

Господин Виггалл рассмеялся и ответил:

— Как обычно бывает, меня кое-кто научил. А так же вручил мне книгу, после чего я старался прочесть каждую книгу, которую мог достать. Прямо как вы, юный господин. Гляжу, вы все время читаете, и не только ради уроков.

Джоффри знал, что его отец посмеивается над воспитателем, однако за того вступилась мать юноши, сказав, что Джоффри поймал рукой звезду.

Отец только фыркнул:

— Нет у него в руках ничего, кроме грязи и старых костей. Кому какое дело, где этот иксовый материк? Там все равно никто не был.^[6]

Его матушка выглядела уставшей, но защищала сына:

— Он очень хорошо читает, и господин Виггалл научил его трем языкам. Он даже немного может разговаривать по-оффлерански.

И вновь отец только фыркнул:

— Это пригодится только в том случае, если он захочет стать дантистом. Все равно сегодня все говорят по-анкморпоркски.

— Читай, читай, сынок, — сказала матушка. — Чтение — путь к просвещению. А знание — ключ ко всему.

Вскоре после этого лорд Вертун отправил воспитателя прочь со словами: «Итак вокруг слишком много чепухи. Было бы меньше, если бы парнишка обходился дешевле. Не то что его братья».

Стены поместья далеко разносили голоса, поэтому Джоффри все слышал, и подумал: «Что ж, кем бы я ни решил стать, не хочу быть похожим на отца!»

После ухода воспитателя Джоффри остался предоставлен самому себе: бродил по поместью, узнавал что-то новое и проводил основное время с Мак-Тавишем. Этот конюший был стар почти как местные холмы, но все же его называли «мальчиком». Он знал трели всех на свете птиц и умел им подражать.

Поэтому Мак-Тавиш оказался рядом, когда Джоффри нашел Мефистофеля. Одна из бабушкиных коз принесла помет. Двое козлят оказались здоровыми, а от третьего — маленького и хиленького, зарытого под соломой — коза отказалась.

— Я хочу попытаться его спасти, — объявил Джоффри. Пришлось потеть всю ночь, стараясь помешать новорожденному козленку откинуть копыта: подоить козу, и поить пациента с пальца, пока тот мирно не заснул под боком Джоффри в теплом гнезде из сена.

«Какой он крохотный, — думал Джоффри, вглядываясь в зажмуренные глазки. — Я должен ему помочь».

И козленок услышал. Он рос сильным и ловким козленком, повсюду следуя за Джоффри хвостиком, и был готов забодать любого, кто посмел бы угрожать его молодому хозяину. С учетом того, что чаще всего это означало любого в зоне видимости, большая часть слуг и гостей благоразумно старались обходить рогача стороной.

— Скажи, почему ты назвал это исчадие ада Мефистофелем? — как-то спросил его Мак-Тавиш.

— Вычитал в одной книге.^[7] Сам видишь, как оно удачно ему подошло, — ответил Джоффри.

Мальчик рос, превратившись сперва в подростка, а затем и в юношу, благоразумно старавшегося как можно реже попадаться на отцовские глаза.

Однажды Мак-Тавиш оседлал для него лошадь и они вместе отправились через поля на границу владений лорда Вертуна, и затем тихо прокрались через лес в лисьи уголья. Они часто так делали, чтобы наблюдать, как лисица играет с лисятами.

— Здорово видеть, как они веселятся, — прошептал Мак-Тавиш. — Лисица охотится и кормит лисят. Но на мой вкус, слишком уж они любят курятину. Раз они убивают кур, мы убиваем их. Таков мир.

— Это неправильно, — печально ответил Джоффри, привязавшийся к лисе.

— Однако нам тоже нужны куры, и их приходится охранять. Поэтому мы охотимся на лис, — напомнил Мак-Тавиш. — Я привел тебя сюда, Джоффри, потому, что близок день, когда твой отец возьмет тебя с собой на охоту. Возможно, даже на твою лису.

— Ясно, — ответил Джоффри. Разумеется, он знал об охоте, потому что видел ее каждый год с самого рождения. — Нужно беречь кур, и мир жесток и беспощаден, но превращать это в игру неправильно. Это ужасно! Это просто казнь. Разве мы должны убивать все вокруг? Убивать мать, кормящую детей? Мы только потребляем, ничего не дав взамен. — Он поднялся на ноги и отправился к лошадям. — Я не желаю охотиться, Мак-Тавиш. Клянусь, мне не нравится ненависть. Я даже не испытываю ее к отцу, но охота — я бы хотел поместить ее в самое темное место.

— Думаю, малыш Джоффри, тебе стоит быть осторожнее, — Мак-Тавиш был обеспокоен: — Ты же знаешь своего отца. Он вроде гвоздя в сиденье стула.

— Отец не гвоздь, он — бревно! — горько откликнулся Джоффри.

— Ладно, но коли ты решишь поговорить с ним об этом... или со своей матерью... может он поймет, что ты не готов к охоте?

— Бессмысленно. Если он что-то решил, его уже не переубедишь. Иногда я замечаю, что мать плакала. Она не любит, когда ее видят плачущей, но я знаю — она плакала.

В этот миг он взглянул в небо, где кружил ястреб, и ему пришло в голову: «Вот, где свобода. Я хочу освободиться».

— Я хочу летать, Мак-Тавиш, — сказал Джоффри, и добавил: — Как птицы, как Лангас.^[8]

И почти тотчас же он заметил помело, на котором следом за ястребом мимо пролетала ведьма. Он указал на нее и сказал:

— Я хочу такое же. Хочу стать ведьмой.

Старик возразил:

— Это не для нас, мальчик. Все знают, что мужчина не может стать ведьмой.

— Почему?

Старик пожал плечами и ответил:

— Никто не знает.

— Я хочу это узнать, — сказал Джоффри.

В день своей первой охоты Джоффри решительно отправился с остальными. «Сегодня я должен постоять за себя», — решил он.

Вскоре местное дворянство скакало галопом по сельской местности, некоторые довольно рискованно перескакивали через ямы, изгороди и ворота, порой оказываясь с другой стороны без лошади. Джоффри осторожно держался в хвосте, выждав подходящий момент, чтобы незаметно улизнуть. В лесу он двинулся в противоположном охоте направлении. Заслышав как лай гончих сменился радостным визгом, он с ёкнувшим сердцем понял, что дичь поднята.

Потом пришло время вернуться домой. Там каждый был в том счастливом расположении духа, когда «завтра» что-то значит, и каждому вручают кружку горячего напитка мало чем отличающегося от «Особой мази» для овец бабули Тиффани. Награда для вернувшихся героев! Переживших охоту. Ура! Все жадно отхлебывают, обливаясь, и питье течет по дряблым подбородкам.

Но лорд Вертун заметил, что лошадь Доффри единственная из всех не вспотела и ее копыта остались чистыми. Гнев его был ужасен!

Братья держали Джоффри, а мать могла только смотреть с беспомощной жалостью. Когда лорд Вертун обрызгал лицо сына лисьей кровью, она отвернулась.

В гневе Его милость можно было даже назвать одухотворенным.

— Где ты шлялся?! Тебе следовало присутствовать при убийстве! — рокотал он. — И ты сделаешь это собственными руками, юноша, мне на радость! В молодости это был мой долг, и так же поступал мой отец. И тебе придется. Такова традиция. Ясно? В твоём возрасте каждый мужчина должен познать вкус крови. Кем ты себя возомнил, чтобы перечить? Я в тебе разочарован!

И по спине Джоффри со свистом прошла плеть.

Обрызганный лисьей кровью Джоффри повернулся к матери:

— Лиса была так красива! Зачем ее так убивать? Просто ради забавы?

— Прошу, не раздражай отца еще сильнее, — взмолилась мать.

— Я любовался ими в лесу, а вы просто охотились. Разве вы станете их есть? Нет. Мы... (тут шло ругательство^[9]) преследуем и убиваем, хотя и не станем употреблять их в пищу, из собственной кровожадности. Для развлечения.

Свист плети.

Было больно. Но внезапно Джоффри переполнило... что именно? Разом он вдруг осознал, что все возможно исправить, и он пообещал себе, что он этим займется. Он знал, что справится. Джоффри выпрямился во весь рост и избавился от хватки братьев.

— Хочу поблагодарить вас, Отец, — произнес он с неожиданным почтением. — Сегодня я выучил важный урок. Но я не хочу позволять вам бить себя вновь. Никогда более. И не собираюсь видеться с вами, если только вы не изменитесь. Вам ясно? — Его тон внезапно стал формальным, словно всему виной была плеть.

Гарри и Хью смотрели на брата разинув рты и с ожиданием ответного взрыва. Остальные охотники расступившиеся перед лордом Вертуном, когда он «беседовал» с сыном, перестали делать вид, что ослепли. Мир охоты был не подвластен законам, атмосфера накалялась, и тем не менее все затаили дыхание.

В звенящей тишине Джоффри увел своего коня в конюшню, оставив окаменевшего лорда Вертуна стоять столбом.

Юноша дал животному сена, расседлал, снял узду и вытер насухо. В это время к нему подошел Мак-Тавиш:

— Молодец, Джоффри, — и неожиданно тихо добавил: — Ты отлично постоял за себя. Не позволяй этому ублюдку себя топтать.

— Он может тебя выгнать, Мак-Тавиш, за подобные слова, — предупредил его Джоффри. — Разве тебе тут не нравилось?

— Тут ты, парень, прав. Как погляжу, я слишком стар, чтобы менять жизнь, — ответил конюх. — Но ты здорово защищался и никто бы не справился лучше. Как я понял, вы нас теперь покинете, господин Джоффри?

— К большому сожалению, да. Тем не менее, я благодарю тебя, Мак-Тавиш. Надеюсь, у тебя с моим отцом не будет из-за меня неприятностей.

— Он не станет связываться, пока от меня есть толк, — ответил самый старый помощник конюха на свете. — В конце концов, после стольких лет я знаю его как свои пять пальцев, как одну из тех гор-вулканов. Он мощно извергается огромными горячими камнями на всех, кто ни попал под руку, но извержение рано или поздно заканчивается. Люди поумнее просто прячутся от него, пока оно не стихнет. Вы были со мной добры и обходительны, господин Джоффри. Я знаю, что вы беспокоитесь за матушку. Она прекрасная леди, всегда добра ко мне и очень помогала, когда умирала Молли. Я это помню. И буду помнить вас.

— Спасибо. Я тоже тебя не забуду, — ответил Джоффри.

Мак-Тавиш закурил огромную трубку и выдохнул облако дыма:

— Как я понимаю, вы бы хотели забрать с собой того драчливого козла.

— Верно. Но боюсь, одного желания тут мало. Мефистофель сам себе на уме и делает что хочет. Как обычно.

Мак-Тавиш покосился на Джоффри:

— Есть у вас в дорогу еда или деньги, господин Джоффри? Как я понимаю, вы не желаете заходить домой. Я предлагаю вам взять у меня займы немного денег, которые вы сможете отдать, когда сумеете.

— Ни за что! Я не смею, — ответил Джоффри.

— Я вам друг, господин Джоффри. И как я говорил, ваша матушка проявила ко мне сочувствие, чем я премного ей обязан. Когда-нибудь вы вернетесь, чтобы ее навестить. Вот когда это случится, не позабудьте о старике Мак-Тавише.

Джоффри поискал и сумел изловить Мефистофеля, запряг его в тележку, которую для него смастерил Мак-Тавиш, погрузил в нее несколько вещей, взял поводья, прищелкнул языком, и они отправились в путь.

Когда перестук козлиных копытец на дороге стих, Мак-Тавиш спросил себя:

— Как ты справишься, парень? Эта бодливая скотина сумеет накостылять кому угодно, но только не паренек Джоффри.

Если бы юноша оглянулся, он бы увидел, что мать смотрит ему в след, сдерживая рыдания, а отец так и стоит столбом, не в силах справиться с таким оскорблением. Его братья кинулись было вдогонку, но остановились под гневным взглядом отца.

Так Джоффри с козлом отправились на поиски новой жизни. «Итак, — размышлял он, обогнув первый поворот дороги в будущее, подсакивая на многочисленных ухабах, — мне некуда податься».

Но ветер нашептал ему ответ: «Ланкр!»

* * *

В Ланкре у Матушки Ветровоск день не задался. В Овцепиках молодой дровосек едва не оттяпал себе ногу. И надо же, что именно сегодня местного Игоря не было на месте, чтобы пришить ее обратно. Прибыв в лагерь лесорубов на своем дряхлом помеле, Матушка Ветровоск увидела, что парень куда в худшем состоянии, чем она ожидала. Он старался хорохориться перед своими товарищами, собравшимися, чтобы его приободрить, но она видела что ему больно.

Пока она осматривала рану, он звал свою мать.

— Эй, ты, мальчик! — резко подозвала ведьма одного из дровосеков, метнув в него острый взгляд. — Ты знаешь, где живет его семья? — Получив испуганный, а остроконечная шляпа ведьмы часто вызывает испуг у молодых людей, утвердительный кивок в ответ, она приказала: — Ступай к ним. Бегом. Скажи его матери, что я везу ее сына домой. Пусть нагреет воды и приготовит чистые простыни. Запомни, чистые!

Когда парень умчался прочь, она повернулась к притихшим остальным дровосекам:

— Теперь вы, — едко обратилась она к ним: — Не стойте столбом. Сделайте носилки, чтобы я могла отвести вашего товарища.

Парень хорошо потрудился над своей ногой: она была почти полностью отрублена, и сапог был полон крови. Ведьма скрипнула зубами и перебрала весь свой арсенал, а так же все знания, накопленные за долгие годы. Она потихоньку, медленно забрала его боль себе, чтобы потом при подходящем случае ее выпустить на волю.

Его лицо ожило, глаза засияли и он принялся болтать с ведьмой как со старой приятельницей. Она промыла и зашила рану, благожелательным и спокойным голосом поясняя ему, что она делает. Затем дала ему то, что называла «легкой микстурой». Для постороннего взгляда лесорубов, которые вскоре появились с вполне приличными самодельными носилками, он выглядел почти как прежний, полусонно рассказывая ведьме, как добраться до его дома.

Дома дровосеков в горах ничуть не лучше землянок. Так получилось, что молодой человек по имени Джек Эббот жил с матерью как раз в одной из таких. Это была шаткая мазанка, которая еще не развалилась только благодаря большому слою глины, которая была повсюду. Прибыв на место с носилками, привязанными к помелу снизу, Матушка Ветровоск сильно призадумалась, как в таких условиях сохранить рану в чистоте. Мать раненого юноши вместе с отправленным вперед молодым дровосеком выбежали навстречу. Мать хлопотала вокруг, пока ведьма с дровосеком заносили носилки внутрь к приготовленному для пострадавшего тюфяку, на который кучей были навалены одеяла.

— Лежи тут и не смей вставать, — тихо приказала Матушка Ветровоск раненному. И ответила напуганной матери, которая заламывала руки и причитала о том, что им нечем заплатить: — Никакой платы не нужно, сударыня. Ведьмы не берут денег. Я вернусь, чтобы его проведать через пару дней. Если не смогу сама, то пришлю миссис Ягг. Насколько я знаю мальчишек, совсем скоро ваш сын захочет встать и приняться за работу.

Запомните мои слова: соблюдайте постельный режим.

Мать парнишки потупилась и сказала:

— Большое спасибо, миссис... ой... я никогда прежде не звала ведьму, — сказала она. — Я только слышала, как люди говорили, что ведьмы делают ужасные вещи. Теперь я им отвечаю, что это неправда, потому что не видела ничего такого.

— В самом деле? — с трудом сдерживаясь, ответила Матушка Ветровоск. — Что ж, а я бы предпочла сделать кое-что ужасное с бригадиром этих ребятишек, и обязательно сделаю, если он вызовет моего больного на работу до того, как я это разрешу. Если он посмеет это сделать, передайте ему, что Матушка Ветровоск проучит его за то, что он не рассказал этим мальчикам, как именно нужно валить деревья. Я добрая ведьма, иногда, но если я узнаю, что ваш сын работает с незажившей ногой, все может измениться.

Когда на прощание женщина сказала, что будет молиться за миссис Ветровоск Ому, ведьма едко сказала:

— Расскажите потом, что он вам ответил. И кстати, я мисс Ветровоск, спасибо за внимание. Но если у вас есть какие-нибудь старые вещи, которые я смогла бы забрать в следующий раз, это было бы здорово. Я появлюсь проведать вас и парнишку через день или около того. И запомните, держите рану в чистоте.

* * *

Ты — белая кошка Матушки Ветровоск — вместе с очередью посетителей, пришедших за снадобьями и мазями, поджидала появления хозяйки у ее домика. Кое-кто пришел в поисках житейского совета, но большая часть народа опасалась что-то спрашивать у Матушки Ветровоск, потому что она и так раздавала непрошенные советы, такие как: не давать маленькому Джонни солдатиков, пока он не подрастет настолько, чтобы понять, что они нужны не для того, чтобы совать их в нос.

Следующий час она провела выдавая просителям лекарства, пока не поняла, что хотя и накормила кошку, сама с самого восхода оставалась голодной. Так что она разогрела похлебку — не велика еда, но для нее достаточно.

Затем она ненадолго прилегла, хотя дневной сон присущ только для леди в очень почтенных летах, поэтому Матушка Ветровоск позволяла себе вздремнуть не сорок минут, а только одну. В конце концов, ведь снова

придут люди, за которыми нужен присмотр и работа не ждет.

Потом она поднялась, и несмотря на то, что было уже довольно поздно, вычистила унитаз. Отдраила его хорошенечко. Настолько хорошо, что могла увидеть себя в отражении.

Ее отражение в светящейся воде тоже могло ее увидеть, и, вздохнув, сказать в ответ:

— Ничего. Завтра будет лучше.

Глава 2

Голос в темноте

Следующий день был ясным и солнечным. «По настоящему прекрасный день», — решила Матушка Ветровоск. Она еще не ложилась, успев вымыть кухню и комнату, пока все не засияло: плита была вычищена, половик выбит, половицы отскоблены.

Она поднялась по похжей на штопор лестнице на второй этаж и принялась за пол в спальне. В этом году у нее получилось отличное мыло, [\[10\]](#) так что кувшин и крохотный таз у кровати блестели чистотой. Гнездо пауков, которые решили, что настал Судный День, было аккуратно вынесено за окно вместе с паутиной. Даже перина выглядела чистой и целой, как новая. Ты частенько заглядывала проверить, что происходит и полежать на лоскутном коврикe, который быд похож на гигантскую растоптанную черепаху.

Потом ведьма еще раз вычистила уборную. Просто для профилактики. Странное занятие для столь великолепного денька, однако Эсмеральда Ветровоск была нетерпима к формализму, и уборная ответила ей взаимностью — она сияла чистотой. Удивительно, но факт.

Было примечательно выражение наблюдавшей за нею рожицы Ты. Кошка чувствовала, сегодня особенный день. Такой, которого еще не бывало. Такой, будто после не будет других. После того, как весь дом был отдраен сверху до низу, Ты проследовала за ведьмой в чулан.

Здесь хватило ведра воды. Матушка Ветровоск улыбнулась. Чулан ей всегда нравился. Тут пахло трудом. Здесь тоже жили пауки, которые в основном прятались на полках за бутылками и горшками, но она решила, что местные пауки не в счет. Живи и давай жить другим.

Она вышла на задний двор в крытый загон навестить коз. Ход ее мыслей подсказывал, что и здесь все находится на своих местах.

Удовлетворенная, на сколько может быть удовлетворена ведьма, Матушка Ветровоск направилась на свою пасеку.

— Мои пчелы, — сказала она им. — Спасибо вам. Все эти годы вы отдавали мне свой мед. Прошу не расстраивайтесь, когда придет моя преемница. Надеюсь, что вы будете давать ей столько же меда, как мне. А теперь станцуем в последний раз.

Но пчелы в ответ тихо зашумели и вместо этого станцевали для нее,

мягко вытолкнув ее разум из роя.

— В прошлый раз я была моложе, но теперь слишком стара. Для меня танцы в прошлом.

Ты держалась от пчел подальше, но следовала за хозяйкой по саду, пока ведьма обходила растения, прикасаясь к каждому стеблю или к одному из листочков, и, казалось, весь сад отвечает и уважительно кланяется в ответ.

Ты прищурила глаза и покосилась на растения с так называемым кошачьим презрением. Посторонний наблюдатель мог бы поклясться, что растения Матушки Ветровоск разумны: они двигались, хотя никакого ветра не было. Когда Ты охотилась, то к кошачьему ужасу они не один раз следили за нею, поворачиваясь следом. Она предпочитала иметь дело с теми растениями, которые делали то, что им велели: стоять смиренно, чтобы она могла поспать.

В дальнем конце сада Матушка Ветровоск подошла к яблоне, которую в прошлом году дал ей господин Парсонс и которая была высажена примерно в том месте, где у любого другого был бы забор, но ни одной ведьме ограда не нужна. Кто посмеет залезть к ведьме? К страшной ведьме из леса? Нужно сказать, иногда страшные сказки бывают полезнее забора с черепами на столбах. Матушка окинула взглядом крохотные яблочки — они еще только-только начали наливаться... Времени еще было достаточно. Она направилась обратно к домику, приветствуя по пути каждый корешок, стебелек и плод.

Она накормила коз, которые с подозрением отнеслись к подобной щедрости и проводили ее взглядом, когда она направилась к курам, которые вечно ковырялись в земле в поиске червячков. Однако, сегодня они не клевали, и не замечали старую ведьму словно ее здесь не было.

Накормив живность, Матушка Ветровоск сходила в чулан и вернулась с охалкой нарезанных ивовых прутьев. Ей предстояло поместить каждый гибкий пруттик на свое место. Затем, когда вещь, над которой она работала, стала действительно превосходной и полностью удовлетворяющей нужды, Матушка Ветровоск оставила ее у лестницы, где ее трудно будет заметить тем, у кого имеются глаза.

Она отнесла остатки прутьев и вернулась с небольшой сумочкой белого цвета. В другой руке она несла красную ленту. Матушка посмотрела на небо. Время было на исходе.

Она быстро дошла до леса. Ты из любопытства, как умеют лишь кошки, у которых еще не истрачены восемь жизней из девяти, последовала за ней. Закончив дела, Матушка Ветровоск вернулась по своим следам к

небольшому ручейку, который весело журчал и звенел в лесу неподалеку.

Она хорошо знала лес. Каждую корягу, каждый пенек, каждое живое существо в нем. И куда более полно, чем кто-либо смог бы это сделать не будучи ведьмой. Когда ее нос подсказал ей, что поблизости никого нет, кроме Ты, она открыла сумочку, достала кусок мыла собственного изготовления и разделась.

Она вошла в ручей и постаралась вымыться дочиста, насколько это возможно. Потом, вытеревшись и завернувшись лишь в плащ, она вернулась в домик, дополнительно накормила Ты, покачала головой, и, мурлыча под нос какой-то древний мотивчик, забралась по скрипучей лестнице в спальню.

Там Эсмеральда Ветровоск расчесала свои длинные седые волосы и вновь заколола их армией заколок, сложив традиционной раковинкой. Потом она оделась, выбрав свое лучшее ведьминское платье и наименее ношенную пару панталон. Чуть погодя она распахнула окно навстречу теплему вечернему воздуху, осторожно положила пару монет в один пенни на крохотный прикроватный столик рядом с остроконечной шляпой, украшенной новой шпилькой.

Последнее, что она сделала перед тем, как лечь, взяла в руки знакомую табличку, переписанную чуть ранее.

Чуть погодя, когда Ты вспрыгнула на постель, ей стало понятно, что произошло нечто странное. Она услышала, как в темноте ухнула сова и залаяла лисица.

Ты осталась одна. Совсем одна.

Но если бы кошки умели улыбаться, то она бы улыбнулась.

* * *

Эта ночь была странной. Совы ухали почти без передышки, и ветер снаружи по какой-то причине заставлял моргать свечи, словно в отместку залетая внутрь и вылетая обратно, но на Матушке Ветровоск было новое платье, и она была ко всему готова.

И вот в глубине теплой темноты, когда рассвет незаметно уже начал подкрадываться к ночи, к ее душе явился посетитель. Некто с косой, лезвие которой было настолько острым, что было способно отделить душу от тела.

Потом тьма заговорила:

— ЭСМЕРАЛЬДА ВЕТРОВОСК, ТЫ ЗНАЕШЬ, КТО ПРИШЕЛ. МОГУ СКАЗАТЬ, ДЛЯ МЕНЯ ЭТО БОЛЬШАЯ ЧЕСТЬ.

— Я знаю, что это вы, господин Смерть. В конце концов, мы ведьмы всегда знаем свой час, — ответила Матушка Ветровоск, оглядываясь на свое лежащее на постели тело.

Посетитель был ей знаком, и местность, по которой он вел ее, так же была ей знакома, поскольку за долгие годы она не раз помогала пройти по ней другим. Ведьмы стоят на границе сущего, между светом и тьмой, между жизнью и смертью, совершая выбор, решая, хотя другие сочтут, что никакого выбора или иных решений быть не может. Иногда им приходится помочь какой-нибудь бедной душе пережить последние минуты, найти дверь и не потеряться в темноте.

Матушка Ветровоск была ведьмой долгие, долгие годы.

— ЭСМЕРАЛЬДА ВЕТРОВОСК, МЫ УЖЕ МНОГОКРАТНО ВСТРЕЧАЛИСЬ РАНЕЕ, НЕ ТАК ЛИ?

— Слишком часто, чтобы считать, господин Жнец. Ладно, ты наконец заполучил и меня, старый пройдоха. Я прожила так долго, что грех жаловаться. И я не из тех, кто торопится или причитает.

— Я С ИНТЕРЕСОМ НАБЛЮДАЛ ЗА ТВОИМ РОСТОМ, ЭСМЕРАЛЬДА ВЕТРОВОСК, — произнес голос в темноте. Голос был твердым, но о-очень вежливым, однако в его тоне ощущалось удивление: — ПРОШУ, ОТВЕТЬ, ПОЧЕМУ, ЗНАЯ, ЧТО ТЫ МОГЛА БЫ СТАТЬ КЕМ УГОДНО И ПОЛУЧИТЬ ЧТО УГОДНО НА СВЕТЕ, ТЫ ОСТАЛАСЬ ЖИТЬ В ЛЕСНОЙ ХИЖИНЕ В ЭТОЙ БЕДНОЙ СТРАНЕ?

— Не могу ничего сказать за весь свет, по крайней мере не особо много, но в моей стране я могу совершать небольшие чудеса для обычных людей, — едко ответила Матушка Ветровоск. — А что до всего света, то я никогда не хотела всего... мне нужна была только часть. Крохотная часть, о которой я могла заботиться и беречь от бурь. Не от тех, знаете ли, что являются с небес, а другого рода.

— МОГЛА БЫ ТЫ СКАЗАТЬ, ЧТО ТВОЯ ЖИЗНЬ ПРИНЕСЛА ЛЮДЯМ ЛАНКРА И ОБЩЕСТВЕННОСТИ ПОЛЬЗУ?

Спустя минуту душа Матушки Ветровоск ответила:

— Что ж, не буду хвастать, ваша милость. Я считаю, что сделала все правильно, по крайней мере для Ланкра. А в Общественности я ни разу не была.

— ГОСПОЖА ВЕТРОВОСК, СЛОВО «ОБЩЕСТВЕННОСТЬ» ОЗНАЧАЕТ, К ПРИМЕРУ, СОСЕДЕЙ.

— Ну ладно, — сказала Матушка Ветровоск, — О них я тоже не забывала.

— ЭТО ПО-НАСТОЯЩЕМУ ХОРОШО ПРОЖИТАЯ ЖИЗНЬ,

ЭСМЕРАЛЬДА.

— Благодарю, — ответила ведьма. — Я старалась.

— ВЕСЬМА ПОСТАРАЛАСЬ. И Я ЖДУ ВСТРЕЧИ С ТВОЕЙ ИЗБРАННИЦЕЙ. МЫ С НЕЙ УЖЕ ВСТРЕЧАЛИСЬ.

— Она хорошая ведьма, это верно, — сказала тень Матушки Ветровоск. — Я в ней не сомневаюсь.

— ТЫ ОЧЕНЬ ХОРОШО ДЕРЖИШЬСЯ, ЭСМЕРАЛЬДА ВЕТРОВОСК,

— Для меня это безусловно сложно, абсолютно не нравится, но я знаю, что вы, господин Смерть, делаете это для каждого. Разве есть иной выход?

— БОЮСЬ, ИНОГО ВЫХОДА НЕТ. ВСЕ МЫ ПЛЫВЕМ ПО ВОЛЕ ВЕТРОВ ВРЕМЕНИ. НО ТВОЯ СВЕЧА, ГОСПОЖА ВЕТРОВОСК, ЕЩЕ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ ПОГОРИТ, ПОКА ЕЙ НЕ ПРИДЕТ ВРЕМЯ ПОГАСНУТЬ... НЕБОЛЬШАЯ НАГРАДА ЗА ХОРОШО ПРОЖИТУЮ ЖИЗНЬ. ЕСЛИ БЫ СПРОСИЛИ МОЕ МНЕНИЕ, ПОСКОЛЬКУ Я СЛЕЖУ ЗА БАЛАНСОМ, ТЫ ОСТАВЛЯЕШЬ ПОСЛЕ СЕБЯ МИР В КУДА БОЛЕЕ ЛУЧШЕМ СОСТОЯНИИ, ЧЕМ ВОШЛА В НЕГО. НИКТО НЕ СПРАВИЛСЯ БЫ ЛУЧШЕ, — сказал Смерть.

Вокруг была абсолютная темнота. Даже никаких намеков на свет, за исключением двух крохотных голубых искорок в глазницах Смерти.

— Что ж, у нас вышла замечательная прогулка с занимательной беседой. По дороге я увидела много интересного, включая вас, мой добрый друг. Может нам уже пора отправляться?

— МАДАМ, МЫ ДАВНО УШЛИ.

* * *

В свете раннего утра на поверхности деревенского пруда рядом с Огрызком сперва появились пузыри, потом сама мисс Тик, ведьмознатица. К сожалению у столь блистательного появления не оказалось иных зрителей, кроме ее мула по имени Йосиф, мирно пасущегося на берегу. «Ну разумеется, — горько размышляла она, отправляясь за полотенцем, — все меня бросили в такое время».

Она вздохнула. Какое несчастье, что старые обычаи отмирают. В те худшие прежние времена ей так нравилось старое-доброе испытание ведьм водой. Она даже специально тренировалась. Все эти уроки плавания, тренировки по развязыванию узлов в щеботанском колледже для молодых особ. При необходимости могла она даже драться под водой. По крайней

мере, постараться побить собственный рекорд по развязыванию боцманских узлов, которые повсеместно считались самыми надежными против ужасных ведьм.

А теперь? Купание в пруду стало чем-то вроде хобби, и у нее сложилось скверное чувство, что, после того, как она побывала в их деревнях, остальные стали копировать ее методы. Она даже слышала о плавательном клубе, устроенном в одном небольшом поселке неподалеку от Ветчины-на-Ржи.^[11]

Мисс Тик вытерлась и направилась обратно к своему крохотному каравану, надела на морду Йосифа торбу с кормом и поставила котелок на огонь. Разместившись под деревьями, она села перекусить похлебкой с хлебом — плата от жены фермера за позавчерашний вечерний урок чтения. Глядя ей вслед, мисс Тик улыбалась, заметив в глазах довольно пожилой женщины загоревшийся огонек. «Теперь, — сказала она, — я смогу узнать, что же написано в тех письмах, что получает Альфред. Особенно в тех, что пахнут лавандой».

Наверное будет лучше побыстрее двинуться дальше, решила мисс Тик. До того, как Альфред получит почту.

Набитый живот был готов к испытаниям нового дня, и она почувствовала в воздухе какую-то нервозность, поэтому ничего не оставалось, как сделать запутку.

Запутка служит ведьме средством концентрации внимания и непременно должна быть сделана по необходимости прямо на месте — чтобы поймать момент. Ее можно смастерить практически из чего угодно, однако обязательно следует использовать что-то живое. Сойдет даже яйцо, хотя большинство ведьм предпочитают не взрывать его, а сберечь на ужин. Мисс Тик нашла в своих карманах: щепку, носовой платок не первой свежести, старый носок, окаменевший каштан, камень с дыркой и гриб, который мисс Тик не смогла опознать, поэтому не рисковала есть. Она мастерски связала все это вместе куском нитки и обрывком резинки от штанов.

Она потянула за концы. Что-то было не так. С «чпоканием», которое разнеслось по округе, клубок предметов взмыл в воздух и принялся крутиться и вертеться.

— Это все усложняет, — простонала мисс Тик.

Прямо за тем лесом, в котором находился домик Матушки Ветровоск, Нянюшка Ягг едва не уронила бутылку лучшего домашнего сидра на своего кота Грибо. Она хранила свой неприкосновенный запас сидра в густых зарослях за домом. Кот собрался было возмущенно мяукнуть, но заметив выражение лица хозяйки — обычно благодушное, но на сей раз мрачнее утренней тучи — решил быть паинькой.

«На ее месте, — услышал кот ее бормотание, — должна была быть я».

* * *

Королева ланкрская Марграт, ведьма в отставке, находившаяся в Генуе с визитом со своим венценосным супругом Веренсом, обнаружила, что несмотря на то, что она считала себя удалившейся от магических дел, магия и не думала от нее удаляться. Почувствовав накатившую на мир, словно цунами, шоковую волну, она вздрогнула, ощущая, что ход вещей... изменился.

* * *

В Анк-Морпорке, в «Лавке развлечений и розыгрышей Боффо» все подушки-пердушки пропели в унисон разом.

* * *

В Щеботане Агнес Нитт — ведьма и певица в одном лице — проснулась со знакомым многим читателем ощущением, что на вчерашней вечеринке^[12] она выставила себя в дурацком свете, и которая словно еще продолжается где-то позади ее глазных яблок. Потом она внезапно услышала жалостный вскрик Пердиты — своего второго «я»...

* * *

В Незримом Университете великого города Анк-Морпорка Думмер Тупс по пути в подвал факультета Магии Высокой Энергии только-только успел закончить затянувшийся завтрак. Войдя, он удивленно замер с

открытым ртом. Гекс работал на невиданно бешеной скорости. А ведь он еще даже не ввел в него запрос! И не дергал за Самый Большой Рычаг! Выполнявшие вычисления муравьи мчались по трубам едва различимыми размытыми пятнами. Неужели это... обрушение муравейника из-за поломки процессорной шестерни?

Тупс набрал запрос: «Пожалуйста, Гекс. Что ты знаешь, чего неизвестно мне?»

Послышалось шевеление в муравейнике, и Гекс выплюнул ответ: «Практически всё».

Тупс несколько аккуратнее перефразировал запрос, перемежая его большим числом операторов IF и BEFORE. Получилось длинно и путано. Никто на свете не сумел бы понять смысл. Это очень сложная задача для волшебника, запрограммированного единственным завтраком, однако после некоторого смятения в муравейнике Гекс выдал ответ: «Мы ощущаем эффект смерти Матушки Ветровоск».

Тупс тут же отправился на прием к Аркканцлеру Университета. Тому, очевидно, следует услышать эту новость...

* * *

В Овальном кабинете патриция Анк-Морпорка лорд Витинари с удивлением наблюдал за тем, как кроссворд в «Правде» решается сам собой...

* * *

На вершинах Овцепиков в монастыре Ой Донг аббат монахов истории лизнул и занес свой таинственный карандаш, чтобы сделать заметку...

* * *

Кошка по имени Ты заурчала словно кошачья ветряная мельница.

* * *

В блуждающем настоящем бывшая волшебница, женщина по имени Эскарина сжала ручку сына и заплакала...

* * *

А на оборотной стороне Диска в сверкающем мире, где все сказки реальны, а мечты сбываются, чьи жители прокрадываются в чужие миры, чтобы разрушать, бить, отравлять и красть, лорд эльф по имени Цветок Гороха — словно паук сигнал от своей паутины — почувствовал мощный тугой удар воздуха.

Он потер руки от удовольствия. «Преграда исчезла, — прошептал он. — Жертва слаба...»

* * *

На Мелу кельда клана Свободного народа наблюдала за миганием огня в очаге: «Она ушла в лучшие миры».

— Береги себя, карга из карг. Тебя будет не хватать, — она вздохнула, затем позвала мужа, Большого клана: — Роб, опасаясь я за нашу великучу каргу. Ей спонадобиться наша помощь. Ступай, Роб. Бери парней и догляди за ней.

Дженни шмыгнула в свою пещерку за котлом.

— Грань нашего мира боле не крепка, — сказала она себе. — Нужно прознать, что грядет...

* * *

А в далеком-далеком невообразимом мире фигура с косой расседывала белую лошадь. И, надо отметить, с очень печальным видом.

Глава 3

Все кувырком

В небольшой деревушке на покатых склонах Мела, объединенных овцами, в крохотном домике Тиффани Болит, закатив рукава, в поте лица помогала будущей матери всего на пару лет старше нее самой, положившейся на ее мастерство. Тиффани приняла в мир уже больше пяти десятков младенцев, не считая множества ягнят, и являлась общепризнанной опытной повитухой.

К сожалению мать мисс Милли Стэндиш, а так же еще несколько женщин разного возраста, назвавшиеся родственницами и оспаривавшие свое право находиться в очень стесненной комнате, так же считали себя экспертами, и непрерывно указывали Тиффани, что именно она делает не так.

К этому моменту ей успели дать устаревший совет, неверный совет и потенциально опасный совет, но Тиффани сохраняла невозмутимость, стараясь ни на кого не накричать, сконцентрировавшись на том, что у Милли вот-вот должна была родиться двойня. Оставалось только надеяться, что никто не слышит скрипа зубов.

Рождение двойни всегда сложнее, особенно при активных младенцах, старающихся вперед другого первым появиться на свет. Но Тиффани сосредоточилась на новой жизни и не оставила господину с косой места в этой комнате. Новый горячечный рывок от молодой матери, и вот первый, а затем и второй младенец возвестили криком о своем появлении и были переданы на руки бабушке и родственнице.

— Двое мальчишек! Как восхитительно! — с большим удовольствием произнесла старшая мать Стэндиш.

Пока толпа родственниц гугукала с новорожденными, Тиффани вытерла руки и лоб, не сводя глаз с младшей матери Стэндишей. Тут она кое-что заметила. У плодовитой мамы оказался еще один ребенок. Да-да! Вот-вот готов был родиться третий малыш, которого проглядели из-за борьбы братьев.

Тиффани опустила глаза и в зеленоватой дымке внезапно увидела уставившуюся на нее кошку, белоснежную и гордую как герцогиня. Это была Ты — кошка Матушки Ветровоск. Тиффани отлично ее знала, потому что сама подарила ее ведьме несколько лет назад. К ужасу Тиффани одна из

старых дам так же заметила кошку и шуганула ее прочь. Тиффани едва не заорала.

— Дамы, эта кошка принадлежит Матушке Ветровоск, — резко произнесла она. — Не очень здравая мысль злить старшую ведьму.

Внезапно сюсюканье стихло. Даже здесь, на Мелу, имя госпожи Ветровоск имело вес. Ее репутация шагала широко и далеко. Гораздо дальше, чем когда-либо путешествовала сама Матушка Ветровоск. У гномов Равнин Сто даже было для нее особое имя, которое можно было перевести как «Та, Кто Ходит по Обратной Стороне Гор».

Но снова вспотевшая Тиффани лихорадочно размышляла, почему кошка Матушки Ветровоск вдруг оказалась здесь. Обычно Ты ошивалась в окрестностях домика ведьмы в Ланкре, и не спускалась сюда, на Мел. Ведьмы во всем видят знамения. Так является это знамением или нет? Может это как-то связано с тем, о чем говорила Дженни? И не в первый раз она задумалась, как это кошкам удается быть сначала в одном месте, и буквально в мгновение ока, если не в то же самое время, оказываться в другом. [\[13\]](#)

Тут раздался вскрик боли от младшей из матерей, и Тиффани, сжав зубы, сосредоточилась на работе. Ведьмы всегда занимаются тем, что требует внимания сию секунду, а это были — молодая мать и новая крохотная головка.

— Еще раз потужься, Милли. Пожалуйста. У тебя тройня.

Милли застонала.

— Еще один. Совсем крохотный, — приободрила ее Тиффани, когда на свет появилась девочка, беззащитная, симпатичная для новорожденной и крохотная. Она передала девочку еще одной родственнице, и тут реальность вдруг вернулась.

Пока Тиффани умывалась, она заметила, а наблюдательность — основная черта ведьм, что основная часть гугуканья со стороны родственников относилась к старшим братьям, и совсем мало — младшей сестре. Чтобы мелкая проблема однажды не переросла в крупные неприятности, нужно всегда примечать подобные вещи, складывать их в сторонку и держать в уме.

Домашние принесли для Милли скрипучее кресло, усадив ее в центре комнаты для поздравлений. Они так же не преминули поздравить друг друга, с глупым видом обсуждая, насколько верные советы они дали ведьме, раз результат — налицо. Два великолепных мальчугана! Ах, да! И маленькая девочка.

Бутылки были открыты. Отловленного ребенка отправили через поле

поискать новообразовавшегося отца, который работал с отцом девушки в амбаре. А новообразованная бабушка сияла, учитывая, что молодая Милли очень скоро станет миссис Робинсон, потому что бабушка была тверда как скала и постаралась удостовериться, что молодой Робинсон обязательно исполнит свой долг в отношении ее дочери. Это не было проблемой. В конце концов, это деревня. Здесь парень встречает девушку, так Милли встретила со своим суженым в стражденственную ночь, и природа берет свое, пока, наконец, мать девушки не замечает округлость. Она, разумеется, рассказывает своему мужу, а тот, за кружкой пива, перемолвится с отцом паренька, который потом побеседует с сыном. И обычно это срабатывает.

Тиффани подошла к старушке, качавшей девочку.

— Можно мне на секундочку на нее взглянуть? Просто проверить, что с ней все в порядке?

Почти беззубая старуха с воодушевлением передала ей малютку. В конце концов, она знала, что Тиффани, помимо того, что она повитуха, еще и ведьма. А кто знает, как поступит ведьма, если начнешь ей перечить. И когда старушка удалилась, чтобы так же принять участие в празднике, Тиффани склонилась к ребенку и тихо прошептала обещание, чтобы никто не услышал. Этой девочке в жизни удача будет кстати. И при удаче, прямо сейчас, она появится. Тиффани отдала девочку матери, которой кажется она не очень нравилась.

Кстати, Тиффани заметила, что старшие братья уже получили имена, в то время как малютка-сестра еще нет. Обеспокоенная этим Тиффани спросила:

— А как же девочка? Разве ей не положено имя?

Мать взглянула на нее:

— Назови ее своим именем. Тиффани хорошее имя.

Тиффани была польщена, но не перестала волноваться о малютке Тиффани. Эти здоровые энергичные мальчуганы заберут все молоко, решила она. Но если она кое-что предпримет, то этого не случится. Поэтому она решила, что эту конкретную семью какое-то время следует навещать каждую неделю.

Наконец не осталось ничего иного, как сказать:

— Что ж, кажется, все выглядит отлично. Вы знаете, где меня найти. Я навещу вас на следующей неделе. А теперь, дамы, если вы меня простите, мне нужно навестить других людей.

Она продолжала улыбаться до самого выхода из дома. Подхватила свое помело и усадила белую кошку на ее рукоять словно носовую фигуру на

бушприте. «Мир меняется, я это чувствую», — подумала Тиффани.

Внезапно за молочным бидоном она заметила рыжий всполох или даже несколько. Когда-то Тиффани была кельдой Нак Мак Фиглов, правда всего пару дней, но это создало между ними нерушимую связь. Поэтому они постоянно были рядом. Постоянно оберегали свою великую каргу.

Но сегодня все было иначе. Сегодняшний присмотр с их стороны отличался от обычного, и...

— Ох, вайли-вайли, — послышался голосок. Это был Вулли Валенок. Когда фиглам раздавали мозги, всем по чуть-чуть, он шлялся где-то в другом месте, и это еще слабо сказано. Он внезапно умолк со словами «бу-бу-бу», когда Роб заткнул ему рот рукой.

— Заткни пасть, Вулли. То, знамо, карговски дела, — сказал он, выходя к Тиффани вертя в руках шлем из черепа кролика. — То великая карга, — продолжил он. — Дженни велела мне...

* * *

Все дневные птицы, а так же ночные — совы и летучие мыши — знали Тиффани, и не смели заступать ей дорогу, когда она летала по делам. Поэтому весь путь до Ланкра был свободен. До маленького королевства было довольно далеко лететь, и мысли Тиффани наполнились невидимым серым туманом, в котором не было ничего, кроме горя. Она чувствовала, как желает повернуть время вспять, но даже самое сильное ведовство на это не способно. Она старалась не думать, однако, сколько ни старайся, очень тяжело заставить мозг перестать. Тиффани была ведьмой, но даже уважая дар предвидения, все равно пыталась отрицать ужасную правду.

Был уже ранний вечер, когда она тихо опустилась на помеле рядом с домиком Матушки Ветровоск, заметив примечательную выпуклую фигуру Нянюшки Ягг. Старая ведьма с потерянными глазами сидела с огромной кружкой в руках.

Ты соскочила с помела и опрометью бросилась в домик. За нею последовали Нак Мак Фиглы, позволив кошке проскочить всего на мгновение раньше, как могут только кошки, чтобы показать: вот вам! — это было только их решение сделать все побыстрее, и, нет-нет, это никак не связано с маленькими рыжими бандитами, растворившимися в тенях внутри домика.

— Рада тебя видеть, Тифф.

— Она умерла, не так ли?

— Да, — ответила Нянюшка. — Эсми ушла. Судя по всему прошлой ночью во сне во сне.

— Я так и знала. Ее кошка пришла ко мне. А кельда прислала Роба...

Нянюшка Ягг посмотрела Тиффани в лицо и сказала:

— Рада, что ты не расплакалась, дорогая. Это подождет. Ты же знаешь пожелание Матушки: ни каких воплей и соплей, и определенно никакой сырости. Сперва нужно сделать главное. Поможешь, Тифф? Она наверху, а ты знаешь, какие там ступеньки.

Тиффани оглянулась и увидела ожидавшую у лестницы длинную, узкую корзину, сплетенную руками Матушки Ветровоск. Она была почти ровно такого размера, что и Матушка. Разумеется, не считая шляпы.

— В этом вся Эсме. Сама все для себя приготовила.

Домик Матушки Ветровоск по большей части состоял из скрипа. При желании можно было наиграть какую-нибудь мелодию. Под аккомпанемент звучных половиц Тиффани пошла за Нянюшкой Ягг, пока та, пыхтя и сопя, поднималась по узкой свившейся в спираль словно змея лестнице. Нянюшка всегда приговаривала, что для того чтобы подняться по этой лестнице нужен штопор. Наконец они очутились в спальне у небольшого и печального ложа.

Оно напомнило Тиффани кроватку младенца. В ней словно вот-вот готовая проснуться аккуратно лежала сама Матушка Ветровоск. И рядом со своей хозяйкой лежала Ты.

На груди Матушки Ветровоск лежала знакомая табличка, и Тиффани словно гонг пронзила внезапная мысль.

— Нянюшка, а ты не думаешь, что Матушка Ветровоск просто снова Заимствует? Может, несмотря на то, что ее тело здесь, ее душа где-то... там? — Она поглядела на свернувшуюся калачиком белую кошку, и с надеждой добавила: — Например, в Ты?

Матушка Ветровоск была настоящим мастером Заимствования, перемещая свой разум в другое существо, используя его тело, разделяя чувства.^[14] Это было опасное ведовство. Неопытная ведьма рисковала утратить свое я, потерявшись в чужом разуме и никогда не вернуться. И, разумеется, выходя из собственного тела, вы заставляете посторонних сомневаться на счет...

Нянюшка молча взяла с груди покойницы табличку. Они вместе ее осмотрели.

Нянюшка Ягг перевернула табличку другой стороной, а рука Тиффани невольно скользнула на запястье Матушки Ветровоск. Даже сейчас, когда каждый атом ее ведовской сути подсказывал ей, что Матушки Ветровоск

больше нет, ее юная девичья часть пыталась отыскать малейшие следы жизни.

На обратной стороне таблички было нацарапано послание, которое очень ясно ставило точку или указательную стрелку в направлении ивового гроба внизу лестницы.

Тиффани тихо сказала:

— И больше никаких «возможно», — но тут внезапно заметила остальную часть надписи, которая словно громом поразила ее разум:

— Что? В каком смысле: «Все оставляю Тиффани...?» — ее голос пресекался, когда она посмотрела на Нянюшку Ягг.

— Да, — ответила та. — Это ее собственная рука. Все верно. Какое облегчение для меня. Тебе достанутся и домик и все окрестности, растения, пчелы и все-все в этом месте. О, но мне она обещала розовый кувшин с тазом. — Она покосилась на Тиффани: — Если ты не против, конечно?

«Против? Против чего? — подумала Тиффани. — Нянюшка спрашивает против чего я?» А ее разум прогремел в ответ: «ДВА владения под присмотром! Подумай, ведь не обязательно жить с родителями... однако, так далеко придется летать...» — И тут главная мысль, словно молния: «Как я смогу что-то делать после того, как здесь жила Матушка Ветровоск? Она ведь... неповторима!»

Нянюшка Ягг не смогла бы стать старшей ведьмой, если бы не набралась попутно кое-каких знаний.

— Не торопись завязывать подштанники узлом, Тифф, — весело сказала она. — Мало того, что ничем не поможет, еще и будет неловко ходить. У нас еще будет время все обсудить... после. А сейчас, нам следует сделать то, что должно.

* * *

Нянюшка и Тиффани много раз имели дело с умершими. В Овцепиках ведьмы всегда готовили покойников к отправлению в другой мир. Это несколько неприятная работенка, о которой обычно не принято распространяться, плюс кое-какие мелочи, вроде распахивания окон, чтобы покойная душа могла выбраться наружу. Хотя Матушка Ветровоск сама распахнула себе окно, на взгляд Тиффани в этом не было необходимости, поскольку душа старшей ведьмы смогла бы выбраться откуда угодно и отправиться куда пожелает.

Нянюшка Ягг взяла пару пенни со столика со словами:

— Приготовила их для нас. Эсме, как всегда, все продумала наперед. Ну-с, приступим?

К сожалению Нянюшка Ягг прихватила с собой из чулана бутылочку персикового бренди тройной перегонки — по ее словам, в медицинских целях. Как она заявила, это поможет ей справиться с ритуалами по ее сестре по мастерству, но, несмотря на то, что они обращались с Матушкой Ветровоск как с бесценной драгоценностью, выпивка Нянюшке никак не помогла.

— Она отлично выглядит, правда? — когда худшая часть была окончена, и, к большому облегчению, у Матушки Ветровоск при этом уцелели все зубы. — Какой стыд. Я всегда думала, что благодаря выпивке и прочему, я окажусь первой. Особенно из-за «прочего». У меня его было очень много. — На самом деле у Нянюшки Ягг всего было в избытке. Она прослыла широко мыслящей натурой. Настолько широко, что ее мозг так и лез бы из ушей и, при желании, им можно было подвязывать шляпу.

— Будут поминки? — спросила Тиффани.

— Ты же знала Эсме. Она не как все, и никогда не старалась лезть вперед.^[15] Кроме того, мы ведьмы не любим поминок, которые Матушка называла суматохой.

Тиффани припомнила единственные посещенные поминки по ведьме. Это были поминки по мисс Тенете, у которой она училась. В тот раз было много суматохи. Мисс Тенете не хотелось самой пропускать подобное событие, поэтому она разослала приглашение заранее. Это было... незабываемо.

После того, как они положили Матушку Ветровоск на так называемую кровать, как ее величала покойница, Нянюшка Ягг сказала:

— Нужно известить королеву Маграт. Она сейчас в отъезде на пару с королем в Генуе, но рискну предположить, что при всех этих чугунках и прочей ерунде вскоре окажется тут как тут. Все прочие, кому стоит узнать, помяни мое слово, уже знают. Но прежде чем они тут появятся мы первым делом с утра похороним Эсме так, как она желала: тихонько, без суеты в той плетенке снизу. Как всегда повторяла Эсме, плетенки очень дешевое решение и простое в изготовлении. А ты знаешь Эсме, она очень практична, ничего не тратит зря.

* * *

Тиффани провела ночь на раскладушке — на шаткой штуковине,

которую обычно прятали, когда не использовали. Нянюшка Ягг взгромоздилась в скрипучее кресло-качалку внизу, ругаясь всякий раз, когда кресло опрокидывалось. Но Тиффани все равно не могла заснуть. Были короткие провалы в сон, когда лунный свет проникал в комнату, и всякий раз, когда Тиффани открывала глаза, она видела Ты, полумесяцем свернувшуюся в подножии кровати Матушки Ветровоск.

Разумеется, Тиффани и раньше приходилось видеть умерших. Таков был обычай, проводить ночь с отлетевшей душой накануне похорон, чтобы дать понять всему, что могло... прокрасться: этот человек был важен, и есть те, кто в это опасное время ничего дурного не случится. Ночью комната наполнилась скрипами бревен, а Тиффани так же слышала, как тело Матушки Ветровоск тоже звучит, успокаиваясь. «Я не раз это делала, — говорила она себе. — Так поступают все ведьмы. Мы не обсуждаем этого, но делаем. Мы следим, чтобы из темноты не было им никакого вреда, хотя Нянюшка Ягг говорит, что лучше было бы присматривать за живыми. Потому что, несмотря на заблуждения, от мертвых никакого вреда».

«Что же я делаю? — размышляла она в ранние часы. — Что случится завтра? Мир переворачивается кверху ногами. Я не сумею заменить Матушку. Не справлюсь даже за сотню лет». — И вдруг подумала: «А что молодая Эсмеральда Ветровоск ответила, когда Нянюшка Колик сказала ей, что ее владением будет весь мир?»

Она заворчалась, повернулась и, открыв и подняв глаза, внезапно увидела уставившуюся на нее сову, усевшую на ставень. Ее огромные глаза светились в темноте словно фонари из потустороннего мира. Новое знамение? Матушке всегда нравились совы...

Тут за работу взялось ее Ясномыслие, размышляя о том, о чем она размышляет: «Нельзя утверждать, что не справишься, потому что ей говорили, что такого про себя не скажет ни одна ведьма. Я подразумеваю, что ты знаешь, что ты хороша. Это верно. Старшие ведьмы знают, что ты когда-то выкинула из нашего мира прочь Королеву Фей, и видели, как ты справилась с Роителем. Видели как ты вернулась».

«Но разве этого достаточно?» — вмешалось ее Точномыслие. — «После того... после того как мы сделаем то, что должны, все что останется — надеть дополнительные панталоны, сесть на помело и отправляться домой. Все равно придется уехать, даже если мне навязали новое владение. Нужно объяснить родителям. И мне нужна помощь на Мелу... если придется быть в двух местах одновременно, это будет кошмар. Я же не кошка...»

И едва она это подумала, она опустила глаза и увидела глядящую Ты.

Но не просто глядящую. Ее взгляд был пронизывающим, как бывает у кошек, и Тиффани показалось, он означает следующее: «Приступай к работе. Предстоит много потрудиться. Не думай о себе. Думай о других».

Наконец, усталость взяла верх, и Тиффани Болит уснула.

* * *

На утро все семафорные башни затрещали, разнося по линиям новости о смерти Матушки Ветровоск. Узнававшие об этом люди воспринимали новость по-разному.

Миссис Иервиг^[16] узнала об этом в своем кабинете, делая записки для новой книги «Цветок Магика», вместе с внезапным чувством неправильности, словно мир накренился. Она изобразила на лице приличествующую скорбную мину и, стараясь скрыть радость, направилась к мужу, старому волшебнику, чтобы сообщить эту новость. Внезапно до нее дошло так же то, что теперь она, миссис Иервиг стала одной из самых могущественных ведьм в Ланкре. Может ей даже удастся посадить в ее домике свою последнюю ученицу? Ее острые черты лица еще больше заострились, когда она подумала, насколько магично все может получиться, если использовать несколько сетей проклятий, чар, пару символов рунн, серебряных звезд, черных вельветовых накидок и... о, да, отличный хрустальный шар.

Она приказала своей новой ученице взять свою шляпу и помело, и натянула свою лучшую пару черных кружевных перчаток с вышитыми серебряными символами на кончиках пальцев. Ей нужно будет создать вход...

* * *

В лавке «Сувениров и розыгрышей Боффо» на улице Десятого яйца дом четыре в Анк-Морпорке миссис Прост сказала: «Как жаль! Старушка отлично справлялась».

Разумеется, у ведьм нет главных, но каждая знала, что Матушка Ветровоск была бы лучшим лидером из тех, кого у них нет. Поэтому теперь кому-то другому предстояло выйти вперед, чтобы как-то направлять ведьм. И приглядывать за теми, кто склонен к хихиканью.

Миссис Прост отложила имитатор хихиканья, который она сняла с

витрины для сравнительного хихиканья, и обратилась к сыну, Дереку: — Предстоит большой спор, иначе мое имя не Юнис Прост. Но ее владение, вне всякого сомнения, отойдет юной Тиффани Болит. Мы все видели, на что она способна, — и мысленно добавила: «Давай, Тиффани, пока тебя не опередили!»

* * *

Барабантер с «Анкморпоркской Правдой» в руке со всех ног спешил в Овальный кабинет к лорду Ветинари, который ожидал свой ежедневный кроссворд.

Но лорд Ветинари уже знал важные новости.

— Предстоят сложности. Помяни мои слова, среди женщин будет склока, — он вздохнул. — Что думаешь, Барабантер? Кого вынесет наверх варева? — Он постучал по набалдашнику своей черной трости, словно обдумывая ответ на собственный вопрос.

— Что ж, милорд, судя по слухам, которые ходят на семафорных башнях это некто Тиффани Болит. Она довольно юна.

— Довольно юна, верно. И хороша в своем деле?

— Хочется верить, сэр.

— А что говорят о той женщине, миссис Иервиг?

Барабантер построил мину:

— Показушница, милорд. Не любит пачкаться. Множество побрякушек, черные кружева. Вы знаете таких. Имеет связи. Но это все, что я могу сказать.

— Ах, да. Сейчас, когда ты мне напомнил, я ее вспомнил. Агрессивная и эгоистичная. Она из тех, что посещает светские рауты.

— Вы тоже, милорд.

— Да, но я-то тиран. Это моя работа, которую я, к сожалению, должен выполнять. Теперь о юной мисс Болит. Что нам еще о ней известно? Разве в городе не возникли беспорядки во время ее последнего визита?

— Нак Мак Фиглы, милорд, очень к ней привязаны, как и она к ним. Они считают себя кем-то вроде ее почетной стражи во время ее путешествий.

— Барабантер.

— Да, милорд?

— Я хочу использовать слово, которое раньше не использовал. Кривенс! Нам бы не хотелось вновь испытать нашествие фигов. Это не

допустимо!

— Маловероятно, милорд. Госпожа Болит держит их в узде, и вряд ли захочет повторения событий своего прошлого визита. И повреждения не носили долговременный характер.

— Разве «Голова короля» не превратилась в «Шею короля»?^[17]

— Совершенно верно, милорд, но как оказалось, для многих это изменение было к лучшему. В основном для владельца, который наживается за счет туристов. Трактир даже внесен в туристический гид.

— Если на ее стороне фиגлы, то с ней придется считаться, — задумался Ветинари.

— Юная леди известна так же своей рассудительностью, умом и отзывчивостью.

— И с ней все еще можно общаться? Хотелось бы мне сказать то же самое о миссис Иервиг. Хмм. Нам следует внимательно к ней присмотреться...

* * *

Аркканцлер Невидимого Университета Наверн Ридикулли сидел уставившись в стену своей спальни, снова вытирая слезы. Собравшись мыслями, он вызвал своего подручного волшебника Думмера Туппса.

— Семафор передал подтверждение сообщению Гекса, господин Туппс, — горько сказал он. — Ведьма из Ланкра Эсме Ветровоск, известная многим как Матушка Ветровоск, умерла. — Аркканцлер выглядел слегка встревоженным. На его коленях был ворох писем, которые он теребил в руках. — Когда мы были моложе, между нами была своего рода связь. Но она хотела стать лучшей в мире ведьмой, а я надеялся когда-нибудь стать Аркканцлером. К несчастью для нас наши мечты осуществились.^[18]

— Ух ты, сэр. Хотите, чтобы я внес в ваше расписание посещение поминок? Я полагаю, они должны быть...

— К чертям расписание, господин Туппс. Я ухожу. Немедленно.

— Со всем уважением, Аркканцлер, напомню, что вы, сэр, обещали быть на встрече с гильдией ростовщиков и бухгалтеров.

— С этими вымогателями! Передай им, что у меня срочные международные дела.

Тупс разнервничался:

— Но, Аркканцлер, это ведь неправда.

Чудакулли отмахнулся:

— Нет, правда!

Правила не для всех. Не для него. «И, — он подумал с острой болью, — не для Эсме Ветровоск...»

— Вы давно в Университете, молодой человек? — буркнул он Туппсу. — Лицемерие наш козырь в переговорах. А теперь, господин Туппс, я собираюсь взять свое помело и оставляю это место в ваших надежных руках.

* * *

В том... ином мире, что паразитирует при помощи маленьких дьявольских когтей в каменных проходах, эльф вынашивал свой план. Он задумал захватить власть в стране Фей у Королевы, которая так и не сумела оправиться после поражения от той маленькой девочки по имени Тиффани Болит. Замышлял прыжок, прорыв сквозь проход, поскольку — по крайней мере, на время — преграда тонка. Могущественная карга больше не стояла на пути. А значит этот мир будет уязвим.

Глаза лорда Цветок Гороха заблестели и его разум был наполнен образами жертв, наслаждением от жестокости, от тех игрушек в новых землях, с которыми могли бы поиграть эльфы.

Когда настанет подходящий момент...

Глава 4

Прощание и приветствие

Следующим утром даже целый кувшин сидра, почти мгновенно выпитый Нянюшкой Ягг, не помог спустить тело Матушки Ветровоск по винтовой лестнице. Тем не менее, это получилось, и даже ни разу не уронив.

Они аккуратно уложили тело в плетеную корзину, и, пока Нянюшка Ягг переводила дыхание, Тиффани сходила в сарай за тачкой и лопатами. Потом они вместе аккуратно подняли корзину на тачку, сложив лопаты по обе стороны.

Тиффани взялась за ручки.

— Оставайтесь здесь, Роб, — приказала она фиглам, вылезших из разных укрытий и выстроившихся перед ней. — Это наши карговские дела. Вам нельзя мне помогать.

Роб Всякограб поскреб ногой землю:

— Но ты ж наша карга, и, знашь ли, Джини сказала...

— Роб Всякограб! — Стальной взгляд Тиффани прищипил фигла к земле. — Ты не помнишь главную каргу? Матушку Ветровоск? Ты хочешь, чтобы ее тень вернулась и... вечно указывала что делать? — Послышался общий стон, а Вулли Валенок попятился, скуля от страха. — Тогда усвойте следующее: это то, что карга должна делать самостоятельно. — Она повернулась к Нянюшке Ягг: — Куда везти?

— Эсме заметила местечко в лесу, Тифф. Там она и хотела упокоиться, — ответила старушка. — Идем! Я знаю место.

Сад Матушки Ветровоск незаметно переходил в лес, но дорога показалась Тиффани бесконечной. Наконец, они прибыли в густую чащу, где из земли торчала палка с повязанной на кончике красной лентой.

Взявшись за лопаты обе ведьмы начали копать в прохладной утренней дымке. Это был тяжелый труд, но Матушка Ветровоск выбрала хорошее место и земля была легкой и мягкой.

Наконец они вырыли могилу, в основном благодаря Тиффани. Пока Тиффани возилась с тачкой, Нянюшка Ягг повисла на рукояти лопаты, проклиная мозоли, и прикладывалась к фляге. Они аккуратно опустили корзину в могилу и мгновение постояли молча.

Ни словом не обмолвившись, они обе поклонились могиле ведьмы.

Потом дружно взявшись за лопаты, они стали ее засыпать землей. Кир-чанк! Кир-чанк! Лопата за лопатой, пока из-под земли не осталось видно гроба, и Тиффани следила, как растет горка, пока не была брошена последняя горсть.

Когда они разровняли свежую землю, Нянюшка Ягг сказала, что Матушка Ветровоск не хотела ни каких святилищ, урн или надгробий.

— А как же без надгробия? — спросила Тиффани. — Ты же знаешь, как барсуки, мыши и прочие лесные жители роют землю. Хотя мы и знаем, что кости, это не она сама, я бы хотела удостовериться, что ее никто не потревожит, до... — она умолкла.

— До конца времен? — спросила Нянюшка Ягг. — Послушай, Тифф. Эсме просила передать, если хочешь повидаться с Эсмеральдой Ветровоск, просто оглядись вокруг. Она здесь. Мы ведьмы не горюем подолгу. Мы радуемся добрым воспоминаниям. Они остаются, чтобы нас радовать.

На Тиффани разом нахлынули воспоминания о Бабуле Болит. Ее бабуля не была ведьмой, хотя Матушка Ветровоск очень ею интересовалась. Когда Бабуля Болит умерла, ее пастуший фургон сожгли, а ее саму похоронили в меловом кургане. Потом дерн уложили обратно, и место можно было найти лишь по вросшим в землю старым фургонным колесам. Однако теперь это место стало почитаемым, место для воспоминаний. И не только для Тиффани. Ни один пастух не пройдет мимо, не глянув в небеса и не вспомнив о Бабуле Болит, которая топтала эти холмы ночь за ночью, освещая во тьме свой извилистый путь фонарем. Ее одобрителный кивок на Мелу мог сравниться с покорением мира.

И это место в лесу, подумала Тиффани, непременно станет таким же. Благословенным. «Отличный день, — решила Тиффани. — Если есть подходящий день, чтобы умереть, то должен быть и подходящий день для похорон».

Над головой запели птицы, и послышался шорох травы, и все звуки леса, напомнившие о продолжении жизни, слились с душами умерших в лесной реквием.

Лес пел в память о Матушке Ветровоск.

Тиффани заметила лисицу, которая поклонилась и убежала, испугавшись дикого кабана, появившегося с выводком поросят. Не обращая внимания на ранее пришедших, появился барсук и уселся сидеть. Тиффани с открытым ртом смотрела, как рядом с могилой устраивается словно домашние животные разная лесная живность.

«Где ты теперь, Матушка Ветровоск? — задумалась Тиффани. — Может ли часть тебя... оставаться здесь?» — Она вздрогнула от

прикосновения к плечу, но это был всего лишь листочек. И тут в глубине души она услышала ответ.

Где ты теперь, Матушка Ветровоск? — Она здесь. И повсюду.

К удивлению девушки Нянюшка Ягг тихонько плакала. Она хлебнула еще из фляги и вытерла глаза:

— Иногда слезы помогают, — сказала она. — Нет ничего постыдного поплакать о любимых. Порой я вспоминаю одного из своих мужей и тоже проливаю пару слезинок. Нужно ценить воспоминания, а помногу грустить негоже.

— Так все-таки, Нянюшка Ягг, сколько у тебя было мужей?

Нянюшка Ягг задумалась, по видимому подсчитывая.

— Значит, трое моих собственных, и, скажем так, у меня кончились пальцы, подсчитывая чужих. — Но сейчас она улыбалась, наверное вспоминая самого любимого мужа, и вдруг, вынырнув из прошлого, она внезапно стала прежней собой. — Но, хватит стоять, Тифф! Давай вернемся в твой дом. Не даром говорится — добрый стояк не случается сам по себе.

* * *

На обратном пути Тиффани задала вопрос, который давно не давал ей покоя:

— Как думаешь, что будет дальше?

— Что ты имеешь в виду? — посмотрела на нее Нянюшка Ягг.

— Ну ведь, Матушка Ветровоск не была так сказать лидером ведьм... хотя большинство именно так и считало...

— Ты же знаешь, Тифф. У ведьм не может быть предводительницы.

— Да, но... Если Матушки Ветровоск больше нет, то не ты ли становишься как-бы-не-предводительницей?

— Я? — расхохоталась Нянюшка Ягг. — О, милая! Разумеется нет. У меня отличная жизнь, полно детей, мужчин, развлечений, хотя, разумеется, я хорошо справляюсь с ведовством. Но я никогда не хотела бы влезть в Эсмины ботинки. Никогда.

— Ладно. Но кто тогда? Кто-то должен быть.

Нянюшка Ягг ответила, поморщившись:

— Эсме никогда не утверждала, что она лучше других. Она просто жила и демонстрировала всем, а люди просто сами до всего догадывались. Помяни мои слова, скоро соберутся старшие ведьмы, чтобы это обсудить.

Однако я знаю, кого бы выбрала Матушка Ветровоск. И я бы тоже. — Она остановилась и на мгновение стала серьезной. — Это ты, Тифф. Тебе Эсме оставила дом. Но все куда сложнее. Тебе придется влезть в ее ботинки, иначе это попытается сделать кто-то менее подготовленный!

— Но... Я не могу! У ведьм же не бывает лидера! Ты только что это сказала!

— Сказала. А ты должна быть лучшим растреклятым лидером, которого у нас нет. И не смотри на меня так, Тиффани Болит. Просто подумай. Не следует пытаться стать, а просто быть, и если мне не веришь, поверь Матушке Ветровоск. Она мне говорила, что ты единственная ведьма, которая всерьез способна занять ее место. Она сказала мне в ту ночь, когда ты носилась с той зайчихой.

— Мне она ничего подобного не говорила, — сказала Тиффани, внезапно почувствовав себя юной соплячкой.

— А она бы ничего и не сказала. Разумеется, нет. Разве так поступала Эсме? Ты ведь ее знала. Может она и хмыкнула бы разок, а может сказала что-то вроде: «Молодец, девочка». Ей нравилось, когда люди знают свои силы, а твоя сила примечательна.

— Но, Нянюшка, ты же старше и опытнее! Ты знаешь куда больше!

— И кое-что из этого я хотела бы забыть, — ответила Нянюшка Ягг.

— А я слишком молода, — заныла Тиффани. — Если бы я не была ведьмой, то еще помышляла бы о кавалерах.

Нянюшка Ягг почти набросилась на нее в ответ:

— Ничего ты не слишком молода. Годы не имеют значения. Матушка Ветровоск как-то сказала мне, что ты одна из тех, кто умеет обращаться с будущим. А быть молодой означает, что впереди у тебя много этого самого будущего, — она фыркнула. — И поболее, чем у меня. Это факт.

— Но все устроено не так, — возразила Тиффани. — Это должна быть старшая ведьма. Должна быть.

Но ее Ясномыслие ей возразило: «Почему? Почему не изменить порядок вещей? Зачем повторять то, как всегда поступали раньше?» И что-то внутри нее вдруг испугалось такой смелости.

— Ха! — хмыкнула Нянюшка Ягг. — Ты танцевала с зайчихой, чтобы спасти жизнь друзей. Помнишь, как ты разозлилась настолько, что... схватила кусок кремня и он потек у тебя сквозь пальцы словно вода? Все старшие ведьмы там были, и сняли перед тобой шляпы! Шляпы! Перед тобой! — Она устремилась к домику, бросив напоследок последний довод: — И вспомни, что и Ты тебя выбрала. Когда Эсме ушла, эта кошка отправилась именно к тебе.

Белая кошка как раз сидела и умывалась на пне старой ивы. Тиффани призадумалась. Да, призадумалась.

* * *

Они вернулись к дому как раз в тот момент, когда у козьего загона пытался приземлиться растрепанный толстый волшебник, верхом на помеле.

— Как здорово, что ты прилетел, Наверн, — крикнула Нянюшка через весь сад. Джентльмен осторожно двинулся им навстречу, перешагивая через растения, поправляя свой наряд и сняв шляпу — Тиффани с любопытством заметила, что она была завязана под подбородком тесемочкой. — Тифф, познакомься! Это Наверн Чудакулли, Аркканцлер Незримого Университета.

Тиффани всего раз или два встречала волшебников, и те в основном полагались на свои шляпы, мантии и посохи, опасаясь, как бы их не попросили сделать что-нибудь волшебное. На их фоне Наверн Чудакулли выглядел в точности таким же: борода, посох с огромным набалдашником, шляпа... погодите-ка, на полях шляпы был установлен арбалет? Ее ведьмина часть отступила назад и осторожно взгляделась. Но Чудакулли не обратил на нее никакого внимания. К ее удивлению Аркканцлер плакал.

— Значит, это правда, Нянюшка? Она действительно умерла?

Нянюшка Ягг протянула ему носовой платок, в который тот шумно высморкался, и шепнула Тиффани: — Они с Эсме были в молодости, ну ты понимаешь, добрыми друзьями. — Она подмигнула.

По всем приметам Аркканцлер был убит горем. Нянюшка Ягг протянула ему свою фляжку:

— Мое знаменитое лекарство, ваше всеможество. Лучший способ применения — пить залпом. Отлично справляется с меланхолией. Когда я теряю уверенность в себе, принимаю его в больших количествах. Разумеется, в чисто медицинских целях.

Аркканцлер принял флягу из рук Нянюшки Ягг, сделал сразу несколько глотков и, взмахнув сосудом в ее сторону, провозгласил хриплым от горя голосом:

— В память Эсмеральды Ветровоск и утраченного будущего. Пусть мы снова встретимся! — Он снял шляпу, отвинтил заостренный конец и вынул бутылочку бренди со стаканчиком. — Это тебе, миссис Ягг, — прогудел он. — А теперь, могу я ее повидать?

— Мы ее уже схоронили там, где она хотела, — ответила Нянюшка Ягг. — Ты же знаешь обычай. Она не хотела суеты. — Она посмотрела на него и добавила: — Извини, Наверн. Мы тебя проводим туда, где она сейчас. Тиффани, почему бы тебе не пойти вперед?

Так получилось, что самый уважаемый волшебник на свете смиренно шел следом за Тиффани и Нянюшкой Ягг по лесу к месту последнего упокоения самой уважаемой ведьмы на свете. На ветвях деревьев, окружавших небольшую полянку, во множестве сидели птицы и от души чирикали. Нянюшка Ягг с Тиффани отстали, позволив волшебнику побыть наедине с могилой. Наконец он вздохнул:

— Спасибо вам, госпожа Ягг, госпожа Болит.

Потом Аркканцлер повернулся конкретно к Тиффани и хорошенько ее оглядел.

— Во имя Эсмеральды Ветровоск, моя дорогая, если вам потребуется друг, вы всегда можете позвать меня. Самый важный волшебник в мире сможет чем-то помочь. — Он сделал паузу. — Я о вас слышан. Нет, не удивляйтесь. Вам следует знать, что мы волшебники следим за тем... за тем, чем заняты вы ведьмы. Нам известно, что в магии случаются сбои, когда что-то... случается. Кстати, я слышал о кремне. Это правда? — его голос стал резче. Тон того, кто не ведет беседы на праздные темы, только на важные, и важным тоном.

— Правда, — ответила Тиффани. — Все до последней буквы.

— Надо же. Я чувствую, что ваше будущее будет, скажем так, весьма занятым. Я вижу все признаки, госпожа Болит, а мне знакомы многие могущественные люди. Те, в ком столько могущества, что им даже не нужно его применять. Вы еще далеко не вошли в полную силу, но я уже наблюдаю это в вас, так что жду с нетерпением, что же будет дальше. — Потом он поник и добавил: — А теперь, дамы, не оставите ли меня наедине с моими переживаниями? Уверен, я сам сумею найти обратную дорогу.

Чуть позже Тиффани с Нянюшкой увидели, как Аркканцлер вернулся к своему помелу и удалился в направлении Анк-Морпорка. Когда он делал прощальный круг над лесом, помело метало во все стороны.

— Волшебник, — улыбнулась Нянюшка Ягг. — Может себе позволить расчувствоваться когда угодно. А если не может, что ж! Может полетать на помеле после парочки глотков бренди. В конце концов, в небе почти нет помех!

Утренние визиты продолжились: все больше людей приходило к домику отдать дань уважения ведьме. Новости быстро распространялись, и каждый решил оставить прощальный дар Матушке Ветровоск, которая всегда была с ними, даже если они этому не всегда были рады. Нельзя сказать, что Эсме Ветровоск преуспела в своем деле. Она просто делала то, что было необходимо. Когда в ней была нужда, жители приходили к домику позвать на помощь, и она появлялась в ответ на призыв, не взирая на время дня или ночи, порой незваной и не в самый подходящий момент. Это давало им ощущение... безопасности. Люди несли дары: ветчину и сыр, молоко и пиво, варенья и соленья, хлеб и фрукты...

Буквально отовсюду в лес слетались метлы: мало чем можно заманить в гости ведьму, чем бесплатной едой. Тиффани застучала престарелую ведьму, пытавшуюся спрятать целую курицу в панталоны. Как только плотность ведьм повысилась, местный люд поспешил откланяться. В присутствии такого количества ведьм поневоле чувствуешь себя неудобно. Зачем рисковать? Кто захочет превратиться в жабу? Некому будет убирать урожай. Под разными предлогами они выдвигались вместе с любителями коктейлей Нянюшки Ягг, которые усваивались весьма экстравагантным способом.

Никого из ведьм не приглашали, но Тиффани показалось, что их сюда тянуло, как и Аркканцлера. Заявилась даже миссис Иервиг. Она приехала в карете, запряженной конной парой с черным плюмажем. Ее шляпа сверкала серебряными звездами, а руки звенели от перстней и браслетов — словно с гор вдруг свалилась ударная секция симфонического оркестра. Она даже притащила с собой мужа. Тиффани было откровенно жаль бедолагу.

— Приветствую вас, сестры, и пусть руны защитят нас от всякой напасти, — провозгласила миссис Иервиг достаточно громко, чтобы ее слышали оставшиеся селяне. Ей нравилось привлекать внимание. Она наградила Тиффани продолжительным взглядом, чем разозлила Нянюшку Ягг.

Та кратко кивнула в ответ, потом обернулась и сказала: — Тиффани, глянь-ка! Это Агнесс Нитт. Иди к нам, Агнес!

Размеры Агнес подсказывали, что она разделяет увлечение кельды фигов едой. Запыхавшаяся Агнес доложила:

— Я как раз была на гастролях с пьесой Сщаспика «Всякому подлецу по барабану» в Щеботане. Узнала и сразу же помчалась сюда.

Тиффани раньше не встречалась с Агнес, но после единственного взгляда на ее подвижное и добродушное лицо, решила, что они поладят. Но тут ее охватила радость, когда после жесткой посадки одной из метел, она

услышала знакомое «Мм!» ее подруги Петулии.

— Мм, Тиффани. Я слышала, что ты здесь. Мм, тебе нужна помощь с приготовлением сэндвичей? — она помахала в воздухе здоровенным куском ветчины. Петулия Хрящик была известной на весь Ланкр утомительницей свиней^[19] и вышла замуж за владельца свинарника. И еще она была одной из ее лучших подруг.

— Димити тоже здесь, и, мм, Люси Варбек, — продолжила Петулия. «Мм» учащались, когда она оказывалась в компании старших ведьм. Но что удивительно, это междометие никогда не появлялось во время утомления свиней. Это многое говорило о Петулии, и о свиньях тоже.

Тиффани и внуки Нянюшки Ягг расставили импровизированные столы. В конце концов всем было известно: ради чего на самом деле собираются на поминки. Люди любят поесть и выпить по любому поводу. Заиграла музыка и все пространство наполнил мощный голос Агнес. Она пела арию «Стенание Колюмбины», и плавная музыка отражалась от крыши и растекалась по лесу.

— От такого голоса и деревья зарыдают, — отметила Нянюшка Ягг.

Потом начались танцы, которые, без сомнения, были спровоцированы горячительным выделки Нянюшки Ягг. Она способна где угодно организовать танцы и пение. Это талант. Если понадобится или взбредет ей в голову, Нянюшка встряхнет даже кладбище.

— Ну, пожалуйста, ни каких больше кислых рож в адрес Матушки Ветровоск, — заявила Наняшка Ягг. — Она прилично перешла в мир иной у себя на дому, чего и вам желаю. Мы знаем, что люди смертны, и если они, прожив долгую жизнь, покидают этот мир вместо того, чтобы вернуться, что ж! Это повод для праздника! Все остальное — ерунда. А теперь, танцевать! Танцы заставляют землю вращаться. И она вращается чуточку быстрее после капельки моего домашнего ликера.

Рассевшиеся в ветвях небольшого деревца, растущего прямо из крыши ведьминога домика, фиглы — в числе: Роб, Вулли Валенок, Великучий Ян и гоннагль Ужасен Билли Подбородище — согласились с последней частью высказывания, отложив танцы на потом, но взяв на заметку. Они старались держаться скрытно, их заметили лишь одна или две самые наблюдательные из ведьм. Они спустились в чулан к Тиффани, которая занималась тем, чего от тебя ожидают старшие ведьмы — уборкой. Снаружи же ведьмы начали собираться группками посплетничать. Пришло время обсудить преемницу владениям Матушки Ветровоск, поэтому Тиффани старалась держаться подальше, чтобы не высказать то, что она думает по этому поводу.

Под завывающие звуки мышлилки Ужасна Билли Подбородища,

наигрывавшего прощание с каргой карг, фиглы начали набег на столы, на которых еще сохранились не замеченные ведьмами продукты.

— Я хорошо знал старушку, — вздохнул Великучий Ян, отхлебывая из бутылки с домашним лимонадом Нянюшки Ягг.

— Вряд ли, — буркнула Тиффани. — Только Матушка Ветровоск по-настоящему знала Матушку Ветровоск. — День выдался нервным, а ведьмы заставляли ее нервничать.

— Ха-ха, — рассмеялся Вулли Валенок. — Сей раз, Роб, то был не я. Не я пехнул главу в пасть. Я-то зараз заприметил, чо карга-то не в духе, а?

— Я тя сам пихну в пасть, ежели ты не заткнешься, — прорычал Великучий Ян. Они преуспели в любимых занятиях «наворовать», наесться, а так же «набухаться». Танцы отложили. Может пришло время «бития»? Он сжал кулаки, но спрятался, когда в чулан заглянули подруги Тиффани.

— Думаю, скорее всего это будешь ты, Тиффани, — похлопав ее по спине, шепнула Димити. — Нянюшка Ягг только что проголосовала за тебя. Тебе бы лучше там показаться.

— Давай, Тифф, — подтолкнула Петулия. — Всем известно, мм, какого мнения о тебе была Матушка Ветровоск...

Так, подталкиваемая подругами, Тиффани вышла из чулана, однако спряталась за входной дверью, боясь сделать последний шаг на крыльцо, заявить о себе. Это был домик Матушки Ветровоск. Она это чувствовала, хотя и ее отсутствие так же давало о себе знать огромной пустотой где-то неподалеку. Посмотрев вниз Тиффани увидела Ты, которая, выгнув спину, терлась своей небольшой, но твердой головкой о ее ноги.

Ведьмы внимали Нянюшке Ягг:

— Все верно, дамы. Эсме сама сказала нам, кто будет ее наследницей. — Она обернулась и махнула рукой, подзывая Тиффани. — Хотелось бы мне присутствовать, когда Нянюшка Грипс посвятила Эсме Ветровоск в полноправные ведьмы. Можно подумать каждый воплощаешься в того, кто его учит ведовству, но мы сами выбираем свой путь. Так уж выходит. Эсме Ветровоск всегда была особенной ведьмой, а не просто второй Нянюшкой Грипс. И хотя я считаю, что каждый может говорить сам за себя, однако такие люди как Аркканцлер, лорд Ветинари и, разумеется, никто иной, как Глубинная королева гномов хотят быть уверены, что есть кто-то, кто способен высказаться, так сказать, от лица всех ведьм. И я уверена, что они видели в Эсме Ветровоск именно «голос ведовства». Поэтому и нам следует к нему прислушаться. Она сказала, кто должен стать ее приемницей. И, кстати, это написано на вот этой

табличке. — Нянюшка помахала найденной табличкой.

Кто-то высказался за то, чтобы владение перешло миссис Иервиг, и от самой миссис Иервиг было выдвинуто предложение передать владение ее новой воспитаннице. В ответ Нянюшка Ягг одарила ее взглядом, в котором не осталось и следа веселья.

— Летиция Иервиг только и делает, что наряжает своих учениц в сверкающие побрякушки! — заявила она, проигнорировав громкое «гы-кхм» от миссис Иервиг. — А Тиффани Болит — да, сестры! Тиффани Болит — она делала то, что мы все наблюдали. И здесь речь не идет о каких-то ярких чарах. Не о книгах. Речь о том, как оставаться ведьмой до последней капли в абсолютном мраке. Как справляться с отчаянием и слезами! О реальной жизни. Это знала Эсме Ветровоск. Знала каждой косточкой своего тела. И Тиффани Болит знает. Поэтому владение ее по праву.

Тиффани охнула, когда остальные ведьмы все повернулись посмотреть на нее. Когда начались пересуды, она нервно вышла вперед.

Тут перекрывая общий гул раздалось мяуканье Ты, белая кошка снова оказалась рядом с Тиффани. Потом раздалось жужжание, и появились пчелы. Вылетев с пасеки Матушки Ветровоск, они словно облако окружили Тиффани, и когда девушка вытянула руки, облепили их, приветствуя ее как хозяйку.

После такого в печальный день, когда все уже попрощались с главной ведьмой, ни у кого не осталось аргументов, почему для всех Тиффани не может быть ее наследницей.

Глава 5

Изменчивый мир

Королева Фей сидела в своем дворце на алмазном троне в окружении свиты: придворных, подменных и потерянных детей, а так же представителей волшебного народа — разных жутких созданий без названия.

Сегодня она выбрала сверкающий наряд: вечный закатный свет, просвечивающий сквозь причудливые резные каменные окна, должен был отражаться от крохотных драгоценных камней на ее крылышках, при малейшем движении отбрасывая на стены зала тысячи крохотных радуг. Ее свита, наряженная в бархат с кружевами и перья, была почти так же, но все-таки не настолько, прекрасно одета.

Королева быстро окинула взглядом лордов и дам. От них всегда нужно ждать подвоха. Это не с лордом ли Горчичное зерно о чем-то шепчется в углу лорд Длинноног? А где же Цветок Гороха? Однажды она прикажет отрубить ему голову и выставить на пике на всеобщее обозрение! Ему совсем нельзя верить, и он изо дня в день становится все сиятельнее, почти как она сама. Горькая поправка. Как она сама была... прежде.

До появления в ее владениях унизившей ее Тиффани Болит.

В последнее время Королева Фей стала замечать между их мирами вибрации, которые надо понимать, как изменения в привычном порядке вещей. Граница ослабла. Стала мягче. Кое-кто из эльфов посильнее даже сумели проникнуть и учинить кое-какой беспорядок. Возможно вскоре она сама возглавит настоящий налет... присмотрит себе нового ребенка для забав и отомстит ведьме Болит. Королева улыбнулась своим мыслям и облизнулась в предвкушении предстоящего веселья.

А пока нужно разобраться с другими тревожными новостями. Гоблины! Грязные черви, которые должны быть благодарны за то что эльфийские лорды и дамы просто обращают на них внимание, сейчас неразумно отказываются ей подчиняться. Она преподаст им урок. И все, и лорд Горчичное Зерно, и Длинноног, и Цветок Гороха, все снова увидят ее силу. Они увидят, как она нанесет удар по гоблинской нечисти...

И все-таки, где же Цветок Гороха?

Стража ввела пленного гоблина в зал для приемов. «Внешний блеск ошеломляющий, — кисло подумал гоблин. — Все, как на картинках с изображением фей в человеческих книжках для детей». Пока не разглядишь лица и не поймешь, что что-то не так с глазами и выражением лиц.

Королева некоторое время разглядывала гоблина, опустив подбородок на тонкую резную руку. Нахмурила алебастровый лобик.

— Эй, ты! Гоблин! Кажется ты величаешь себя Солнечной Росой. Ты и твои родичи издавна пользовались защитой моего трона. Но, как я слышала, вы задумали бунт. Решили отказаться от соблюдения правил. Перед тем, как я отдам тебя моей страже... поразвлекься, ответь — почему?

Она вложила в голос все свое очарование, но это не тронуло гоблина. Он должен был пасть на колени и умолять о прощении, пораженный и загипнотизированный красотой Королевы, а вместо этого стоял и глупо улыбался. Улыбался Королеве!

— Ох, кралевка. Значит, все так. Гоблинцы в мире человек стал полноправный гражданин. Человек скажи — гоблин полезный. Гоблинцы получать плата как полезный, за находить и делать штуки.

Гламурный облик королевы померк, и она хмуро уставилась на стоявшее перед нею существо:

— Это невозможно! — крикнула она. — Все знают, что вы, гоблины, нечемные!

— Ха-ха! — рассмеялся гоблин. — Кралевка не так умная, как считает. Гоблинцы теперь ездить спина железный конь. Знать как управлять.

Когда гоблин произнес запретное слово «железный», по толпе придворных прошел трепет и магический блеск потускнел. Королевское платье изменилось с серебристого шелка на кроваво-красный бархат. Ее светлые кудрявые локоны превратились в прямые пряди цвета вороньего крыла. Придворные последовали ее примеру, сменив шелка и бархат на кожаные штаны с алыми поясами, раскрашенные краской торсы кое-где были прикрыты кусками меха. Одновременно обнажились каменные ножи и острые зубы.

Маленький гоблин и глазом не моргнул.

— Я тебе не верю, — сказала Королева. — Ведь, в конце концов, ты всего лишь гоблин.

— Лишь гоблин, да, ваша кралевоствь, — тихо произнес он. — Гоблин, который понять железо и сталь. Сталь, теперь ходить везде-везде, чух-чух! Возить человечки далеко-далеко. Гоблин теперь гражданин Анк-Морпорк, а вы, миледи, знать, что это значить. Темный страшно злиться, когда убивать

его граждан.

— Ты — лжец, — заявила Королева. — Лорду Ветинари наплевать, что с тобой случится. Вы гоблины — все лжецы. И ты, Солнечаная Роса, тоже.

— Так не звать больше. Теперь моя — Пена Стружки, — гордо объявил гоблин.

— Стружка? — удивилась Королева. — Что это?

— Мелкие кусочкисы железа, ваша королевость, — ответил мрачным тоном гоблин. — И Пена Стружки не лжец. Если другой раз, ваша могучесть, говорить такой тон, моя вывернуть карманцы. Показать, какой есть стружка!

Королева отпрянула, уставившись на руки гоблина, торчащие из карманов его странного темно-синего наряда с деревянными пуговицами.

— Как ты смеешь мне угрожать, червяк? Это мой мир! Я одним словом могу вырвать тебе сердце! Или убить на месте! — она взмахнула рукой страже, которая стояла со взведенными арбалетами, целясь в гоблина.

— Моя не ваш червяк, кралевка. У моя есть стружка. Мелкий штука мочь летать. Моя здесь доставить новость. Предупрежденьице. Нарезать Стружку ценить прошлый дни. Моя любить смотреть как человечки вопить, как действовать волшебный народец. Часть гоблинцы думать так, но больший часть теперь нет. Больший часть теперь совсем не гоблинцы. Почти человечки. Моя это не любить, но они говорить: время меняйся. Денежка хорошо. Так-то, кралевка.

— Денежка? — хмыкнула Королева. — Я покажу такую денежку этому с... — заметив, что гоблин дернул рукой в кармане, она замолчала. Могло ли это ужасное маленькое создание в самом деле принести в ее мир железо? Это было страшное, пугающее весь волшебный народец, вещество. Болезненное. Разрушительное. Оно ослепляет, оглушает, заставляет эльфов почувствовать свое одиночество сильнее, чем способен человек. Она закончила фразу, процедив сквозь зубы: — смешному созданию.

— Злато что? Оно таять, когда всходить солнце, — ответил гоблин. — Они... мы... получать настоящий денежка. Моя просто хотеть гоблинцы остаться гоблинцы. Гоблинцы со статус. Уважуха. Не изгнать больше никем от всех мест, — он перевел взгляд на Цветок Гороха, который внезапно появился рядом с Королевой.

— Я тебе не верю, — повторила Королева.

— Ваша право, кралевка, — сказал гоблин. — Не верь. Ходи врата. Теперь не так трудно, когда старый ведьма уходить. Сама смотреть. Мир измениться, кралевка.

«Да, изменился», — подумала Королева. Она почувствовала дрожание, узнала знакомые колебания, но не знала, о чем именно они сообщали. Значит старая ведьма умерла. Раз больше нет карги, некому ее остановить, поэтому почему бы не совершить блистательный набег? Но потом ее лицо помрачнело. Из-за этой... стружки. Железа.

— Свяжите-ка этому червяку за спиной руки, — указав на гоблина, приказала она страже: — Я желаю проверить, сказал ли он правду. И он отправится с нами... — она улыбнулась. — Если он соврал, мыотрежем ему язык.

* * *

Следующим утром в домике Матушке Ветровоск, ставшим Тиффани новым домом, она проснулась со знанием, что ее мир изменился. Ты следила за ней как сокол.

Она вздохнула. День намечался тяжелый. Тиффани бывала в сотнях домов, которые только что посетила смерть, и в каждом хозяйка дома, если таковая имелась, после этого надраивала все до блеска и отчищала все, что можно отчистить. Поэтому вооружившись тряпкой Тиффани занялась уборкой того, что и так уже было чистым и натиранием того, что и так уже блестело. Это было чем-то вроде безмолвной молитвы: мир стал хуже, зато каминная решетка блестящая и в дровнике запасены дрова для очага.

Все это время Ты сидела, наблюдая, словно статуэтка. Что кошкам известно о смерти? И конкретно ведьмовским кошкам? И еще конкретнее... кошке Матушки Ветровоск?

Пока что Тиффани отложила эту мысль на потом, и устремилась на кухню, надраивая все, что попадалось на глаза. И, да-да, все и так сверкало. И все равно она чистила то, что было чистым, потому что это закон — смерть нужно постараться вымести из дома и его нельзя изменить. Поэтому, не взирая на лица, нужно вычистить все сверху донизу.

Она закончила на кухне и чулане, оставив после себя такую чистоту, что глаза болели от блеска, поэтому пришлось перемещаться наверх. Опустившись на четвереньки с тряпкой и щеткой в руках, Тиффани терла и терла, чуть не стерев костяшки пальцев, пока не осталась удовлетворена результатом.

Но и это не был конец. Оставался еще крохотный платяной шкаф в составе скромного набора тщательно заштопанных и очень практичных платьев, и единственного плаща. Все черного цвета, разумеется. Отдельно

на полочке лежала тщательно свернутая накидка, подарок самой Тиффани. Насколько она могла судить, не ношенная, но бережно хранимая, как ценный дар. В глазах защипало...

У кровати стояли башмаки Матушки Ветровоск. Добротные и удобные. Матушка терпеть не могла разбрасывать полезные вещи. Но... будет ли удобно их надеть? Очень трудно идти по следам Матушки Ветровоск. У Тиффани встал комок в горле. Скорее всего ей удастся найти этим башмакам новый приличный дом. А пока она запихнула их подальше с глаз долой под кровать.

Затем, разумеется, следовало навестить сад и прежде всего растения. В чулане нашлась пара прочных рукавиц — появляться среди незнакомых растений без них, пока они хорошенько тебя не узнают, было бы опрометчиво. Матушка таскала, меняла и получала в дар растения отовсюду. Тут были: Шпинат Вертлявый, и Слива Сомнивающаяся, Лютик-недотрога, Обратовертка, Потри-мой-корешок, В-тазик-прыг, Усни-невстань, Раз-ромашка-два-ромашка и Дедов корень; целая клумба Кровоточащей любви соседствовала с Лунными светиками и очень буйными Девичьими вздохами. Тиффани не имела ни малейшего понятия, зачем они тут растут. Следует поинтересоваться у Нянюшки Ягг. Либо у Маграт Чесногг, которая под стать своему супругу ланкрскому королю Веренсу, была яркой поклонницей всяческой ботаники.^[20] Но в отличие от мужа Маграт могла отличить корень Бредового Тони от сельдерея.

Не просто быть ведьмой. Разумеется, помело — великая вещь, но быть ведьмой значит быть чувствительной. Чувствительно до боли. Приходится иметь дело с реальность, а это не то, с чем хотят иметь дело обычные люди. Реальность явилась в лице Ты, которая с мяуканьем принялась тыкаться мордой в ноги, выпрашивая еду, к которой совершенно не притронулась, когда Тиффани выставила перед нею блюдце на кухонном полу.

Тогда Тиффани снова вышла покормить кур, выпустила коз попасться, перекинулась парой слов с пчелами на пасеке, и тут поняла, сделано. Помещение идеально убрано, пчелы счастливы, вычищена даже пристройка. Если Нянюшка Ягг сможет появляться, чтобы покормить животных и присмотреть за Ты, Тиффани смогла бы отлучиться домой на пару дней...

* * *

Полет на Мел был долгим и, к сожалению, влажным — дождь лил не

переставая.^[21] Она направила помело напрямиком к дому Робинсонов. Фиглы цеплялись к помелу позади, снизу и в основном к наезднице — в своем привычном стиле.

Оба мальчугана Милли выглядели хорошо накормленными, а вот Тиффани-младшая — нет. Тиффани-ведьма была привычна к такого рода вещам, особенно у не слишком умных мамаш, либо у тех, у кого были властные матушки, считающие, что смысл жизни в сытых сыновьях. Именно поэтому сразу после рождения она нашептала девочке на ушко заклинание. Это было простое следящее заклинание, чтобы знать, что с малюткой все в порядке. Как она себе постоянно говорила, простая предосторожность.

Не было никакого смысла устраивать по этому поводу скандал, поэтому она отвела молодую маму в сторонку на пару слов:

— Послушай меня, Милли. Действительно, твои мальчики должны стать высокими и сильными. Так и будет, когда они подрастут, но моя мать всегда мне говорила: «Твой сын — твой, только пока не взял жену. А дочь останется дочерью до конца жизни». И мне кажется, это довольно справедливо. Ты ведь до сих пор помогаешь своей матери, верно? А она — тебе. Так что будет справедливо делить все поровну с малюткой. Пожалуйста. — А затем поскольку морковка, а в данном случае молоко, иногда вынуждены идти рука об руку с палкой, она резко добавила: — Я буду внимательно следить, чтобы про нее не забывали. — Остроконечная шляпа в чужих глазах делала ее старше и мудрее, чем она казалась бы без нее. Она знала, немного жесткости не помешает. И, разумеется, она будет следить.

* * *

Оставался еще один человек, с которым ей хотелось бы побеседовать. Дождь только усиливался, но она направила помело к меловому кургану. Роб с остальными фиглами соскочили на подлете. По случаю Вулли Валенок специально изобразил скверное приземление на голову, утонув по плечи в дерне, и юные фиглы радостно высыпали наружу, чтобы выдернуть его из земли.

Снаружи у входа дежурили несколько старших отпрысков Роба. Даже по меркам фиглов они выглядели худосочными, с еле заметной щетиной на подбородке. Их килты были приспущены до лодыжек, а почти у самых коленей, что было крайне непрактично, болтались напузники. К крайнему

изумлению Тиффани она заметила краешек резинки от красочных трусов. Труссы? У фигла? Мир меняется.

— А ну, пацанва, подтяни килт! — буркнул Роб, проходя мимо.

Кельда находилась в своей пещерке в окружении младших детей, которые катались по полу, устланному шерстью овец, ушедших пастишь в иной мир. Первое слово, которое она сказала, было:

— Я ведаю... — потом она вздохнула и добавила: — Я сожалею, но колесо постоянно поворачивается. — Ее лицо растянулось в улыбке: — Я счастлива приветить тя, Тиффан, главой ведьм.

— Спасибо, — ответила Тиффани и тут же подумала: «Как она узнала?» Но у каждой кельды были свои способы знать прошлое, настоящее и будущее... и этот секрет был известен только кельдам, передаваясь от одной к другой.

Она понимала, что несмотря на небольшой рост, именно Дженни она могла доверить любую тайну, зная, что никому больше она не станет известна. И сейчас она нервно сказала:

— Дженни, боюсь я никогда не смогу соответствовать размеру ее башмаков.

— Правда? — хрипло спросила кельда. — А не думала ль ты, что о теж самом в свое время размышляла Эсмеральда Ветровоск? Что младая карга могла сказать: «только не я»? И: «я недостаточно хороша». — Мудрая маленькая пикси некоторое время разглядывала Тиффани словно диковину, возможно как новое чудное растение, потом тихо ей сказала: — Я ведаю верно, ты станешь хорошей главной.

— Скорее только первая среди равных, чем главная, — добавила Тиффани. — По крайней мере в этом уверены остальные ведьмы... — Ее голос стих, и сомнение повисло в воздухе.

— Рази то так? — сказала кельда. Она мгновение помолчала, потом тихо проговорила: — Ты челомкалась с зимним духом и отправила его восвояси. И ведаю, было что и посложнее. В небесах грядут перемены, Тиффан, и в тебе будет велика нужда. — Ее голос стал еще мрачнее, и она уставилась своими крохотными глазками на Тиффани. — Будь сторожка, Ти-Фа-Тойн. То время изменений. Госпожи Ветровоск с нами боле нет, и ее уход оставил... дыру, что видна и другим. Нам следоваит следить за вратами, а тебе оберечься. Кое-кто, о ком те и ведать не захочется, ждут твою выхода.

«Хорошо быть дома», — подумала Тиффани добравшись до порога родительской фермы, которую так и называли, домашней, где ее мать каждый вечер готовила горячий ужин. И где она могла сидеть за огромным кухонным столом, отполированным многими поколениями Болитов, и снова почувствовать себя маленькой.

К сожалению, она больше не маленькая. Она ведьма. Одна на два владения. И всю следующую неделю она летала с Мела на Ланкр, из Ланкра на Мел, при чем погода собиралась состязаться за первое место самой сырой в году. Тиффани стало казаться, что она всегда прибывает поздно, мокрой и усталой. Люди почти всегда были с ней вежливы, по крайней мере, в лицо и при виде остроконечной шляпы, но она точно знала, о чем они умалчивают: что бы она ни делала, как бы не старалась — этого не достаточно. С каждым днем она вставала все раньше и ложилась позже, и все равно — этого было недостаточно.

Ей нужно быть хорошей ведьмой, сильной. И в промежутках между уходом, врачеванием, помощью и выслушиванием жалоб она ощущала приступы тревоги, внезапно пронзающие тело сверху донизу. Дженни предупредила, что грядет нечто ужасное... сумеет ли она справиться? Сейчас она даже не была уверена, что справляется с обычными делами.

Она не сумеет стать для Ланкра второй Матушкой Ветровоск.

Хуже всего, что на Мелу все труднее было оставаться Тиффани Болит.

Даже в родном доме. Даже здесь. Одним выдавшемся особо трудным вечером, когда она мечтала о миске еды и постели, в тот самый момент, когда ее матушка достала из прокопченной печи огромный горшок и поставила его по центру стола, семья принялась за нее:

— Сегодня у «Руки Барона» я встретил Сида Голубя, — сказал ее брат Вентворт, худосочный юноша не достаточно взрослый, чтобы попасть внутрь кабака, но уже определенно взрослый, чтобы слоняться неподалеку.

— Который Сид Голубь? — удивилась миссис Болит.

— Младший из братьев, — напомнил отец.

«Младший, — хмыкнула Тиффани. — Это бремя доброй половины фермеров. Это значит, что старший брат унаследовал ферму». Хотя, если она все верно помнит, ферма Голубей была довольно убогой и скверно управлявшейся. И разве господин Голубь не был завсегдаем «Руки Барона»? Она попыталась вспомнить миссис Голубь и не смогла. Но она отлично вспомнила Сида. Она встречала его всего неделю назад у Двурубах. Мальчишка вырос в точности в соответствии со своим именем, особенно получив шапку с острым козырьком и свисток на шею.

— Он рассказал мне о своей работе на железке, — с энтузиазмом

продолжил Вентворт. — Хорошо зарабатывает. И Сид говорит им требуются еще люди. Там будущее, пап. На железной дороге а не с овцами!

— Не слушай всякий вздор, сынок, — предупредил отец. — Железка для них, а не для фермеров. Не для Болита, вроде тебя. Ты знаешь, каким должно быть твое будущее. Оно здесь, где всегда есть работа для Болита.

— Но... — такой ответ не удовлетворил Вентворта. Тиффани стрельнула в него взглядом. Она знала, что именно он чувствует. Разве она сама не занимается чем-то, чего от нее никогда не ждали? В противном случае сейчас, как ее сестры, она была бы замужем и готовилась произвести на свет нового внука для забот бабушке.

Очевидно ее мать думала точно так же:

— В последнее время ты постоянно где-то отсутствуешь, — перевела она тему разговора с Вентворта на Тиффани, стараясь, чтобы в голосе не звучал отголосок жалобы, но закончила с грустью: — Мне бы так хотелось, Тифф, чтобы ты проводила с нами больше времени.

— Не приставай к ней. Она стала кем-то вроде старшей у ведьм. Не может же она быть везде одновременно, — ответил отец.

Чувствуя себя снова маленькой, Тиффани ответила:

— Я пытаюсь почаще бывать здесь, но у нас не хватает ведьм, чтобы везде справляться.

Ее мать нервно улыбнулась:

— Я знаю, милая, что ты усердно работаешь. Меня постоянно останавливают и благодарят за то, что ты помогла их детям или родителям. Все видят, что ты крутишься как никто другой. Знаешь, что говорят люди? Они говорят, что ты становишься как твоя бабушка. В конце концов, она говорила самому Барону, что и как делать. Так и ты.

— Но Бабуля Болит не была ведьмой, — ответила Тиффани.

— Это смотря с чем сравнивать, — возразил отец, отвлекшись от Вентворта, который в этот момент прошмыгнул из кухни наружу, хлопнув дверью. Джо Болит мгновение глядел ему вслед, вздохнул и подмигнул Тиффани: — Есть ведь разные виды ведьм. Вспомни, что твоя бабуля велела сжечь ее фургончик после ее смерти. Она мне велела: «Сожгите все!» — он улыбнулся и продолжил: — Я выполнил ее просьбу, почти. У нее была одна вещь, которая не должна была сгореть, поэтому я забрал ее и аккуратно завернул. И сейчас, дорогая, я передам тебе привет от Бабули Болит.

К ее удивлению, не смотря на улыбку, отец плакал, передавая ей крохотный сверток мятой бумаги, перевязанный кусочком старой шерстяной нитки. Она развернула его и повертела в руках странный

ребристый предмет.

— Это же корона пастуха, — сказала она. — Я их уже видела. Они довольно часто попадаются.

Болит-старший рассмеялся:

— Только не такая. Твоя Бабуля говорила, что эта особенная. Если она достается настоящему пастуху, она превращается в золотую. Приглядишься, под серым ты увидишь золотистый блеск.

Уплетая неповторимое рагу, какое могла приготовить только ее мать, Тиффани разглядывала небольшой предмет, размышляя о тех временах, когда Бабуля Болит спускалась с холмов на ферму за припасами.

Многие верили, что старушка питалась одним лишь табаком «Веселый Моряк», но в чем не было никаких сомнений — об овцах Бабуля Болит знала все на свете. И разум Тиффани увлекся воспоминаниями о том, что Бабуля Болит говорила или сделала. Прошенные и непрошенные воспоминания обрушились на нее словно кавалькада всадников, хлынули снегопадом.

Тиффани вспомнила, как они гуляли с бабулей. В основном они гуляли в тишине, иногда вместе с Громом и Молнией, бабулиными овчарками. Она многому научилась у старушки.

«Очень многому, — повторила она про себя. — Она меня воспитывала, пока мы ухаживали за овцами, объясняла все, что мне следовало знать. В первую очередь — что следует заботиться о людях. И, разумеется, все остальное — это заботиться об овцах».

И все, что ей требовалось в ответ, это пастуший фургончик и немного ее ужасного табака.

Тиффани уронила ложку. Не было ничего дурного в том, чтобы расплакаться на этой кухне как в детстве.

В мгновение ока отец оказался рядом:

— Ты так много делаешь, джиггит, но никому не под силу делать все на свете.

— Верно, — согласилась мать. — Кстати, твоя кровать всегда тебя ждет. Мы знаем, сколько пользы ты приносишь, и я так горжусь тобой, увидев, как ты пролетаешь на своем помеле. Но ты не можешь помочь всем на свете. Не стоит выходить этой ночью. Ну, пожалуйста.

— Мы рады повидать свою дочь, но были бы рады еще больше, сумев рассмотреть ее получше, а не мелькнувшую тень, — сказал отец, обняв ее одной рукой.

Ужин закончился в тишине, но очень сердечной. Тиффани приготовилась подняться наверх, в свою старую спальню. Миссис Болит

встала и с полки буфета из-за расписанных голубой глазурью белых горшков — которые на фермерской кухне были лишь для красоты — вытащила конверт.

— Тебе письмо, полагаю, от Престона, — было сказано весьма материнским тоном. Стоило ей произнести «Престон» и в воздухе повисал вопрос.

Поднимаясь по лестнице под умиротворяющее поскрипывание половиц, Тиффани чувствовала, как родительские забота и любовь следуют за ней в комнату. Она положила корону пастуха на полочку с ее богатством — немногими личными книгами — и устало натянула ночнушку. Сегодня она решила забыть страхи и разрешить себе немного побыть Тиффани Болит, а не Тиффани-ведьмой Мела.

Потом, пока еще было видно, она прочла письмо от Престона, и усталость на какое-то время прошла, уступив чистому счастью. Какое это было замечательное письмо! Его строчки были наполнены новым языком и словами. На этот раз он написал как правильно держать скальпель. Такое сильное и острое слово. И про новый способ сшивания ран. «Слово шов, по сравнению со словом скальпель, — подумала Тиффани, — звучит гораздо мягче. Почти исцеляюще само по себе». Как того рода, что ей требовалось. Исцелиться от потери Матушки Ветровоск, от страха перед огромной массой предстоящих дел, от попыток оправдать ожидания других ведьм.

Она внимательно дважды прочла в письме каждое слово, потом сложила его и убрала в небольшую деревянную шкатулку, в которой хранила все его письма вместе с подаренной им однажды прекрасной золотой брошью в виде зайчихи. Запирать шкатулку не было смысла: у нее не было секретов от фигов, к тому же не хотелось, чтобы шкатулка наполнилась слизью от слизняков, которыми они всякий раз заново заклеивали все, что вскрыли.

Наконец она уснула в своей старой кровати. И рядом спала кошка. Ты.

Тиффани вновь почувствовала себя ребенком, у которого есть любящие родители.

А так же юной девушкой, у которой есть возлюбленный, сочиняющий для нее письма.

И ведьмой, ведьмой с кошкой... очень особенной кошкой.

Тем временем ее родители, лежа в кровати, вели беседу о своей дочери:

— Я и в самом деле горжусь ею, — начал Джо Болит.

— Она очень хорошая повитуха, — сказала миссис Болит, но с грустью добавила: — Вот только дождемся ли мы от нее собственных деток?

Знаешь, она не хочет со мной обсуждать Престона, а я стараюсь поменьше спрашивать. — Она вздохнула: — Не то, что ее сестры. Все так меняется. Даже вот Вентворт сегодня...

— О, о нем не беспокойся, — утешил господин Болит. — Нет ничего страшного в том, что мужчина пытается найти себя и свое место в мире. Ну, пообтешется чуток, покричит и поспорит, но, помяни мое слово, когда нас не станет, вернется обратно, чтобы присматривать за землей Болитов. Нет ничего в мире, что сравнится с землей, — он фыркнул: — Уж точно, не какая-то там железка!

— Но Тиффани, она другая, — продолжила его жена. — Я не знаю, что она собирается делать, но надеюсь, что они с Престоном осядут где-то здесь. Раз уж он — доктор, а она — ведьма, то не вижу причин, чтобы им не быть вместе. Верно? Тогда Тиффани, как Ханна и Фастада, сможет завести детей... — как всегда речь зашла о старших дочерях и внуках.

Джо вздохнул:

— Нет, любовь моя, она не похожа на других наших дочек. Может быть она переплюнет даже свою бабушку.

С этими словами он задул свечу, и они улеглись спать с мыслью о Тиффани: о ласточке, затесавшейся среди воробьев.

Глава 6

Меж двух домов

Размеренно шагая по дороге в Ланкр рядом с Мефистофелем, тянущим грохочущую тележку, вздымая целые облака пыли над головой, Джоффри вдруг понял, что его прежний дом остался далеко позади. Прошла всего неделя-другая, но они уже высоко забрались в Овцепики, и до него стал доходить истинный, а не книжный смысл слова «география». Ланкр и его окрестности были переполнены географией.

Под конец долгого, но удовлетворительного дневного перехода юноша с козлом прибыли на окраину деревушки, где размещалась таверна под громким названием «Звезда». Вывеска обещала превосходный эль и закуску. «Ладно, — решил Джоффри, — проверим, так ли они хороши». Он выпряг козла и они вместе вошли внутрь.

Закончив работу, местные работяги заходили хлебнуть пинту другую эля перед ужином. Внутри было довольно людно с характерным исконно сельскохозяйственным душком от подмышек. Завсегдатаи были привычны к тому, что кто-нибудь непременно притащит в кабаке собаку, однако прилично одетый, хоть и пропыленный, парень с козлом для них были в диковинку.

— Мы пускаем только с собаками, — сказал довольно худой тратирщик.

Все посетители обратили свои взоры на Джоффри и Мефистофеля.

— Мой козел куда опрятнее и умнее любой собаки, — ответил юноша. — Он умеет считать до двадцати, и, когда необходимо, сам выходит по нужде. Кстати, сэр, если я, с вашего позволения, сейчас покажу ему, где у вас нужник, он при необходимости самостоятельно им воспользуется.

Кто-то из работяг решил с этим поспорить:

— Думаешь, раз мы копаемся в земле, то ничего на свете не смыслим? Даже моя кружка знает, что козлы на такое не способны.

Джоффри невозмутимо ответил:

— Видимо вам досталась весьма ученая кружка, сэр.

Все рассмеялись.

— Мефистофель, ответь-ка, сколько здесь людей?

Козел повел носом — а это был такой носяра, которому мог позавидовать любой нюхач — обвел им всех посетителей таверны и начал

их считать, тихонько постукивая копытом об пол в полной тишине.

Он стукнул восемь раз.

— Вот ведь, верно! — воскликнул бармен.

— Я уже видел такое представление, — сказал один из посетителей. — Это были странствующие артисты. Ну вроде клоуны, канатаходцы и всякие типы без рук, а так же бродячие докторишки.^[22] Эта штука называется карнавал. Так вот у них была лошадь, о которой говорили будто тоже умеет считать. Но это лишь такой фокус.

Джоффри улыбнулся в ответ:

— Если несколько джентльменов выйдут на пару минут, я попрошу моего козла посчитать снова, и вы убедитесь, что это никакой не фокус.

Заинтригованные посетители разделились, одни вышли наружу, а оставшиеся принялись биться об заклад друг с другом.

— А сейчас, джентльмены, мой козел ответит вам, сколько здесь людей.

И вновь Мефистофель отстучал копытцем верное число.

Услышав веселые крики, те, кто ранее выходил, с удивленным видом вернулись обратно, а Мефистофель, постукивая копытцем, отмечал каждого вошедшего. Трактирщик рассмеялся:

— Такой фокус, приятель, стоит ужина для вас и вашего козла. Что он любит?

— Уверяю вас, это не фокус, но покорно благодарю. Мефистофель ест почти все, как любой козел. Сойдут любые объедки. Что до меня, то я бы не отказался от краюхи хлеба.

Немедленно для Мефистофеля была выставлена миска с объедками, а для Джоффри нашлось место за столом рядом с теми, кто заинтересовался козлом — вместе с пинтой эля и куском хлеба с маслом. И интерес лишь усугубило исчезновение козла в направлении нужника и его появление обратно через некоторое время.

— Ты в самом деле сумел научить его это делать?

— Да. Я тренировал его с младенчества. Сейчас он очень послушный. Правда, только когда я рядом.

— Что это значит?

— А то, что, хотя он и делает то, что ему говорят, но он себе на уме. Я бы не стал упускать его из виду.

Тут на другом конце кабака возникла суматоха. Один из выпивох, подогретый парами эля, затеял драку с только что вошедшим. Благоразумные люди поспешили убраться, а парочка принялась обмениваться ударами, видимо собираясь драться до смерти. Владелец

принялся вопить о сломанной мебели и пригрозил угостить драчунов «колотушкой» — эту дубинку из Клатча в качестве трофея привез с войны его дед — если те не угомонятся.

Насторожившийся Мефистофель мгновенно оказался рядом с Джоффри и каждый, кто еще оставался достаточно трезв, заметил бы, что сейчас неподходящее время задевать парня. Они и сами не знали откуда, но осознали, что в козле сосредоточена неразумная сила, так и жаждущая, чтобы ее спустили с поводка.

— Что не так? Почему они подрались? — спросил Джоффри.

— Это старая ссора из-за девушки, — закатив глаза, ответил один из посетителей. — Скверное дело. Поверь мне, кто-то обязательно пострадает.

Ко всеобщему удивлению Джоффри, под внимательным наблюдением со стороны козла, направился напрямик к дерущимся, и, уворачиваясь от размашистых ударов, встал прямо между ними:

— Господа, в драке нет никакой нужды.

Трактирщик побледнел. Он-то хорошо знал, что случается с теми, кто встречается между парой идиотов, почуявших вкус крови. Но он не поверил своим глазам, поскольку оба участника драки покорно прекратили драться и стояли в полной растерянности.

— Почему бы вам двоим вместо того, чтобы мутузить друг друга до смерти, просто не спросить у юной дамы, что она думает? — мягко поинтересовался Джоффри.

Драчуны переглянулись, потом тот, что был покрупнее сказал:

— Эй, а он прав!

Вся публика расхохоталась, а драчуны с удивлением оглядывали произведенные разрушения, которые были причинены их усилиями.

— Вот так-то. Это ведь было не трудно, — сказал Джоффри, возвращаясь к бару.

— Да? — произнес владелец, обрадованный тем, что не пришлось выносить окровавленного Джоффри за дверь: — Парень, ты часом не волшебник?

— Нет, — ответил Джоффри. — Просто такой дар. Это постоянно случается, когда нужно. — Он улыбнулся. — В основном действует на животных, и иногда на людей тоже. — Но про себя он подумал, что ни разу... ни разу не сработало с его отцом.

— Все равно, это волшебство своего рода, — настаивал трактирщик. — Ты сумел вмешаться в драку самых отъявленных местных сорви голов. — Он посмотрел на зачинщиков: — Эй, вы двое! Не смейте возвращаться, пока не протрезвеете. Вы только посмотрите, что за беспорядок вы тут

устроили! — Он взял их за шкирки и выставил за дверь.

Остальные посетители вернулись к своим кружкам.

Трактирщик со странным интересом оглядел Джоффри и спросил:

— Как на счет работы, парень? Денег не обещаю, но всегда будешь накормлен.

— Не могу принять это приглашение, но был бы не прочь задержаться на пару дней, — с воодушевлением ответил юноша. — Если у вас найдутся овощи, поскольку я не ем мяса, а так же местечко для Мефистофеля? Он почти не воняет.

— Всяко не так сильно, как некоторые из завсегдатаев, — весело ответил трактирщик. — Вот, что я тебе отвечу. Вы с козлом можете переночевать в амбаре, а с меня ужин и завтрак. А там поглядим, что и как. — Владелец протянул довольно грязную руку: — Ну, что? По рукам?

— О, хорошо. Спасибо. Меня зовут Джоффри.

Мужчина помедлил:

— А меня Милый. Милый Голубок, — он мрачно посмотрел на юношу и продолжил: — Услышу хоть одну шутку на сей счет, и можешь проваливать. Ясно?

— А что такого? Милый — хорошее имя. А Голубок неплохая фамилия. С какой стати так беспокоиться?

Ночью трактирщик рассказал своей супруге:

— Знаешь, я сегодня взял на работу нового полового. Занятный парень. Он с виду такой безобидный, но с ним легко говорить.

— Разве мы можем это позволить, Милый?

— О. Ну все, что ему требуется, это содержание, а ест он не много. И место для ночлега. Кстати, у него есть козел. Очень умная скотина. Знает всякие трюки. Может привлечет новых посетителей.

— Что ж, дорогой, раз ты считаешь это отличной идеей. А как он одет?

— Довольно опрятно, — ответил господин Голубок. — И разговаривает как денди. Я еще решил было, может он сбежал из семьи? Но, думаю, лучше о таком не спрашивать. Одно знаю точно, когда в трактире они с козлом, нам не грозят никакие неприятности.

Так и случилось, что Джоффри провел в трактире «Звезда» два дня, поскольку господину Голубку нравилось, что он околачивается поблизости. А госпожа Голубок сказала мужу, что расстроилась, когда юноша решил снова пуститься в дорогу:

— Станный мальчик этот Джоффри. Но он вселил в меня мысль, что все может быть в порядке, даже если я не знаю, какой порядок должен быть. Словно дух правильности, витающий в воздухе. Правда, очень жаль,

что он ушел.

— Да, дорогая. Я просил его задержаться. Честно-честно. Но он сказал, что должен идти в Ланкр.

— У них там повсюду ведьмы, — его супруга поморщилась.

— Что ж, именно туда он и хочет, — господин Голубок помолчал и добавил: — Сказал, что туда его несет ветер.

* * *

Сражаясь с яростным встречным ветром на обратном пути на родительскую ферму, Тиффани почувствовала, что вокруг Ланкра подозрительно ветрено. Хорошо, что нет дождя. Вчерашний дождь был просто ужасен. Эдакая веселенькая вечеринка для тучек, когда каждая решила присоединиться, едва из первой пролились первые капли.

Сперва она очень гордилась, что у нее два владения, снуя между Мелом и Ланкром каждые несколько дней. Однако даже помело не настолько быстрое. И теплое.^[23] Очень помогало, что она могла вернуться домой к приготовленному матерью ужину. Но даже дома не хватало времени на отдых, поскольку, проводя пол-недели в Ланкре, она неизменно встречала возросшие потребности на Мелу. Люди не делали из этого трагедии. В конце концов, она была ведьмой, а в Ланкре жителей куда больше, чем на Мелу, но начала ощущаться некоторая натянутость. Пошли разговоры. И у нее было скверное ощущение, что часть этих разговоров были затеяны ведьмами. Ведьмами, которые начали замечать растущие очереди у дверей из тех, кто приходил к Матушке Ветровоск, а находил пустой дом.

В обоих владениях больше всего забот вызывали вдовы старички, которые так и не научились самостоятельно стряпать после смерти супруги. К счастью некоторые пожилые дамы были не прочь помочь, главное было убедиться, что она отнесет горшочек с рагу соседу. Кстати, ведьминская часть помимо воли самой Тиффани отмечала, что это происходит куда охотнее, если дама — вдова, а у старичка приличный дом и в кармане водятся деньги...

Не было ни секунды, чтобы свободно вздохнуть, и казалось, что больше всего работы приходится на стрижку ногтей. В Ланкре жил один старичок — кстати, очень достойный человек — у которого ногти на ногах были остры как бритвы. Чтобы с ними справиться Тиффани даже пришлось просить Джейсона Ягга, работавшего кузнецом, изготовить пару

специальных закаленных кусачек. Она непременно закрывала глаза, пока не услышит стук обрезака о потолок, зато старичок называл ее «милой подруженькой» и всякий раз пытался всучить деньги. И теперь она хотя бы знала, как фиглы используют такие обрезки.

Стараясь отвлечься от пронизывающего ветра, Тиффани думала: — «Ведьмы обожали полезные предметы. Ведьму не стоит просить, потому что никто на свете не решится остаться в долгу у ведьмы, а они еще и не берут денег. Зато ведьмы охотно принимают полезные вещи, как то: еду, ношеную одежду, тряпки на бинты и ненужные башмаки».

Башмаки. Не проходило и дня, как она спотыкалась о башмаки Матушки Ветровоск. Сейчас они были убраны в самый угол комнаты, и теперь они пялились на нее оттуда, когда она падала в постель почти невменяемая от усталости. Казалось они укоряли: «Ты все еще не достаточно хороша, чтобы нас примерить». Сперва предстоит свернуть горы.

И, разумеется, у нее всегда было полно работы. Оказывается множество людей даже не задумывается о последствиях своих действий. И вот бедной ведьме приходится посреди ночи вылезать из теплой постели в дождь и мчаться из-за всяких «Я всего лишь хотел...» и их приятелей: «Откуда я мог знать?» и «Я не виноват, что...».

Я всего лишь хотел проверить, согрелся ли котелок...

Откуда я мог знать, что опасно заглядывать в кипящий горшок...

Я не виноват, что никто меня не предупредил, что лающие собаки еще и кусают...

И самое любимое: «Откуда я мог знать, что эта штука взорвется», при том, что на крышке коробки крупно написано: «ВЗРЫВООПАСНО». Вот так же вышло с Тедом Медником, заложившим на дне рождения своей мамы фейерверк^[24] в тушку курицы, что чуть не поубивало всех гостей за праздничным столом. Разумеется она всех перевязала и смазала зеленкой, включая самого шутника, лелея надежду, что отец всыплет ему как следует по тому самому месту.

А когда нет под боком ведьмы, что плохого в том, чтобы сделать кое-что самому? Почти все знают, что растения используются в медицине. В этом нет никаких сомнений. Но в растениях есть подвох: многие из них выглядят совсем так, как другие, поэтому госпожа Голландка, супруга мельника на Мелу, вместо Свадебного корня прикладывала к нарывам супруга корешок Кровоточащей любви. Именно поэтому кожа ее супруга приобрела фиолетовый оттенок.

Тиффани позаботилась о бедолаге, но потом пришлось вновь

возвращаться в Ланкр, все выше и выше на помеле, только надеясь, что они обе вынесли из этого свои уроки.

Она была безмерно благодарна Нянюшке Ягг, которая жила неподалеку от Матушкиного... нет, от ее дома. Тиффани преуспела во многих вещах, кроме, пожалуй, стряпни. И раз уж на Мелу она во всем этом полагалась на маму с папой, то в Ланкре она доверилась Нянюшке. Строго говоря скорее на целую армию ее невесток, которые никак не могли угодить старушке.^[25]

Но где бы они не садились перекусить, в лесу в крохотном домике Тиффани или в Тир-Нянь-Ягг^[26] — переполненном людьми, но очень уютном доме, в котором Нянюшка правила «своим курятником» — Ты непременно оказывалась рядом. Ни одна кошка не умела перемещаться с такой скоростью, при этом никто не видел, чтобы она куда-то торопилась. Она просто прибывала на место. Это было поразительно. Еще более поразительно было то, что старый Нянюшкин котьяра-драчун Грибо, считающий выцарапывание глаз за дружеское приветствие, при появлении Ты немедленно исчезал из виду.

Белая кошка совершенно очевидно приняла сторону и стала постоянным символом жизни Тиффани в Ланкре. Когда Тиффани еще только собиралась на вечерний облет, чтобы проведать своих подопечных, Ты первой оказывалась на помеле. Это крайне веселило Нянюшку Ягг, которая приговаривала:

— Она вновь тебя обставила, дорогуша. Может она собиралась отправится на обход одна!

Кроме того Нянюшка Ягг была очень впечатлена успехами Тиффани, а так же обеспокоена:

— В самом деле, — говорила она за совместным перекусом: — Ты знаешь, что ты молодец, Тифф. Я знаю, что ты молодец. Но тебе, дорогуша, не следует все делать самостоятельно. Погляди, сколько вокруг молодых девиц, готовых учиться. Возьми себе помощницу для передышки. — Она замолчала, пережевывая огромную порцию рагу, потом добавила: — Кстати, помнишь молодого дровосека, которого Эсме зашила накануне своей смерти? Юная Харриета Билк проведывала его и неплохо справилась. Я знаю, тебе, Тифф, нужно все делать по-своему, но ты не единственная ведьма в Ланкре. Иногда надо задрать ноги кверху и дать дорогу параду.

У Тиффани не было времени выслушивать советы, поскольку предстояло вскочить на помело и спешить обратно на Мел. О каком отдыхе может думать ведьма с двумя владениями? Но когда что налетел

оглушительный порыв ветра, она задумалась над словами Нянюшки Ягг. Все было верно — в Ланкре были другие ведьмы, другое дело Мел. Тиффани была единственной, разве что Летиция перестанет быть лишь баронессой. И если ее не обманывают предчувствия, а так же предсказание Дженни окажется верным, то единственной ведьмы для Мела будет недостаточно.

Она поежилась. Ей нужно постараться как можно скорее убраться с этого ледяного ветра в тепло материнской кухоньки. Но сперва ей нужно заглянуть к одному человеку...

* * *

Чтобы разыскать мисс Тик пришлось постараться, но наконец Тиффани приземлилась в небольшом леске рядом с Ветчиной-на-Ржи, где странствующая ведьма-ведьмознатица сделала остановку, чтобы попить чайку. Ее мул пасся неподалеку, наслаждаясь содержимым торбы.

— Его зовут Иосиф, — сказала мисс Тик. — Подходящий мул для ведьмы.

Снова начал накрапывать дождь, и мисс Тик быстро затащила Тиффани в свой фургончик. Так приятно было увидеть, что на крохотной печи уже кипит чайник. Она притулилась на краешке скамеечки сразу за дверью и с благодарностью приняла протянутую чашку.

Внутри фургона было именно так, как и представляла себе Тиффани. У мисс Тик все было устроено по корабельному за минусом корабля. Обшитые тонкими планками стенки фургона были увешаны множеством мелких предметов, подписанных аккуратной преподавательской рукой мисс Тик. Тиффани пригляделась повнимательнее. Да, все верно — предметы были размещены в алфавитном порядке. Повсюду были расставлены мелкие горшочки без надписей, так что было невозможно угадать, что в них находится, а рядом с кроватью находился стенд с разными видами существующих узлов. Выпутывание из оков — полезное хобби для ведьмы.

— Я была бы тебе благодарна, если ты не станешь трогать мои горшочки, — сказала мисс Тик. — Некоторые из этих составов могут сработать неправильно, часто с непредсказуемым результатом. Но это не повод прекращать *иксперименты*.

«Так вот, что в этих горшочках, — подумала Тиффани, отхлебывая чай. — *Иксперименты*».

— Рада тебя видеть, — продолжала мисс Тик. — Все только о тебе и

говорят. Знаешь, почти каждая девочка, которую я встречаю, мечтает стать тобой. Они видят, как ты проносишься над ними на своем помеле и хотят стать госпожой Болит. Внезапно возник профессиональный выбор для карьеры — стать ведьмой!

— Ага, как же, — откликнулась Тиффани. — Начинается все именно так, но когда расскажешь им, с чем именно им придется иметь дело всю жизнь, и большая часть решает отправиться в большой город, стать кем-нибудь вроде парикмахера.

— Что ж, я никого не обманываю, — твердо ответила мисс Тик. — Я всех предупреждаю хорошенько все обдумать. Что в этом нет никакой магии, волшебных палочек и прочих глупостей, а грязь и пот.

— Быть ведьмой тяжелая мужская работа, — вздохнула Тиффани. — Именно поэтому ее следует выполнять женщине.

Мисс Тик рассмеялась:

— А я помню одну неуверенную в себе девочку, которой я обещала преподать пару уроков на бегу, которых она никогда не забудет.

Тиффани улыбнулась:

— Я помню, мисс Тик. А теперь я все время бегая. Однако, — она сделала паузу и продолжила очень тихо: — У меня есть ощущение, что у некоторых старших ведьм сложилось мнение, что я не справлюсь... — она проглотила ком в горле. — В основном в Ланкре. Но это означает, что я должна в основном быть там. — Она прикусила губу. Как ей ненавистно просить о помощи. Но ведь то, что она сказала не означает, что она сдалась? Не предала Матушку Ветровоск, которая лично ее выбрала. Она не могла припомнить такого случая, чтобы Матушка Ветровоск просила о помощи. — Поэтому, думаю, здесь на Мелу мне, возможно, придется... э... взять ученицу. В помощь.

Небеса не разверзлись, и другая ведьма не упала в обморок от ее просьбы. Мисс Тик просто гневно скрестила на груди руки:

— Полагаю, это все происки Летиции Иервиг. Она вселяет в головы людей эти сомнения. Она думает, все следует делать как заведено, что значит, полагаю, так, как она решит? Что она старшая ведьма, которая думает, что знает все на свете? Но все это полная чушь и ерунда! Глупой бабе, которая пишет «*моя валшепная падруга*», следует постесняться называть себя ведьмой, и уж точно безнадежно пытаться превзойти Матушку Ветровоск. Ха! И Летиция Иервиг уж всяко не справится с двумя владениями за раз. На самом деле, она и с одним-то не совладеет. — Она гневно фыркнула. — Не забывай, Тиффани, что я учитель.^[27] А мы, учителя, умеем быть беспощадными. Так что «Десять шагов ведовства» и

«Любовь к помелу» на мой вкус не являются стоящими книгами. Разумеется, я поищу для тебя девушку-другую. Это превосходная идея. Но тебе точно не следует беспокоиться о том, что болтает миссис Иервиг...

Глава 7

Стихийная сила

Летиция Иервиг была не из тех, кто проводит жизнь валяясь на диване, или же встречает ее стоя. Вообще говоря, она была воплощением стихийной силы и терпеть не могла отступать перед препятствиями.

Прошло совсем немного времени, как до нее дошла новость о приключившейся очереди у дверей Нянюшки Ягг. И миссис Иервиг пришла к заключению, что Тиффани Болит «НЕ СПРАВЛЯЕТСЯ!». И поскольку «НАДО ЖЕ С ЭТИМ ЧТО-ТО ДЕЛАТЬ!», непременно требуется старшая ведьма. А в представлении самой Летиции Иервиг, которое никогда не опускалось до мелочей, она была единственной подходящей старшей ведьмой, способной что-то предпринять, учитывая, что эта «старая кошелка» Ягг не способна и пальцем пошевелить.

Миссис Иервиг уже давно была замужем за вышедшим в отставку волшебником.

— Волшебникам запрещено жениться, — желчно объясняла Нянюшка Ягг Тиффани. — Но дурачок не знал, во что вляпался. Говорят кому-то запудрили мозг, а ему его заиервингили. Все говорят, что дело в его денежках!

Тиффани благоразумно старалась не влезать в эти распри. Очень весьма вероятно, что «все» — это сама Нянюшка Ягг, которая от всей души не могла терпеть миссис Иервиг.

Именно поэтому когда миссис Иервиг прибыла к бывшему дому Матушки Ветровоск спустя неделю или чуть позже для одной из своих так называемых «бесед», Тиффани была рада, что Нянюшки Ягг нет поблизости. Хотя было бы лучше, чтобы миссис Иервиг обнаружила Тиффани за каким-нибудь иным занятием кроме стирки для престарелого господина Ценника.

При виде гостыи у Тиффани екнуло сердце,^[28] но она вытерла руки полотенцем и вежливо, насколько смогла, пригласила ее в дом. У миссис Иервиг была привычка обращаться с Тиффани как с ребенком, кроме того, у нее были скверные манеры, например она садилась, не спрашивая разрешения. Сейчас миссис Иервиг уселась в любимое старое кресло-качалку Матушки Ветровоск, одарила Тиффани чудовищно фальшивой улыбкой, усилив эффект словами «моя милая деточка».

— Женщина, — тихо поправила гостью Тиффани, так что миссис Иервиг оглядела ее с ног до головы. От нее не ускользнули ни остатки пены, капающей на фартук, ни всклокоченные волосы.

— Что ж, забудь, — сказала миссис Иервиг, словно отмахнулась от какой-нибудь чепухи. — Сегодня я пришла сюда как друг и как одна из старейших ведьм этой области, чтобы проведать как у тебя дела и дать дельный совет. — Она величественно оглядела кухню, особенно внимательно рассмотрев пыль, которая весело играла сама с собой в салочки на полу над каменной плиткой, и Тиффани вдруг забеспокоилась о пауках, по-прежнему живущих в чулане, которые только что обзавелись крошечным потомством. Ей было жалко их выселять.

— Разве ты не понимаешь, милочка, что надорвешься, управляясь с двумя владениями? — с сахарной улыбкой спросила миссис Иервиг.

— Да, милочка миссис Иервиг, — ядовито ответила Тиффани: — Я надрываюсь потому, что в двух владениях очень много работы, а времени не хватает. — «И которое, в добавок, я трачу на тебя, — подумала она про себя. — Но в эту игру можно играть вдвоем», и продолжила с ответной столь же фальшивой улыбкой — Если у вас есть дельный совет, я была бы рада его услышать.

Миссис Иервиг никогда не нужно было спрашивать дважды. В общем-то, часто не нужно было и спрашивать. Она начала сходу, поскольку у нее была заранее заготовлена речь:

— Я не утверждаю, милочка, что ты плоха. Просто ты не в состоянии справиться, и люди начинают судачить.

— Возможно, что и так, — сказала Тиффани. — Но чаще они меня благодарят. А я — всего лишь одинокая женщина — верно, женщина, а не девочка — и поэтому не в состоянии сделать все сразу. Какая жалость, что рядом нет ни одной ведьмы постарше... — ее голос смолк. Воспоминание о Матушке Ветровоск, лежащей в плетеной корзине было слишком свежо.

— Я все понимаю, — произнесла миссис Иервиг. — Это не твоя вина. — Ее голос стал шелковистым с покровительственными нотками, все более переходящими в открытую бесцеремонность. — Ты угодила в объятия к тому, с чем не можешь справиться, а ты, дорогая Тиффани, еще так молода. Чтобы сделать верный шаг на пути к высшей МаГГии тебе, вне всякого сомнения, требуется мудрая наставница из числа старших ведьм, — Она фыркнула: — Серьезная особа с правильными... взглядами. Безо всяких... семейных уз. — Это был очевидный камень в огород Нянюшки Ягг, которая всерьез даже не рассматривалась.

Тиффани завелась. Только одна вещь кроме «милочки» бесила ее

сильнее — это «дорогая Тиффани». И, разумеется, она отлично помнила, какие именно советы миссис Иервиг давала своей протеже Анаграмме, получившей собственное владение с домиком — про всякие руны и красивые заклинания, и ничего полезного. Ей потребовалась помощь Тиффани. А что до предположения будто Нянюшка Ягг не может быть наставницей...

— Итак, милочка, — меж тем продолжала миссис Иервиг, — таким образом, как одна из наиболее старших ведьм области, я чувствую, что должна занять место Матушки Ветровоск. Так было заведено всегда, и по понятным причинам — люди нуждаются в такой старшей ведьме, к которой они могли бы относиться с уважением. На кого они могли бы равняться. В конце концов, милая деточка, старшая ведьма никогда не опуститься до убогой стирки.

— В самом деле? — сквозь зубы, спросила Тиффани. Вторая «милая деточка» подряд? Еще раз, и она не только макнет миссис Иервиг в корыто, но и постарается поддержать ее голову там какое-то время. — А вот Матушка Ветровоск всегда повторяла: «не чурайся той работы, что у тебя под носом», и мне наплевать, что кто-то застал меня за стиркой одежды для какого-то старика. У меня много дел и полно нестиранных вещей, миссис Иервиг.

— Ар-видж! Милая деточка, — вспыхнула миссис Иервиг.

— К чертям «милую деточку», миссис Иервиг! — рявкнула Тиффани. И к чертям «Ар-видж»: — Ваша последняя книга называется «На золотом помеле». Скажите-ка, миссис Иервиг, как же оно полетит? Золото очень тяжелый металл. Я бы даже сказала, весьма тяжелый.

Миссис Иервиг зарычала. Тиффани ни разу не слышала от нее рычания, но это было перворазрядное:

— Это — метафора, — прорычала она.

— В самом деле? — разозлилась Тиффани: — И к чему была эта метафора, миссис Иервиг? Я в самом центре ведовства, что означает постараться сделать работу как можно лучше. Дело в людях, миссис Иервиг, а не в книгах. Вы хоть раз проводили обход, миссис Иервиг? Помогли ребенку натянуть штаны на попу? Замечали босоногих детей? Буфет, простаивающий без еды? Женщин, рожаящих по ребенку в год, у которых муж не вылезает из кабака? Вы так любезно предложили дать совет. Если позволите, я в ответ тоже дам: я буду искренне впечатлена, если вы проведете обход. Не раньше. Я признанная наследница Матушки Ветровоск, которую назвала ведьмой Нянюшка Грипс. Которая в свою очередь обучалась мастерству у ведьм, берущих свои истоки у Черной

Элис, и этого не изменить, что бы вы не думали. — Она поднялась и открыла дверь: — Благодарю, что нашли время приехать повидаться. А теперь, как вы ранее заметили, у меня много дел. Моих собственных, и, совершенно очевидно, вас не касающихся.

В чем не откажешь миссис Иервиг, она умела скользить над полом. Так сильно, что было больно смотреть. Все ее побрякушки прощально прозвенели, а один браслет даже пожелал остаться, зацепившись за дверную ручку, когда миссис Иервиг обернулась на пороге.

На прощание, выпутывая крохотную подвеску, она сказала:

— Что ж, я пыталась помочь. Действительно пыталась. Я хотела помочь тебе познать все преимущества ведовства. Но, нет. Ты швырнула мои добрые намерения мне же в лицо. Если бы не твое упрямство, мы могли бы даже подружиться. Прощай, моя милая деточка, — оставив последнее слово за собой, миссис Иервиг хлопнула дверью.

Тиффани посмотрела ей вслед и мысленно ответила: «Я, миссис Иервиг, делаю то, что следует, а не то, что хочу».

Однако хлопок дверью заставил Тиффани иначе взглянуть на происшедшее и она внезапно решила: «Я хочу все делать по-своему! Не так, как считают следует поступать другие ведьмы. Я не могу для них стать Матушкой Ветровоск. Я могу быть только собой, Тиффани Болит». И еще она кое-что поняла.

— Миссис Иервиг была права в одном, — Тиффани произнесла это вслух. — Я слишком много пытаюсь на себя взять. И если Дженни права, и грядет что-то ужасное, — она передернула плечами, — с чем мне, конечно, придется разбираться... Что ж, я очень надеюсь мисс Тик найдет мне в помощь способную девушку. Помощь мне не помешает.

— Агась! В том нема сумлений, — послышался голос Роба Всякограба.

— Вы всегда за мной наблюдаете, Роб Всякограб? — едва не взорвалась Тиффани.

— Ух, агась. Помнишь, шта на нас лежат те ковы, следити денно и ночью, и то ужасны ковы.

Ковы. Владея знаниями о поверьях и магии, Тиффани знала, что ковы налагают на фигов обязанность, от которой им не увильнуть. Разумеется всем, кроме Вулли Валенка, который часто путал ковы с кавой. Тиффани все это понимала, и все равно гневалась:

— Так вы наблюдаете за мной всегда? Даже в ванной? — Это был вечный спор. По какой-то неведомой Робу Всякограбу причине Тиффани хотела, чтобы в присутствии фигов были исключения. Они уже

договорились об уборной. [\[29\]](#)

— Ух, агась. Доглядаем, но не поглядяем. Сечёшь?

— Хорошо, — сказала Тиффани. — Можешь сделать мне одолжение?

— Ох, айе. Мовет ты хотишь, чтобы та фифа Иервиг шлёпнулась в прудище аль ишо куды?

Тиффани вздохнула в ответ:

— Как раз нет. Я не такая.

— Зато мы таки, — радостно сказал Роб. — И то, ведаешь, трандиция. А мы жутко привязаны ко всяким там трандициям, бо как мы ж часть фольклера... — он с надеждой улыбнулся.

— Весьма интересная мысль, — сказала Тиффани, — однако, нет, и еще раз нет. Миссис Иервиг не столь уж плоха. — Это было правдой. Порой миссис Иервиг была глупой, несносной, бесчувственной и утратившей реальность, и при том, если обо всем этом забыть, вполне нормальной ведьмой. Со стальным стержнем внутри.

Тиффани знала, что Нянюшка Ягг редко занимается постирушками, зачем тогда нужны невестки? Но внезапно она поняла, что и не замечала, чтобы Матушка Ветровоск возилась с бельем какого-нибудь старичка, и эта мысль на мгновение ее парализовала. «Мне нужно время, чтобы это обдумать, — решила она, глядя на стоящего перед ней и готового ко всему Нак Мак Фигла. — Для них это будет сложная задача».

— У меня тоже есть крохотные ковы, которые я хочу на тебя возложить, — сказала она.

— Ой, да?

— Роб, ты слышал о стирке вещей?

— Айе. Мы знаем, что то случается, — ответил Роб. Он почесал свой напузник из которого высыпалась кучка из дохлых насекомых и полуобглоданных куриных лапок.

— Что ж, тогда я буду считать, что вы сделаете мне одолжение, если будете проводить некоторое время в чулане, пока я буду заниматься делами. Этим вы поможете одному старичку. Ему нравится чистота и чистая одежда. — Она оглядела его: — Обстоятельство, о котором и тебе стоит хорошенько подумать, Роб.

* * *

Вернувшись с обхода, она, затаив дыхание, со страхом приоткрыла дверь в чулан. Все сияло. Снаружи между деревьев было развешено

исподнее старого господина Ценника — настолько белое, насколько это возможно. Только тут Тиффани перевела дыхание.

— Превосходно, — похвалила она Роба Всякограба.

Он улыбнулся:

— Агась. Мы и не ведали, яко то заковыристо делище.

— Хорошо, шта я был тутась с вами, — раздался голос. Это оказался Двинутый Крошка Артур — фигл, не чуравшийся постирушек, поскольку его вырастила семья башмачников, и который стал полицейским в крупном городе. Тиффани всегда считала, что внутри Двинутого Крошки Артура идет скрытая борьба между его фигловской частью и горожанином, однако поскольку любой фигл обожал драки, то это было не так страшно.

Великучий Ян пихнул Крошку Артура в бок со словами:

— Для нас нае проблемо сподмочь с труселями и их отчистити, однако ж мы — фиглы. Мы печемся о нашенской грязищи. Мытье делает нас беззащитными. Мыльце, вишь ли, нам противупоказано.

— Тока не мне, Роб. Тока не мне, — послышался довольный голос, и Вулли Валенок свалился со стенки козьего загона и двинул к ним по траве. Следом за ним всплывал шлейф мыльных пузырей.

— Вулли, рази не сказывал я те, — рявкнул Роб, — что от ево пызыри лезут из ухов?

Тиффани рассмеялась:

— Вы можете сделать свое собственное мыло, Вулли. Приготовьте немного для Дженни. Отвезете кельде небольшой подарок. Его легко сделать. Всего-то нужно немного жира и чуток сажи.

— О, айе. Сажаться мы великучи мастера. Мы такие, — с гордостью произнес Роб. — Тем и знамениты.

«Что ж, я попыталась, — подумала Тиффани. — И тем не менее, если и не снаружи, то внутри они чисты душой».

* * *

А в это время на Мелу, на краю темного-претемного леса, росшего на холме, возвышающимся над Двурубахами, которые изо всех сил старались вообразить себя более крупным городком, чем они были — с единственной лавкой, придорожным трактиром и кузницей — Королева Фей удовлетворенно улыбнулась.

Стояла теплая ночь, пахло как обычно, и небо было тоже обыкновенное. Судя по отблеску, в город провели то ли канал, то ли новую

дорогу, а в остальном город выглядел ровно так же, как в прошлый визит.

Она повернулась к своему пленнику со связанными руками, перекинутому через седло одного из телохранителей. Она улыбнулась, и эта улыбка не предвещала ничего хорошего. «Нужно будет отдать его лорду Длинноногу», — решила она. Эльф в полной мере насладится, отрывая от поганого гоблина кусок за кусочком. После того, как вдоволь наиграется с жертвой.

Но сперва эта гоблинская нечисть привела их сюда, на склон холма. Королева и ее налетчики разглядывали спящую долину. Ее воины с перьями на голове и наряженные в лоскуты меха и кожи, держали наготове луки со стрелами.

Проход между мирами доставил минимум неприятностей. Для сильных эльфов почти не составило труда пройти на другую сторону. Барьер и в самом деле ослаб. Ранее старая ведьма поддерживала его неприступным, выталкивая их прочь. Она всегда была настороже, следя за волшебным народцем.

Звери тоже их заметили. В тот самый момент, когда Королева вступила на землю Мела, все зайцы на холме обернулись навстречу и замерли, охотившиеся совы, почуяв присутствие другого хищника, взмыли вверх.

Люди же обычно все замечали последними. От этого налет становился еще увлекательнее.

Кроме сияния над курганом вершине холма и отдаленного громкого звука, который Королева определила, как обычный шум, производимый Нак Мак Фиглами, пока не было ничего подозрительного, что было бы способно помешать первой за долгие годы экскурсии эльфов в Плоский мир. Поэтому они начали развлекаться. Они промчались через пару деревень, выпуская на волю коров, переворачивая телеги, обращая молоко в простоквашу, портя бочки с элем, и так далее, развлекаясь подобными пустяками. Но растущий город предвещал эльфам все виды удовольствий, которые так давно себе в этом отказывали.

В ожидании приказа Королевы стояла абсолютная тишина, за исключением позвякивания сотен колокольчиков, привязанных к сбруе вороных лошадей эльфов.

Она подняла руку.

Но прежде чем она успела что-то сказать воздух прорезал резкий пронзительный звук, словно кто-то резал огромную свинью.

Этот звук накрыл весь Мел. От визгливого свистка у всех свело зубы. Внизу в долине воздух словно бы наполнился огнем, и огромный железный монстр, отмечая свой путь клубами пара, двинулся по серебристому пути к

городу.

Эльфы заволновались. От этого звука от одного к другому начала распространяться паника. И не только от звука. От распространившегося в воздухе запаха железа.

Пена Стружки молча соскочил с седла, зубами стащил каменный нож у охранника, который руками закрывал уши, стараясь укрыться от звука, и быстро перерезал путы.

— Моя же говорить про Железный конь. Вот он, — с важным видом сказал гоблин. — Последний поезд в Двурубахи. Там работать гоблинцы. С железом и сталью.

Королева и бровью не повела. Она точно знала. Кто-то другой возможно, но она разберется с ними позднее. Ни один эльф не должен проявлять страх на глазах у своей королевы. Но мысленно она удивилась: «Поезд? Такой большой? Он весь из железа, а мы ничего об этом не знаем. А то, что нам неизвестно способно нас убить».

— Как его приручить? — провозгласила она. — И что куда важнее, сможем ли мы сделать такое же сами? Имей мы нечто подобное, сколько горя мы могли бы принести!

Невозмутимый и казалось непроницаемый для всеобщего чувства страха Цветок Гороха вдруг с улыбочкой оказался рядом. Эта улыбка очень не понравилась Королеве Фей. Она шла вразрез с неизменно трагичным выражением лица с холодными и беспощадными глазами, которое он обычно предпочитал демонстрировать.

— Мы можем выпытать у гоблинов, как этим управлять. Они сделают это для нас.

— Они не станут, — ответил Пена Стружки, бросив на Цветок Гороха мрачный взгляд. — Зачем?

Цветок Гороха наклонился, чтобы схватить гоблина, но Пена Стружки оказался проворнее. Его крохотные ручки нырнули в карманы и взметнули на эльфа облако мелких серебристых опилок. Цветок Гороха завопил от боли и свалился с лошади.

Увидев, как остальные эльфы раздались в стороны, гоблин расхохотался.

— Совсем забыть, что у меня в карманцах, господин Цветик Олуха? Я говорю о стружке, да? Часть моя имя. Сильно болеть, да? Трогай сегодня умный гоблин, случается плохо. Для эльфа особенно, — он указал на Цветок Гороха, с которого под воздействием железных опилок слетело все очарование.

Эльф корчился на траве — такое жалкое, слабое, несчастное существо,

вопящие от боли.

— Смешно, да? — сказал гоблин. — В этот новый мир такой мелкий штучка как стружка и гоблинцы иметь значение.

Глава 8

«Рука Барона»

Владелец этого трактира, Джон Петрушка — содержатель и наследственный владелец, не ругался, если в суматохе или когда он отходил по нужде посетители из местных вставали к крану. В этом трактире можно было с гордостью похвастать перед приятелями уродившимся огромным огурцом, смешным причудливым корешком или иным овощем, имеющим причинное сходство.

Довольно часто здесь вспыхивали споры. Но споры велись ради победы истины, а не ради драки. Иногда кто-нибудь пытался биться об заклад на деньги, но это решительно не приветствовалось господином Петрушкой. Здесь разрешалось курение — в огромном-преогромном количестве, а вот плевать на пол было запрещено. И, разумеется, разрешалось материться, так забористо, что вяли имеющее причинное сходство овощи. В конце концов, здесь не было женщин, кроме разве что миссис Петрушки, которая притворялась глухой, но и сама могла поприветствовать кого-нибудь «хреном», что воспринималось не более, чем красочным дополнением к овощной теме, вроде: «Ну, как дела, старый хрен?» или более осторожное: «Ну, ни хрена себе?!»

Местные бароны, зная пользу переполненных трактиров, а также не гнушаясь заглядывать время от времени, из поколение в поколение искали пути увеличить привлекательность заведения. К примеру, новый барон сразу после женитьбы подарил трактиру все необходимое для игры в дартс. Однако веселье оказалось не полным. Во время одного из состязаний Трясун Мягкий, широко известный на Мелу пахарь-ударник, но, к сожалению, менее известный своей глупостью, едва не лишился глаза. С тех пор дартс рассматривался местными как смертельно опасный вид спорта, а мишень потихоньку спрятали от греха подальше.

После тяжелого трудового дня в поле или в загоне для скота для многих трудяг трактир служил благодатным пристанищем. Наследный арендатор Домашней фермы Джо Болит шел в него, мысленно предвкушая тихие посиделки с пинтой эля в качестве компенсации за возню с несносными животными и вечно ломающимся инвентарем. Эта пинта, уговаривал он себя, сможет настроить его на более оптимистичный лад в ожидании предстоящего — и неминуемого! — обсуждения за ужином

грядущей годовщины свадьбы, о которой, к его полному стыду, он забыл. Судя по его богатому опыту, это грозило минимум неделей холодных ужинов, холодных взглядов, а могло даже обернуться холодной постелью.

Был теплый и ясный летний поздний субботний вечер. Трактир был набит битком, хотя и не настолько сильно, как может предпочел бы господин Петрушка. Господин Болит сел за выставленный снаружи длинный дубовый стол. У ног свернулся калачиком его пес по кличке Шутник

Ведя свою родословную от многих трудившихся на Мелу Болитов, Джо Болит знал всех местных и их семьи, кто где работает, и кто не слишком усердствует; кто умен, и кто туп как дерево. Себя Джо Болит умным не считал, но был смекалистым, и удачливым фермером, и помимо всего прочего, каждый субботний вечер, вне зависимости от выбранного места, становился старшиной собрания. Тут он был столпом всех знаний.

За соседним столом поменьше двое местных спорили о разнице в следах лисицы и кошки. Один из них, изображая руками медленные движения, уверял:

— Смотри, как я двигаюсь, старый хрен. Говорю тебе, кошка ходит так, а Рейнард — вот так! — Второй стал показывать кошку и лису по-своему.

«Интересно, не окажемся ли мы последним поколением, кто называет лиса Рейнардом?» — подумал Джо Болит

Для всех прошедший день был длинный и трудный, проведенный в заботах о лошадях, овцах и свиньях, не считая сотен прочих забот, знакомых каждому деревенскому жителю. Они говорили сорванными голосами, знали голоса каждой птички, каждую змею и лисицу в лицо, места, где они прячутся, а также, куда не суются люди Барона. Иными словами, им было известно множество такого, чему не учат в школах и не знают в университетах. Когда один из них заводил речь о каком-либо предмете, обычно он начинал ее только после некоторого обдумывания вопроса и вел неторопливо. В интервалах они дружно могли его поправлять, пока не прибежал мальчишка, отправленный предупредить мужчин о том, что ужин остынет, если они не поспешат.

Внезапно Дик Ручка — толстяк с клочковатой бородой, которую в этой компании стыдно было так называть, резко воскликнул:

— Этот эль дрянь, словно девчачья моча!

— Как-как ты назвал мое пиво? — уточнил Джон Петрушка, собиравший со столов пустые кружки. — Он чище не бывает. Я вскрыл новую бочку этим самым утром.

— А я и не говорю, что девчачья моча настолько плоха, — ответил Дик Ручка, что вызвало смех, хоть и не очень громкий. Всем был еще памятен тот случай со стариной Тиддером, кстати напрочь лишенным чувства юмора, и который свято верил в традиционную медицину. В тот раз он попросил свою дочурку сохранить для него немного жидкости, чтобы сделать компресс для больной ноги, и юная Мейси — милая девушка, но с некоторыми пробелами в головном отделе — не так поняла его просьбу, и напоила папашу чем-то с весьма странным вкусом. Как ни странно, ноге после этого случая стало лучше.

Тем не менее, следующую кружку наполнили из новой бочки, и Дик Ручка заявил, что удовлетворен, а Джон Петрушка слегка удивился. Но не сильно — в конце концов, что такое какая-то пинта для друга?

Наконец владелец уселся за стол вместе с посетителями и спросил у Джо Болита:

— Как думаешь, молодой барон образумился?

В деревне общение между бароном и его арендатором вроде господина Болита было обычным делом. Барон владел землей. Все это знали. Так же он владел всеми фермами по соседству, а фермеры, его арендаторы, обрабатывали эту землю, каждый четверг выплачивая обязательную ренту. При желании барон мог отобрать ферму и выкинуть фермера с семейством на улицу. В прошлом были бароны, стремившиеся показать всем свою власть, сжигавшие дома и изгонявшие семьи порой из одной лишь прихоти, но чаще стараясь таким глупым способом показать, кто сильнее. И очень скоро им удавалось это понять. Сила ничего не значит, если урожай не окажется в амбаре, а окорок для воскресного обеда не будет пастись в поле.

Молодой барон, Роланд, начал не совсем удачно. Как говорили, наломал дров, с подачи своей тещи, герцогини, о чем она не уставала всем напоминать. Но скоро он все осознал. Понимая, что он далеко не так сведущ в сельском хозяйстве, он решил следовать в общем курсе правил своего отца, который разумно предоставлял фермерам управлять своими фермами как они сами считают нужным. И все были счастливы.

Кроме этого, Роланд благоразумно по примеру своего отца взял за правило время от времени беседовать с Джо Болитом, а Джо заводил речь о вещах, которые мытари барона старались не замечать — вдову, у которой приключилась полоса невезения или семью, в которой кормильца помял молодой нервный бык. Джо Болит подсказывал, что некоторое послабление не помешает, и к чести молодого барона он следовал советам, но по-своему. Вдова могла узнать, что каким-то образом сумела оплатить ренту впрок, а к пострадавшему семейству являлся расторопный молодец из поместья,

желающий получше изучить тонкости работы с землей.

— Не хочу выносить приговор заранее, — ответил Джо, откидываясь на скамье с важным видом, на который имеет право только тот, кто заслужил право быть старшиной на субботних посиделках. — Но скажу тебе прямо, он хорошо справляется. Можно сказать, схватывает на лету.

— Хорошо, если так, — сказал Том Лужайка. — По всему, он идет по стопам своего старика.

— Тогда ему повезет. Старик был отличным бароном. Порой весьма крутым, но мы то знали, что к чему.

Господин Петрушка улыбнулся:

— А вы заметили, что его жена, баронесса, тоже многому научилась и даже обошлось без наступания на грабли? Часто гуляет, общается с народом и без всяких нагоняев. Моей жене она нравится, — он важно кивнул. Если что-то приходилось по нраву его супруге, то, значит, все отлично. Это значило мир в доме, а именно этого хотелось всем селянам после трудового дня. — Говорят, она собирается навещать с поздравлениями каждую роженицу.

— Моей Джозефине скоро снова рожать, — по этому поводу вставил Роберт Толстой.

Кто-то воскликнул:

— По этому поводу стоит выпить еще по одной!

— Не забудь позвать дочку Джо Тиффани, — посоветовал Том Лужайка. — Что касается родов, никого нет лучше нее.

Отхлебнув, Том добавил:

— Видел вчера, как она пролетала мимо. Как не гордиться — наша девушка, родом с Мела! Уверен, Джо, что ты гордишься ею не меньше нас.

Разумеется, все знали Тиффани. Знали еще с младенчества, и с детьми многих селян она по соседски играла. На Мелу не очень-то приваживали ведьм, но Тиффани была своя ведьма, и при этом отличная. Но самое главное, она родом с Мела. Ее знали с тех пор, как она ходила пешком под стол, и она дока в овцах. Так что их все устраивало.

Отец Тиффани попытался улыбнуться, протягивая собаке кусочек свиной шкурки.

— Вот тебе подарочек, Шутник. Конечно мать хотела бы видеть дочку почаще, но она гордится нашей Тифф. Без умолку всем рассказывает, чем она занимается. Как и я. — Он посмотрел на трактирщика: — Еще пинту мне, Джонни, когда найдешь время.

— Конечно, Джо, — ответил господин Петрушка, сходяв к бару и вернувшись с кружкой, окутанной пеной.

Когда эль отправился по назначению, Джо Болит сказал:

— Странно, сколько времени теперь Тиффани проводит в Ланкре.

— Будет скверно, если она переедет туда насовсем, — вставил Дик Ручка. И в воздухе повисла невысказанная мысль, но никто не решился ее произнести сегодня в субботу при Джо Болите.

— Что ж, она вечно занята, — медленно продолжил Джо, не придав сейчас комментарию Дика значения, откладывая его на потом. — Там и здесь, парни, столько новорожденных! — Это замечание вызвало улыбки.

— Дело не только в родах. Она заходила к моей старушке. Провела с ней всю ночь, — сказал Джим Поворот. — Уняла боль! Вы знали, что она так умеет?

— Да. Эта штука годится не только для баронов, хотя когда старик умирал, то, знаете, не смотря на то, что у него была сиделка, именно Тиффани была с ним до последнего. Старалась, чтобы ему было не больно.

За столом повисла тишина. Каждый вспоминал, что их жизнь так часто пересекалась с Тиффани Болит. Потом Кивун Прогулкис почти беззвучно произнес:

— Эй, Джо! Мы все надеемся, что Тиффани останется с нами. Вне всяких сомнений, нам всем повезло с твоей дочкой. Не забудь передать ей при okazji.

— Мне и не нужно ей ничего говорить, Кивун. Мать хочет, чтобы Тиффани осела на Мелу со своим молодым человеком. Ну вы знаете его. Это Престон, который отправился в город учиться на настоящего доктора. Но как я понимаю, этого еще некоторое время не случится. Несмотря на то, что в округе полным-полно Болитов, Тиффани шагает по пятам своей бабули. Только, понимаете, на более современный лад? Я так думаю, она изменит мир. Или не весь мир, то его кусочек под названием Мел.

— Она самая подходящая ведьма для пастухов, — добавил Том Лужайка, и с ним многие согласились.

— А помните, ребята, как все пастухи собирались и у участвовали в Состязании? — спросил Дик Ручка после паузы, опорожняая свою порцию. — Тогда у нас не было ведьм.

— Ага. Кстати, те пастухи не дрались друг с другом на посохах. Они старались повалить руку противника. И победитель объявлялся старшим пастухом.

Это всех развеселило. И большинство из них вспомнили о Бабуле Болит, которая была настоящим старшим пастухом. Ее кивок, не взирая на итог Состязаний, окрылял, превращал пастуха в именинника на целый день.

— Ну а сейчас у нас нет никаких старших пастухов. Вместо этого у нас есть ведьма. Твоя Тиффани, — после долгого молчания, за время которого было выпито много эля и выкурено трубок табака, сказал Роберт Толстой.

— Раз ты считаешь, что вместо старшего пастуха у нас теперь ведьма... так что, нам теперь пытаться повалить ее руку? — с широкой улыбкой спросил Джон Петрушка, покосившись на господина Боллита.

— С ведьмой? — переспросил Роберт Толстой. — Не вопрос. Надо бы только подшлифовать манеры.

Джо хмыкнул, и остальные, соглашаясь, кивнули.

Потом над головой промелькнула тень девушки, сидящей верхом на помеле, и раздался голос:

— Привет, пап! И всем доброго вечера. Простите, спешу. Будет двойня!

* * *

Молодой барон Мела Роланд де Чаффли^[30] во многом желал быть похожим на отца. Ему было известно о популярности старика, то, что в народе называли «барон старой закалки». Это означало, что от него знают, чего ожидать. Он делает то, что от него ждут, солдаты в замке надраивают доспехи и отдают честь, выполняя положенные им обязанности, а местные жители предоставлены сами себе.

Но порой его отец был вспыльчивым грубияном. И об этой стороне отца Роланд хотел поскорее забыть. Сейчас он хотел объявить Тиффани выговор, и для этого лично приехать на Домашнюю ферму. Во имя их прежней дружбы. Но что настораживало, Тиффани удалось крепко подружиться с его женой Летицией. Любой благоразумный мужчина станет опасаться лучших подруг жены. Кто знает, какими... маленькими секретиками они обмениваются. Учитывая домашнее воспитание Роланда и его кругозор, ограниченный окрестностями Мела, он опасался, что эпитет «маленький» может как раз быть частью комментариев, которыми Летиция может поделиться с Тиффани.

Он выбрал момент, заметив ее помело, пролетевшее в этот субботний вечер довольно рано, и, насколько он знал, отец Тиффани должен быть в трактире.

— Привет, Роланд, — сказала Тиффани даже не обернувшись, когда он въехал на ферму и спешил.

Роланд поежился. Он был бароном. Эта ферма была его собственностью. И едва он об этом подумал, то вдруг понял, насколько эта мысль глупа. Барон владеет лишь кусочками бумаги, на которых написано что-то о праве собственности. Но ферма принадлежала Болитам. Так было всегда, и так всегда будет. И он знал, что Тиффани точно знает о чем он сейчас подумал, поэтому когда она обернулась он был пунцовым от смущения.

— Э, Тиффани, — завел он разговор. — Я хотел тебя повидать и... ну, это вроде как...

— Ой, да ладно, Роланд, — подбодрила она его. — Просто выкладывай с чем пришел. День был тяжелый, а мне еще сегодня в ночь лететь обратно в Ланкр.

Такое начало было именно то, что ему нужно.

— Так вот именно об этом, Тиффани, я и пришел поговорить. Есть... жалобы. — Слово было не совсем подходящим, и он это знал.

Но Тиффани мгновенно за него уцепилась:

— Чего-чего? — резко переспросила она.

— Ну, о том, Тиффани, что ты постоянно отсутствуешь. Ведь тебе полагается быть нашей ведьмой. Но ты теперь почти все время проводишь в Овцепиках. — Он выпрямился, словно метафорически проглотив рукоять помела. Ему хотелось выглядеть более официально, а не растяпой. — Я ведь твой барон, — сказал он, — я требую, чтобы ты исполняла свои обязанности, как велит долг.

— Велит долг? — тихо повторила Тиффани. А чем по его мнению она занималась последние несколько недель, перевязывая ноги, смазывая пятки, принимая младенцев, забирая боль у ожидающих близкого конца, навещая стариков, приглядывая за сорванцами, и... подстригая ногти!? А чем был занят Роланд? Организовывал бал? Любовался акварельными потугами супруги? Было бы лучше, если бы он разрешил Летиции помогать. Он, как и Тиффани, прекрасно знал о врожденных способностях Летиции к ведовству. Мелу от нее была бы огромная польза.

И тут она поняла, что именно это и подразумевается. Ей было известно, что Летиция навещает каждого новорожденного, беседует с их мамами.

Но она была сердита на Роланда.

— Мне следует об этом поразмыслить, — ответила она подчеркнуто вежливо, вызвав еще больше смущения.

Не забывая о воображаемой проглоченной рукояти помела, Роланд направился к лошади и уехал.

«Что ж, я попытался», — сказал он себе, но не мог избавиться от ощущения, что все испортил.

* * *

Возвращение Королевы со свитой сквозь каменный круг напоминало форменный бедлам.

Прекрасный дворец испарился, и совет пришлось держать на поляне посреди как бы волшебного леса — если бы Королева позаботилась о том, чтобы вообразить его в подробностях вроде бабочек, одуванчиков и поганок. И все же при ее появлении деревья лихорадочно отращивали ветки и листья, а из земли по обе стороны с молниеносной быстротой вырастали побеги травы.

Она была в ярости. Этот гоблин — мерзкий червяк — посмел напасть на ее лорда! И тот пал к его ногам, хотя гоблин и поспешил унести свои кривые ноги прочь от ее гнева. С другой стороны, поверженным лордом оказался Цветок Гороха, и в тайне Королева была довольна, что это оказался он, а не кто-то другой. Но она знала, что эльфы винят в этом позоре именно ее. Неудача. Именно она возглавляла налет и взяла с собой гоблина.

Несмотря на приказ, Цветок Гороха остался с ними. По началу он был бледен и шатался, но теперь, после того, как ужасное железо было смыто с его тела, бывшее очарование почти полностью к нему вернулось. Он был окружен своими телохранителями, от которых исходила почти осязаемое презрение и непочтительность.

Она с отвращением посмотрела на Цветок Гороха, и приказала страже: — Уведите пострадавшего. Уберите его с моих глаз долой!

Но стражник не пошевелился. Вместо этого он злобно ухмыльнулся и нацелил арбалет в ее сторону.

— Миледи, — произнес Цветок Гороха с почти неприкрытой ненавистью, — мы проигрываем. Наши позиции в человеческом мире слабеют. Сейчас над нами смеются даже гоблины. Почему только от них мы узнали, что люди окружили свой мир железом? И почему вы по этому поводу ничего не предприняли? Почему мы не охотились? Почему вы запрещаете нам быть истинными эльфами? Где дань традиции?

Его очарование почти полностью вернулось и могло посоперничать с ее, но воля у него была сильнее. «Как же я это проглядела? — размышляла Королева, не выдавая лицом свои чувства. — Как он смеет бросать мне

вызов? Я — Королева! Может Король и сбежал в иной мир, дрыхнет в своем кургане или пресыщается удовольствиями, но я — Королева. Правит всегда она, а не какой-нибудь лорд». — Она выпрямилась во весь рост, призвала все свое очарование и взглянула на коварного предателя.

Но от других эльфов раздались голоса в поддержку Цветка Гороха. Редко когда один эльф в чем-то согласится с другим. Гораздо естественнее полное несогласие, но основная масса воинов кажется начала группироваться. Они изучали свою королеву холодными глазами. Безжалостными. Опасными. Злыми.

Возвращаясь к Цветку Гороха, Королева оглядела каждого:

— Ах ты мелкий слизняк, — прошипела она. — Я могу в мгновение ока выдавить твои глазенки.

— О, это верно, мадам, — продолжил Цветок Гороха, усиливая свою магию. — А кто позволил сбежать фиглам? Сейчас, когда старая карга ушла, ведьмы ослаблены. Как и барьер между нашими мирами. Но вы, несмотря на это, по прежнему боитесь девочки Болит. Кстати, она почти убила вас в прошлый раз.

— Ничего подобного, — возразила Королева.

Но остальные эльфы теперь смотрели на нее иначе, как кошка на добычу... и он был прав. Тиффани Болит ее одолела. Королева почувствовала как магия ее очарования слабеет.

— Вы слабы, мадам, — сказал Цветок Гороха.

Королева почувствовала слабость. Почувствовала себя маленькой и уставшей. Деревья начали смыкаться вокруг. Свет стал тускнеть. Она оглядела окружающие лица, затем встrepенулась и призвала на помощь все могущество, что у нее осталось. Она все еще Королева. Их Королева. Они должны к ней прислушаться.

— Времена меняются, — начала она, снова выпрямляясь во весь рост. — С железом ли, с гоблинами или без них, но мир больше не такой, как прежде.

— Поэтому мы прячемся по вашему приказу? — полным злобы голосом поинтересовался Цветок Гороха. — Раз мир меняется, именно мы должны его изменять. Мы должны решать, каким ему быть. Так было всегда. И так должно быть снова.

Окружившие их эльфы хором приветствовали его слова, трепеща «оперением» и сверкая аурой очарования.

Королева почувствовала, что проиграла.

— Вы не понимаете, — она вновь попыталась их убедить. — Тот мир был для нас источником удовольствий. Но если мы будем продолжать так

же, со временем нас победят. Мы станем просто... феями. Именно это твердит нам железо в том мире. Там для нас нет будущего.

Цветок Гороха усмехнулся в ответ:

— Чепуха. К чему разговоры о потерянном будущем? Мы сами творим свое будущее. Какое нам дело до людей и гоблинов? Но вы кажется к ним равнодушны? Разве может великая Королева испугаться? Вы стали сомневаться в себе, миледи. Из-за вас мы тоже колеблемся.

Союзы между эльфами тонки как паучья нить, а валютой сказочного мира является магия очарования. Королева чувствовала, как вместе со словами ее врага ее магия все быстрее утекает прочь

И тут он нанес удар.

— Вы слишком размякли, мадам, — выкрикнул наглец. — Все началось... с той девчонки. Но все закончится... мной! — Сила его очарования возросла, глаза вспыхнули огнем, вокруг него разлилась сила, подчинявшая и настораживающая остальных эльфов. Цветок Гороха указал на Королеву, разглядывая меняющиеся многочисленные маски и образы: светлые волосы, темные волосы; длинные, короткие; кудрявые... напроочь остриженные, детский пушок; фигура высокая, статная, худая, тинейджерская... — Гоблины больше не явятся по вашему призыву, — прошипел он. — Страна Фей не выживет без сильного предводителя. Нам эльфам нужен повелитель — над гоблинами, людьми и всеми прочими. То, что нам нужно — это король под холмом. Воин!

Цветок Гороха стал похож на змею. Его взгляд гипнотизировал жертву, которая теряла и теряла свое очарование.

— Невозможно, чтобы нами правил кто-то подобный этому, — с отвращением закончил он, повернувшись к эльфам. — Каково ваше слово?

Глядя в их пустые глаза, Королева поняла, что ее будущее предрешено.

— Как нам с ней поступить, лорд Цветок Гороха? — это был Семя Горчицы, подлизывающийся к новому вожаку.

— Свергнуть ее с трона! — выкрикнул один из эльфов.

Цветок Гороха с омерзением посмотрел на бывшую королеву.

— Уберите ее. Если хотите, развлекайтесь сколько пожелаете, а потом — оторвите крылья, — приказал он. — Такова расплата каждому за неудачу. А теперь, зовите музыкантов. Давайте станцуем во славу позора той, кто когда-то нами правил. Выбросим воспоминания о ней вместе с нею прочь из волшебной страны, и пусть она никогда не найдет дороги назад.

— Куда же ей идти? — спросил Семя Горчицы, схватив Королеву за тоненькую ручку.

Но Цветок Гороха уже удалился во главе танцующей толпы.

Беспомощное крохотное создание, некогда бывшее Королевой, утащили с глаз долой. Семя Горчицы услышал, как она в отчаянии повторяла:

— Гром... и Молния! Да почувствуешь ты, Цветок Гороха, их силу! Гром и Молния! И обрушится на тебя гнев Тиффани Болит, и пронзит он тебя до кости...

Тут начался дождь, превратившийся в ливень.

Глава 9

Польза от коз

Парнишка, стоявший под дождем, у черного хода ее домика — больше он не принадлежал Матушке Ветровоск — не был похож на обычного посетителя. Он был потрепан, верно, но эти потертости были вызваны путешествием, а не жизнью. К тому же при нем был необычный козел. И еще парень не выглядел нуждающимся просителем. Она пригляделась повнимательнее. Некогда его наряд был дорогим, высшего качества. Который теперь нуждался в починке. Юноша был не пару лет младше Тиффани.

— Вы — госпожа Болит, ведьма? — нервничая спросил парень, едва она открыла дверь.

— Я, — ответила Тиффани, мысленно решив: «Что ж, он подготовился. Не стал барабанить в дверь, требуя Матушку Ветровоск, а вежливо постучал у черного хода. Однако становится холодно, а я как раз готовила ужин». Но поскольку ведьма никого не прогоняет, она продолжила: — Чем могу помочь? Уверена, вам что-то нужно.

— Не совсем так, госпожа. Я слышал в дороге как о вас говорили. Говорят, вы лучшая из ведьм.

— Что ж, народ разное болтает, — ответила Тиффани, — но важно то, что об этом думают другие ведьмы. Так, чем я могу вам помочь?

— Я хочу стать ведьмой! — последнее слово прогремело, словно оно было живое, но юноша выглядел серьезным и несчастным. — Мой воспитатель, господин Виггалл, рассказывал мне об одной ведьме, которая стала волшебником. Так что я подумал, госпожа, нельзя ли эту концепцию применить в обратную сторону? Разве не говорится, то, что хорошо для гусыни, сойдет и для гуся?

— Что ж, хорошо, — неуверенно произнесла Тиффани. — Но многим женщинам не нравится общаться с незнакомым мужчиной, так сказать, в приватной обстановке. А большая часть нашей работы сходна с работой повитухи, с ударением на женский род.

Адамово яблоко парнишки нервно метнулось вверх и вниз, но он смог промолвить:

— Я знаю, что в городе Бесплатная больница Леди Сибиллы обслуживает на равных и женщин, и мужчин. Нет сомнения, если дело

доходит до операций, часть женщин предпочитают хирурга-мужчину. — На мгновение парень посветлел лицом и добавил: — Я правда чувствую в себе силы стать ведьмой. Я все знаю о сельской жизни, у меня тонкие пальцы, что оказалось полезно в дороге с козой в тягости. Пришлось засучить рукава и повернуть козленка, чтобы он мог нормально родиться. Было сложно, но козленок выжил, а старик-владелец козы был вне себя от счастья.

— Отлично, — буркнула Тиффани, размышляя, является ли определение «умеет обращаться с козами» признаком ведьмы. Но парень казался таким несчастным, что она сжалилась и пригласила его выпить чая. Козел был познакомлен с разросшимся под яблоней кустом Плетистой Минни, и, не смотря на дождь, он предпочел провести время с ним наедине, хотя Тиффани, как любая ведьма, не могла не отметить странный взгляд, который не часто встретишь у козлов. К таким взглядам лучше не поворачиваться спиной... или еще что похуже.

Провожая парнишку в дом, она заметила Ты, направляющуюся к яблоне. Как вдруг при виде козла кошка замерла, выгнув спину и взметнув хвост на примечательную высоту. Возникла жирная пауза, во время которой животные рассматривали друг друга. Тиффани могла поклясться, что заметила промелькнувшую зеленовато-желто-фиолетовую вспышку... и все внезапно успокоилось, словно было достигнуто соглашение. Козел вернулся к ожидавшему кусту, а Ты сдулась до обычных размеров и пошла обратно, едва не потерявшись о ноги козла. Тиффани была потрясена. Она видела, как Грибо, кот Нянюшки Ягг, улепетывал от Ты, сверкая пятками! Что это за козел такой? «Может и парень не такой, каким кажется на первый взгляд», — подумала она с интересом.

Разместившись за небольшим столиком на кухне, Тиффани выяснила, что собеседника зовут Джоффри и он оказался очень далеко от дома. Она отметила, что он не хочет рассказывать о семье, поэтому она нажала зашла с другого бока:

— Мне любопытно, Джоффри, почему ты решил стать ведьмой, а не волшебником? Ведь это более традиционный выбор для мужчин?

— Не сказал бы, что рассматриваю себя мужчиной, госпожа Тиффани. На самом деле вообще никак. Я — просто я, — тихо ответил юноша.

Хороший ответ! И она в который раз задумалась, в чем же разница между ведьмами и волшебниками? Основная разница, решила она, что волшебники пользуются книгами и посохами для составления заклинаний — для большой работы большие игрушки. А еще они мужчины, тогда как ведьмы — всегда женщины. И они занимаются повседневными вещами. И

крупными тоже, твердо поправила она себя. Что может сравниться с рождением и смертью? Так почему бы этому парню не мечтать стать ведьмой? Она сделала такой выбор, так почему не может он? Для начала, поняла вдруг она, тут важно ее мнение. Если она собирается быть кем-то вроде старшей ведьмы, тогда многое зависит от ее решения. И ей не нужно знать мнение других ведьм. Это только ее выбор. Возможно, самый первый шаг к переменам?

Она посмотрела на Джоффри. Было что-то в этом юноше, что конкретно пока трудно было сказать. Но он выглядел безобидным и каким-то пришибленным, так что она решила дать ему шанс. Что же до его козла...

— Ну, что же, — сказала она. — Я могу выкроить тебе угол в пристройке и немного еды для пропитания. Твой козел останется на твоём попечении. Однако, сейчас уже поздно, так что продолжим завтра.

* * *

Утром, ожидая Нянюшку Ягг, Тиффани отнесла в пристройку немного еды. Паренек еще спал. Она тихо кашлянула, и тот мгновенно подскочил.

— Великолепно, Джоффри. Скажи-ка честно. Ты, что сбежал? Может от родителей?

— Нет. Не сбежал, — ответил Джоффри, откусывая хлеб, предварительно сняв с него кусок ветчины, который на него положила Тиффани.

«Ах ты, маленький врунишка», — подумала Тиффани, как любая ведьма, заметив ложь.^[31]

— Стало быть ты просто сбежал из дома? — вздохнув, продолжила она.

— Что ж, можно сказать и так, госпожа. Но мне уже шестнадцать, поэтому я просто решил уйти.

— Не сошлись характером с отцом, не так ли? — произнесла Тиффани, и увидела, как парень метафорически подпрыгнул до потолка, словно она зацепила оголенный нерв.

— Откуда вы узнали?

Тиффани вздохнула:

— Разве на моей двери не написано: «здесь живет ведьма»? Возможно я и не намного старше тебя, но ты не первый беглец, которого я встретила, и уж точно встречу еще не раз. Хотя, доселе мне не встречались беглецы из

богатых семей, вроде тебя, господин Джоффри. Хороший кафтанчик. Так ответь, Джоффри, какой от тебя прок для меня и моего владения?

— О, довольно большой, госпожа, — принялся уверять парень, стараясь говорить искренне, но получилось скорее с надеждой в голосе.

В этот момент из-за угла дома появилась Нянюшка Ягг. Еще минуту назад ее не было и тут — здрасьте! Как уже усвоила Тиффани, это был ее коронный номер. Ведьма посмотрела на Джоффри, быстро что-то прикинула в уме, подмигнула Тиффани и сказала:

— Все отлично, Тифф?

Тиффани заметила веселую улыбку на Нянюшкином лице, словно вам улыбается здоровенное яблоко. Судя по виду Джоффри, он был готов немедленно сбежать.

— Все хорошо, Нянюшка. Познакомься с Джоффри, — резковато ответила Тиффани. — Он желает стать ведьмой.

— Правда? — хмыкнула Нянюшка Ягг. — Ты наверное подразумеваешь, что он хочет заняться магией? Так отправь его к волшебникам!

Теперь Джоффри был похож на маленького фавна, уносимого бурей. Нянюшка Ягг порой производила подобный эффект.

— Нет, Нянюшка. Он желает стать ведьмой. Понимаешь?

Тиффани заметила в глазах Нянюшки Ягг загоревшийся рискованный огонек:

— Значит, желает стать ведьмой? Тогда может сперва он узнает, с чем мы ведьмы имеем дело, а то передумает? В смысле, вдруг он потом передумает, его поманит магия и он захочет стать волшебником? Знаю, знаю. Сделай его помощником по хозяйству. — Подобную работу в домах ведьм выполняли ученицы. Обычно она заключалась в уборке дома и грязной работе, вроде убоя и ощипывания кур, чистки обуви и картошки и прочих дел, которые были грязные и порой опасны. На Домашней ферме Болитов всегда был батрак, таким образом обучавшийся основам фермерства. — Вот тебе мой совет. Давай опробуем его на господине Нимлете. Помнишь, какие у него ногти?

«Такие же, как у всех стариков», — подумала Тиффани. Она видела, что парнишка изо всех сил хочет быть полезным и почувствовала угрызения совести:

— В том, чтобы быть ведьмой куда больше труда, Джоффри, чем ты думаешь, но если ты хочешь быть моим помощником по хозяйству, то можешь попробовать. И первое поручение, которое я хотела бы тебе дать, это справиться с ужасными ногтями одного старичка.

— Тебе даже мог бы пригодиться щит, — вставила Нянюшка Ягг. Парень вопросительно посмотрел на Тиффани.

— Ох, милый. Ногти на ногах у господина Нимлета толстые, прочные и с ними очень, очень трудно совладать. Тебе понадобятся острые кусачки и, вдобавок ко всему, проклятые штуки летают по комнате. Лучше побережь глаза. — Она внимательно наблюдала за его лицом. Джоффри выглядел готовым преодолеть любые препятствия, включая летающие ногти. Нянюшка Ягг все улыбалась, так что Тиффани сказала:

— Мне нужно к роженице. Нянюшка, не будешь ли ты так добра, что отведешь Джоффри к господину Нимлету и приглядишь за ним. Ах, да! И не забудь напомнить ему, чтобы собрал обрезки. Они пригодятся Робу Всякограбу.

— Можно мне взять с собой Мефистофеля?

Нянюшка Ягг подпрыгнула как ужаленная:

— Мефи... что? — медленно переспросила она.

— Моего козла, — пояснил Джоффри, махнув рукой на загон, в котором козел терзал остатки травки. — Точнее он сам по себе козел, мы просто вместе путешествуем. Он очень умный попутчик.

Нянюшка Ягг фыркнула.

— Смотрите, — с гордостью добавил Джоффри, когда козел целенаправленно пересек загон, носом открыл калитку и направился к крохотной кабинке под осиной. — Он умеет использовать нужник.

Тут Нянюшка Ягг, впервые в жизни, не нашлась, что сказать.

Глава 10

Богачество

Торжествующий Цветок Гороха в волшебной стране собрал свой двор. Рядом стоял, поигрывая бронзовым кинжалом, высокий и элегантный Лорд Длинноног в тунике из мха и веточек, красочно свисающих на темную кожу.

— Провозглашаю себя вашим королем! — объявил Цветок Гороха.

В великом зале повисла тишина. Эльфы обдумывали подобное подобную карьеру и собственные шансы. Один, тот, что посмелее спросил:

— А как же король под холмом? Спящий в кургане? Что он на это скажет?

— А вот что! — ответил Цветок Гороха, пуская в наглеца стрелу. Только ранил. «Хорошо, — удовлетворенно отметил Цветок Гороха. — Будет чем развлечься потом». Он взмахнул рукой, приказывая своим воинам убрать раненного. — Да, здравствует король! — сказал он, и на этот раз возражений не последовало.

Каждый эльф знал, что Цветок Гороха желает разграбить мир людей, гномов и прочих. Желает, чтобы эльфы снова свободно и неистово ворвались в тот мир.

— Мы эльфы живем с начала времен, — гудел Цветок Гороха. — Слишком долго люди одерживали верх. Восставшие гоблины почувствуют наш гнев! Мы втопчем в грязь механическую погань! Мы вернем себе мир, который нас отверг! — Он улыбнулся и ласково добавил: — А те, кто не со мной, очень об этом пожалеют.

В мире поездов и стружки железо может убить эльфа. Но никто из эльфов не решился бы перечить или пойти против жуткого характера Цветка Гороха. Они хорошо знали, что он способен превратить короткое слово «пожалуют» в весьма продолжительные «мучительные переживания».

Видя, как их новый король поднимается во всем блеске своего могущества и очарования, они почувствовали, что их мир вновь оживает.

— Что за глупцы эти смертные! — проревел Цветок Гороха. — Они считают, что сумеют нас остановить? Они в нас нуждаются! Они зовут нас. И мы придем. Мы заставим их желать того, чего они лишены, а мы одарим их лишь нашим смехом. И отберем все остальное!

Это эльфы приветствовали с воодушевлением.

* * *

Одетые в свои лучшие наряды Бэки Пардон и Нэнси Напрямик нервно ожидали вердикта мисс Тик.

— Повторяю, это не имеет отношения к заклинаниям и метлам. Это работа, порой тяжелая. Порой мерзкая. Да, Бэки?

— Я видела, как умер мой дедушка, — сказала Бэки. — И я смотрела за всеми приготовлениями. Мой папа говорил, что мне не следует оставаться, но мама сказала: «Пусть девочка знает. Рано или поздно ей придется усвоить, каков этот мир».

— Сейчас, девочки, мне нужно понять, справитесь ли вы с магией. Вам обеим нужно усвоить основы волшебства. Например, как задуть свечу силой мысли. Как вы думаете, чего можно добиться с помощью волшебства?

— Можно выводить бородавки, — ответила Бэки. — Я это точно знаю, потому что моя бабушка это делает. Волшебство может сделать красивой! — сказано было мечтательным тоном, поэтому мисс Тик присмотрелась повнимательнее. Ага! Довольно неприятное родимое пятно на щеке.

— Можно наколдовать, чтобы кто-то стал вашим другом, — добавила Нэнси. — Или, — тут она покраснела румянцем, — понравиться мальчику.

Мисс Тик рассмеялась:

— Вот, что я вам скажу, девочки! Никакое волшебство не сделает вас красивее, чем вы есть. И уж точно не поможет вам стать популярнее. И вообще, это не игрушка.

Еще больше покраснев, Нэнси спросила:

— Ну, а мальчики...

Мисс Тик и бровью не повела:

— А что с ними?

Румянец Нэнси теперь потрясал воображение. Если она покраснеет еще чуть-чуть, то станет похожа на лобстера.

— Не стоит пробовать заклинания, чтобы привлечь парней, Нэнси. А если желаешь узнать об этом побольше, то могу поручиться, госпожа Тиффани отправит вас к Нянюшке Ягг, либо к вашей собственной бабушке.

— А у вас, мисс Тик, есть возлюбленный? — спросила Нэнси.

— Нет, — ответила мисс Тик. — Они только мешают. А теперь давайте

проверим, сумеете ли вы сделать запутку. Если не сумеете, то скорее всего ведьма из вас не выйдет. Запутка позволяет сконцентрироваться. — Она помахала рукой в воздухе и что-то случилось. Воздух словно забурлил. Заволновался, задрожал... одним словом, ожил. — Видите, как движется воздух? Как он ждет? Здесь будет моя запутка. Отсюда она меня направит. — Внезапно в ее руке появилось яйцо, кусочек бечевки, резинка и орешек. — Эти предметы я ношу с собой, чтобы делать запутку. — Она взглянула в серьезные лица, вздохнула и продолжила: — А теперь пришло время, чтобы каждая из вас сделала свою собственную запутку. В ней обязательно должно быть что-то живое. Смотрите, как это делается! Закрываете глаза и связываете воедино все, что у вас есть.

Она наблюдала, как они с серьезным видом вывернули карманы. Мисс Тик хорошо знала ведьм, и знала, что в этих девочках есть скрытый талант к магии, но решение обучаться на ведьму требует много больше, чем крупницы таланта. Очень пригодится тяжелый труд. Много, очень много тяжелого труда. И даже тогда будет не просто. Помимо прочего нужны подходящие родители, которые поддержат такой выбор. Ведь девушка, к примеру, может принести пользу дома, помогать с младшими детьми или в семейном деле. А потом, рано или поздно, возникнет вопрос о внуках. А он всегда возникает. Всегда.

Мисс Тик было известно, сколько всего можно узнать о человеке по содержимому его карманов, а порой еще больше по тому, что в них отсутствует. К примеру, в ее кармане лежал небольшой кусочек сыра, потому что хорошо поколдовать натоцк не получится.

— Даже черви и те живые, поэтому можно держать одного в коробке с кучкой влажных листьев.

Нэнси стащила с ноги башмак:

— У меня тут живет гусеница.

— Прекрасно, — сказала мисс Тик. — Значит, тебе повезло, но везение только часть ведовства.

— А меня есть заколка, — с мрачным видом поведала Бэки. — Мне можно ее использовать?

Мисс Тик вздохнула в ответ:

— В запутке? Ну, разумеется. Только тебе все равно нужно использовать что-нибудь живое. Бабочку, муравья или что-то в этом роде, но помните — нельзя их убивать. Потом выпустите на волю.

— Ох, ну ладно, — Бэки недолго повозилась в кустах и вернулась с огромной волосатой гусеницей в руке.

— Повторюшка! — хмыкнула Нэнси.

Мисс Тик рассмеялась:

— Смекалка — тоже часть ведовства. Используйте свои глаза и изучайте все, что видите. Отлично, Бэки! — Девушка тщательно обернула гусеницу куском старой резинки от штанов, которая каким-то образом была привязана к ее пальцу. Остальные пальцы были заняты, пристраивая в запутку заколку для волос.

Нэнси, морщась, старалась отцепить гусеницу, которая пыталась зарыться в клочок овечьей шерсти.

Раздался хлопок и сверкнула молния. Обе девушки одновременно произнесли:

— Это я! Это из моей запутки!

Мисс Тик снова улыбнулась. Почему людям так нравится любоваться на закат, на радугу или грозу — и считать, что это случается из-за них? Она знала, если каждая из девушек поверит, что может управлять грозой, то с ужасом побегут домой, а их матерям вероятно придется отстирывать подштанники. С другой стороны, немного веры в себя у ведьмы отличное начало.

— Эй, мисс! Мисс! — воскликнула Бэки и указала пальцем. Ее заколка парила в воздухе рядом с гусеницей.

— Прекрасно, — сказала мисс Тик. — Действительно отлично вышло.

— Блин, а что это у меня? — сказала Нэнси, глядя, как ее развалившаяся запутка падает по частям на землю: клоч шерсти опускался вниз, верхом на нем словно ведьма на помеле сидела гусеница. Девушка подняла руку — над ее указательным пальцем горел язычок пламени.

— Превосходно. У вас обеих есть способности. Теперь — учиться, учиться и еще раз, учиться. Каждый день, — строго заявила мисс Тик.

А про себя подумала: «Что ж, госпожа Тиффани. Вам обязательно нужно взглянуть на эту пару!»

* * *

В стране Фей играла музыка. Ноты красивой мелодии по спирали поднимались вверх к пустому небу. На верхушке дерева на довольно тонкой веточке сидел скучающий эльф и забавлялся, раскрашивая каждую ноту в разные цвета так, что они переливались, танцуя над головами веселящихся придворных. Как немного надо, чтобы порадовать эльфов. На первом месте в списке, обычно, идет кого-нибудь помучить. На втором, с небольшим отрывом — музыка.

Музыкант был человеком, которого заманили в лес магией эльфийской арфы, а потом схватили, чтобы он играл, играл, играл... для развлечения лорда Цветка Гороха. Эльфы были хорошо подкованы в содержании своих игрушек. Они порой могут жить многие месяцы, а флейтист был чудесной игрушкой. «Сколько этот сумеет протянуть?» — безучастно думал Цветок Гороха.

Впрочем, он был доволен. Его воины сделали несколько вылазок в мир людей, захватив для него несколько подарков, вроде этого. И он твердо знал, что с каждой успешной вылазкой их уверенность возрастет. Скоро, совсем скоро они начнут...

Он нахмурился. Ему нужно поговорить с Семенем Горчицы. Нужно убедиться, что жалкие остатки бывшей Королевы выброшены из Страны Фей. Ему не нужны осложнения...

* * *

Наблюдать за людьми было не менее интересно, чем за животными. Джоффри находил их изумительными и постоянно пристально рассматривал, и чем больше видел, тем больше учился на увиденном.

Так он узнал, что старики каким-то образом постоянно всем мешают в собственном доме. Это сильно отличалось от собственного дома Джоффри, где безраздельно властвовал его отец. Здесь же, когда в жизни старика была женщина, пользуясь уходами супруга на работу, она за долгие годы захватывала все уголки внутреннего пространства дома, и у мужчин не было ни малейшего желания отвоевывать их обратно.

Он помнил об этом факте, придя к господину Моряку Миротворцу, чтобы подстричь его волосатые ноздри — задача, которая была не по душе даже Нянюшке Ягг. Миссис Салли Миротворец, ставшей близорукой, доверять приближаться с ножницами к носу супруга было нельзя, что было ею красноречиво продемонстрировано в прошлый раз. Она была доброй женщиной, но Джоффри с сожалением заметил, что она обращается с мужем почти как с предметом мебели. Жалко, поскольку столько повидавший на свете морской волк из-за того, что его жена постоянно стирала, мыла, драила, а за неимением все прочего, стирала пыль, теперь большую часть времени был вынужден проводить в трактире. Если бы ее муж просидел чуть подольше не шелохнувшись, ей бы было трудно удержаться от того, чтобы не начать его мыть, начищать и стирать с него пыль.

Так на Джоффри снизошло, что трактир для стариков и развлечение и убежище. Как-то раз он подсел к ним, угостив пинтой за свой счет, завоевав таким образом их расположение. Потом они с Мефистофелем продемонстрировали свой трюк со счетом. После второй кружки старики совсем подобрали, и Джоффри решил задать мучивший его все эти дни вопрос.

— Можно вас спросить, джентльмены, чем вы заняты?

Как ни странно вопрос вызвал смех, и Резервуар Вскольз с улыбкой, которую вопреки его имени скользкой никак не назовешь, ответил:

— Покорно благодарю, сэр, можете звать нас джентльменами на отдыхе.

— Мы как короли, — сказал господин Объезд по прозвищу Весельчак.

— Только без всяких там замков, — вставил Резервуар Вскольз: — Где-то у меня был один, да, наверное, выпал.

— И вам нравится отдыхать, джентльмены?

— Не так чтоб очень, — признался Вкус Дрожачкин. — На самом деле, я терпеть не могу. С того самого дня, как моя Джуди померла. У нас никогда не было детишек, — это признание вызвало слезу и дрожь в голосе, которые были спрятаны за глотком из кружки.

— Хотя ведь у нее была черепашка, так? — сказал могучий Кривой Джо, который мог бы брать телят подмышку.

— Верно, — сказал Вкус. — Она говорила, что они ей нравятся, потому что не успевают от нее убежать. У меня до сих пор живет черепашка, правда другая. Они не очень хорошие собеседники. Моя Джиди тархтела весь день о том, о сем. Черепахи в основном хорошо слушают, чего порой нельзя было сказать о Джуди.

Раздался смех.

— Когда стареешь, все превращается в управление трусами... — сказал Вонючка Джимми Джонс.

Джоффри, обрадованный, что тема развивается сама собой, уточнил:

— Что это значит?

И каждый старик начал ворчать о своем.

— А вот что, парень, — сказал Кривой Джо. — Моя Бэтси говорит мне, что мне есть, когда, где и если она рядом, носится вокруг как старая курица. Это все равно, что снова превратиться в ребенка.

— Как же, знакомо. Моя Салли чудесная женщина, — сказал капитан Миротворец, — и без нее я бы пропал, но давайте посмотрим с другой стороны. Я командовал другими людьми, и в самый скверный шторм оставался на мостике, чтобы мы точно остались на плаву, потому что это

моя работа, и я капитан. — Он огляделся, увидел согласные кивки, и обратился прямо к Джоффри: — И лучше всего, парень, я был мужчиной. А теперь? Все мои обязанности это вовремя поднять ноги, когда метут пол. Это наш общий дом, и я люблю жену, но каким-то образом я постоянно ей мешаю.

— Я отлично понимаю, о чем ты говоришь, — сказал Вонючка Джимми. — Вы меня знаете. Я до сих пор неплохой плотник, известный в гильдии, но моя Молли постоянно трется вокруг меня, подавая инструменты. И вот, что я вам скажу: когда она смотрит, у меня трясутся руки.

— А хотите, чтобы они перестали трястись, — спросил Джоффри, хотя только что видел, как Вонючка Джимми поднес ко рту кружку твердой как скала рукой: — Вы, джентльмены, подсказали мне идею. — Он сделал паузу, надеясь их заинтриговать. — Мой двоюродный пра-пра-прадедушка был родом из Убервальда. Его звали Хемлих Сараедомсон. Он первый у нас начал строить сараи.

— Да у меня самого есть сарай, — возразил Вонючка Джимми.

— Без обид. Возможно, вы так думаете, что он у вас есть, но какой он? Есть сараи для коз, кур, коров или свиней, а я предлагаю сарай для людей. Я понял, что нам нужно организовать сарай для мужчин. Караван-сарай.

Все обратились во слух, особенно, когда он крикнул хозяину:

— Еще по одной, прошу! Давайте выпьем за эту мысль, джентльмены!

* * *

Деревенские женщины так же тепло приняли Джоффри. Это было поразительно. Было что-то такое в его готовности остановиться и поговорить, в его мягкой улыбке и обходительности, что мгновенно располагало их к нему.

— Господин Джоффри такой спокойный. Постоянно. Никогда не ругается и так правильно говорит! Сразу видно ученый человек, — говорит как-то старая Бэтси Кузнецова.

— А какой у него козел! — добавила миссис Свистун, складывая впечатляющего размера руки на не менее впечатляющей груди, — на вид кажется бодливым, однако ведет себя тихо и слушается каждого слова Джоффри.

— Вот бы он так же справился с моим Джо! — прыснула Бэтси, и они пошли вместе с миссис Свистун дальше по улице.

Тиффани смотрела им вслед, размышляя о своем помощнике по хозяйству и о том, как ему так здорово удается со всеми ладить. И еще: «Я встречала таких людей раньше. Такие все обо всех знают. Они вроде держателей ринга, который может остановить бой. Думаю, нужно взять его с собой на обход и посмотреть, что он делает».

Вот так Джоффри на следующий день оказался вместе с Тиффани на помеле, цепляясь за ее спину с сияющим от радости лицом, пока она не ловко правила потяжелевшим помелом среди гор. Едва они заходили в дом, как все зажигалось живительным весельем. Он умел быть веселым, спеть песенку и каким-то образом делал все... лучше. Плаксивые дети вместо воплей начинали гугукать, подростки переставали спорить, а мамы становились спокойнее и слушались его советам.

Хорошо управлялся он и с животными. Пугливый теленок спокойно стоял, а не шарахался по стойлу от незнакомых людей, а кошки сбегались навстречу и непременно считали его колени лучшим местом на свете. Однажды Тиффани видела его на ферме, стоящим по колено в кроликах и в придачу с фермерским псом.

Встретив как-то их вместе, Нянюшка Ягг сказала ей:

— У него есть сердце, уж поверь. Я-то хорошо знаю мужчин. — Она улыбнулась. — В свое время, поверь, я перевидала их кучу и в разных обстоятельствах. Не стану говорить, что сейчас он настоящая находка, и многие ведьмы будут против, чтобы паренек занимался их делом. Но, Тифф, не позволяй никому указывать себе, что делать, как не позволяла этого Матушка Ветровоск. Помни, тебя она избрала своей преемницей, а не кого-то из них. И тебе нужно идти своим путем. Не ее. Так, что если решишь, что стоит его обучать, приступай.

Тиффани была очень впечатлена козлом Джоффри. Мефистофель свободно приходил и уходил, но за исключением того времени, когда они с Тиффани были на обходе, козел постоянно держался рядом с Джоффри. Тиффани казалось, что козел присматривает за пареньком. У них был даже свой код. Словно козел мог переговариваться перестуком копыта, и периодически выбивал сложные стаккато. Если бы Мефистофель был собакой, то он был бы пойнтером. Они были дружны с хозяином, и горе тому, кто воспользуется добродушием Джоффри — у Мефистофеля были острые копытца.

Когда Джоффри не было дома, козел сам отпускал себя погулять. Вскоре козы Тиффани переняли его привычки, а Нянюшка Ягг как-то рассказала, что видела «это дьяволово козлище» в горах в обществе диких коз. Из-за звонких копыт она называла его «Ночным барабаном», и

добавляла:

— Не буду врать, что он мне не нравится, вонючка эдакий. Я, можно сказать, всегда была сторонницей рогов. Козы умные, а овцы тупые. Без обид, дорогая.

Вскоре в подтверждение Нянюшкиных слов, в прямом смысле, состоялся настоящий триумф Мефистофеля. Это случилось в одной деревне у подножия гор в крайнем к лесу доме, в котором жил нуждающийся в лекарствах мальчик. Сюда Джоффри подогнал свою тележку.

В этот конкретный день вместо присмотра за хозяйством, мать семейства присматривала за Джоффри. В заботах о сыне, она оставила калитку в загон открытой. И овцы, как самые настоящие бараны, впали в истерику и, прежде, чем женщина спохватилась и заметила свою оплошность в окно, начали разбегаться кто куда.

— Муж будет в ярости. Теперь целую вечность придется их собирать, — убивалась хозяйка. — Вы только поглядите, разбежались, не сыщешь!

Джоффри выглянул в окно и прищелкнул языком, подозвав Мефистофеля, который выпряженный из тележки мирно пасся неподалеку. Козел перестал поедать капусту и... следующее событие потрясло весь Ланкр. По слухам Мефистофель догнал овец не хуже иной овчарки. Не смотря на то, что овец было куда больше, но он аккуратно, одну за другой, загнал их обратно в загон.

Со слов хозяйки, которая рассказала об этом мужу, козел, оказывается, не только загнал овец, но и запер за ними калитку. Последнее показалось супругу чистой выдумкой, но все равно история была занимательной. Такую не стыдно рассказать в кабаке. Так зародилась и пошла в народ Легенда о Мефистофеле.

Тиффани услышала историю непосредственно от Джоффри и Нянюшки Ягг. Включая вылеченного ребенка, эта новость подвела итог прекрасному дню. Однако Тиффани все равно поглядывала в узкие глазки Мефистофеля. Она все знала о козах. Но этот козел был непрост. Она уверена, у него есть цель. И он наблюдал. Следил, насколько она заметила, за нею, за Ты, которая в свою очередь следила за ним, разумеется делая вид, что ни капельки не следит. В общем, все следили за всеми. Тиффани улыбнулась.

И приняла решение.

На следующее утро она отвела Джоффри в сторонку и сказала, что она должна показать ему кое-что особенное.

— Тут есть еще кое-кто... — сказала она. — Особые... маленькие друзья, которым я хочу тебя представить. Она сделала паузу и позвала: — Роб! Я знаю, что вы здесь! У меня есть для вас капелька особенной мази. — Она поставила чашку с несколькими каплями ликера на пол.

Воздух зашевелился, мелькнула рыжая шевелюра и перед ними появился Роб Всякограб со сверкающим мечом в руке.

— Роб, я бы хотела вас познакомить... с Джоффри, — сказала Тиффани, медленно и аккуратно поворачиваясь, чтобы увидеть его реакцию на появление первого фигла, но Роб ее удивил.

— Ой, то мелкий пацан! Мы вже видались, — объявил Роб.

Джоффри покраснел:

— Поскольку я спал в пристройке, — сказал он, — эти джентльмены были настолько любезны, что разрешили мне разделить с ними помещение.

Тиффани была впечатлена. Джоффри уже встречался с фиглами! Без ее ведома! Ведь она — ведьма! Она должна была об этом знать.

— Но... — начала было она говорить, но тут начали появляться остальные фиглы: кто спускался на веревочке с потолочной балки, кто вылезал из-под кадушек. Наконец, вся банда выстроилась полукругом на полу.

— Нае проблемо, — сказал Роб, помахав ручкой в воздухе. — Мы, вишь ли, занятно побалакали, кадысь ты була в постельке и спала.

— Но мы все равно доглядали за то-ммф-вф, — Роб заткнул рукой рот Вулли Валенка.

— В постельке? — начала заводиться Тиффани, но сдержалась. Какой в этом смысл? Фиглы не отстанут, и если выбирать жизнь с фиглами или без, то ответ на вопрос не стоит выеденного яйца.

— Таки ты не сердисся? — спросил Роб, начиная ковырять землю ногой, как всякий раз, когда доходило до Объясняток. — Дженни казала, шта ентот мелкий пацан богачество. А ты знашь, каки мы с богачествами — нам должно их тырить.

Все как один Нак Мак Фиглы вздохнули от счастья.

Тиффани подтолкнула к ним чашку со словами:

— Что ж, это богатство вам не украсть. Но вот, что я думаю: пришло время познакомить Джоффри с кельдой.

* * *

Снаружи лило как из ведра, и им пришлось сушиться перед главным

очагом кургана. Джоффри был горд и совершенно не смущался тем, что пришлось лезть в кусты, а потом ползти в нору внутрь кургана фиглов.

Он невольно поеживался под каждым взглядом.^[32] Особенно старшей дочери Дженни — Мэгги, которая храбро выбралась к ним, поглядеть на великучую каргу и ее друга. Она прилизала свои непослушные волосы и состроила самую приветливую гримассу.

Дженни вздохнула. Скоро ее дочке предстоит уйти. В клане может быть только одна кельда.

Едва она подумала об этом, как Роб раскрыл объятия, и Мэгги помчалась к нему через всю пещеру.

— Моя дочура, Мэгги, — гордо представил ее Джоффри Роб. — Она вже, ведашь ли, вырослая девчушка и вскоре пойдет сыскати свой клан.

Мэгги надулась:

— Не можно ли мне остатися тутась? — заявила она, включив для отца свой лучший медовый голосок. — Мени и туточки хорошо. Не хочу мужа, — она произнесла это слово словно это было самое ужасное на свете, — и деток. Хочу быти воем.

Роб рассмеялся:

— Дык ты же девчушка, Мэг, — сказал он, нервно поглядывая на Дженни. Разве она не учит Мэгги премудростям кельды? Всему, что кельда должна знать, чтобы жить в своем клане?

— Но я ведаю яки битися, — хмуро возразила Мэгги. — Спроси Мала Дагги Большеноса. На прошлой мал-потасовке я, ведашь, так наподдала ему...

Один из худощавых подростков в углу пещеры, Мал Дагги Большенос неловко поставил ноги друг на друга и повесил голову, так что остался виден только его большой нос и вплетенные в волосы бусины.

— Я беседувала с Жабом,^[33] — продолжала Мэгги. — Он, вишь, сказывал, мене не обязательно следовать традициям. Он сказывал, то мое человечье право.

— Вот и хорошо, потому как ты не человек! — рявкнула Дженни. — И слушать больше не желаю енту чепухню. Ступай и принеси гостям добрый кусок баранки с нашей особой приправкой.

Этот соус был Тиффани хорошо знаком. Одной из его важных составляющих были улитки.

«Там улитки», — прошептала она Джоффри, когда Мэгги скользнула прочь. К удивлению Тиффани юная фигл умела это делать прямо как миссис Иервиг, за исключением очевидной разницы в росте — Мэгги была

всего пять вершков, в то время как миссис Иервиг была ростом с отца Тиффани.

Для крохотной женщины у Дженни был острый слух:

— Агась. Удивительно, чего только мои парнишки не могут сотворить из улитков, — сказала она. — Даже улитковый виски.

Джоффри вежливо улыбнулся:

— Покорно вас благодарю, кельда. Но я не ем ничего бегающего, плавающего или ползающего. Включая улиток. Предпочитаю, чтобы они и дальше ползали.

— Вообще-то фиглы специально их выращивают, — пояснила Тиффани. — Все приспособляются. От этого никуда не денешься.

— Верно, но не за счет других.

Дженни, сверкнув глазами, наклонилась вперед и положила свою темную ореховую ладонь на его руку. Все звуки смолкли, и Джоффри с Дженни застыли, глядя друг другу в глаза.

— Некогда было много таких как он, — наконец произнесла Дженни. — Я была права. Я зрела то в моем котле, и зрю в его очах. Он един из тех, кто может остановить войну и принести мир... — Она обратилась к Тиффани: — Сберегай его, Ти-Фа-Тойн.

* * *

По дороге на Домашнюю ферму в предвкушении чая, Тиффани вертела голове слова кельды: «остановить войну. Принести мир». Возможно ей как раз могут пригодиться такие навыки. Едва она об этом подумала по ее спине пронеслись мурашки — так бывает, когда скоро может случиться что-то ужасное, и это тяжело не заметить. С другой стороны, решила она, возможно это ее тело подсказывает ей, что с него довольно *улитковой приправки* и в следующий раз следует твердо сказать ей «нет»... Она хорошенько постаралась избавиться от мерзкого ощущения и сконцентрироваться на Джоффри. «Сберегай его», Дженни права на его счет, решила она. Бывает работа как раз для него.

И прямо не сходя с места она приняла решение. Ей следует отправиться в Анк-Морпорк и взять с собой Джоффри. Все равно было пора. Раз она своего рода главная ведьма, следует навестить город. Вдруг городские ведьмы слышали что-то и считают ее малолетней выскочкой? Нужно разведать. «И встретиться с Престоном», — подсказал тоненький голосок. Она постаралась отбросить эту мысль. Эта поездка не ради нее

лично. Это ради мастерства, ради исполнения обязанностей, и именно так ей следует сказать Нянюшке Ягг, когда придется ее предупредить об отсутствии в течение нескольких дней. Но мысль о свидании с Престоном вновь прокралась в ее голову и из-за этого она почувствовала некоторое... раздражение.

Джоффри успел уйти по тропинке, но когда она позвала его, быстро вернулся с вопросом в глазах.

— Джоффри, завтра мы отправляемся покупать тебе твою первую метлу.

Глава 11

Город

Путешествие в Анк-Морпорк вышло долгим. Им с Джоффри пришлось дважды останавливаться на ночлег — один раз их пустила в дом местная ведьма, другой в амбаре одного фермера, в благодарность за помощь от Джоффри с вредным козлом. И вот они оказались там — в большом городе. Тиффани наблюдала, как у Джоффри отпала челюсть, когда они осторожно пролетели над руслом прямо в центр столицы. «Что ж, — сказала она себе, — Джоффри хотел посмотреть мир. Можно начать с Анк-Морпорка».

Но она и сама была поражена. Когда она прибыла по старому адресу мастерской, где изготавливали и чинили метлы, их отправили на новое место. Они увидели железную дорогу во всей красе, и уже были готовы арки.

В темных сводах под арками железнодорожных путей таилась собственная магия и тайны, известные только тем, кто там работал. Там всегда стояли лужи, даже если неделю не было дождя — маслянистые и вязкие, а воздух над ними был испорчен запахом нефти и разгоряченных тел рабочих.

Обитателя арок было легко опознать. Он, так как это очень редко была женщина, обычно держал гвозди в старой баночке из-под варенья, и мог часами обсуждать ароматы различных смазок и виды колесных букс, а случайный прохожий мог услышать что-нибудь вроде: «могу принести вам на пробу на следующей неделе», иногда сопровождаемые подмигиванием и постукиванием пальцем по носу.

Если приходил кто-то с вопросом, то обычно появлялся кто-то, обычно гном, который знал абсолютно все, и обычно искомое находилось под аркой во тьме стигийских масштабов. Когда нужная деталь была найдена и извлечена на свет, то кто-то мог бы назвать это хламом, но под арками любой хлам превращался в ту самую, очень, ну очень нужную покупателю вещь — и никто не знал, зачем. Полное впечатление, что она просто ждала прихода своего человека.

Стукер и Дэйв, гномы, занимавшиеся летающими метлами, перебазировали свой налаженный бизнес под вторую арку в ряду. Сразу за той, где на уши прохожих нападали музыкальные инструменты, и

непосредственно перед той, в которой изделия седельника получали шанс весело прокатиться на чьей-нибудь спине.

Когда Тиффани с Джоффри вошли в лавку, навстречу вышел Дэйв. Он мгновенно ее узнал. У него остались не самые лучшие воспоминания об их встрече год или два тому назад, не считая того, что она водилась с фиглами.

[34] Если в гномью мастерскую заглянет единственный фигл, они могут паковать вещи и возвращаться домой в горы, прихватив свои огромные топоры.

Тиффани заметила, как Дэйв обшаривает взглядом окрестности.

— Не бойтесь, сегодня со мной нет Нак Мак Фиглов, — сказала она, хотя знала, что это может быть не совсем правдой, потому, что хотя и предупредила Роба о том, что эта поездка чисто карговское дело и на фиглах ковы, держаться подальше, не может быть полной уверенности в том, что один из них не притаился среди прутьев помела и в любой момент выпрыгнет с огромной дубиной в руке, вопя «Кривенс!» Но при словах «со мной нет», она услышала облегченный вздох и гном почти улыбнулся. Тиффани увернулась от капли с потолка и добавила: — Это Джоффри. Мы пришли, чтобы приобрести для него помело. — Она оглянулась на другие нищи под арками. — Теперь вас не просто отыскать. У вас новая лавка.

Дэйв оглядел Джоффри с головы до пят:

— Нам тут нравится, — сказал он. — Быстрее получаем припасы. И гораздо проще отправиться проведать старушку-мамашу. Хотя и долго ехать. — Между арок опустилось облако паровозного дыма за которым почти исчезли гном с Джоффри, и когда Тиффани снова смогла их разглядеть, Дэйв, весь в саже, держал в руках именно то, что требовалось парню.

— Думаю, третья модель подойдет, — сказал он. — Вам повезло. Как раз одна оказалась у нас на складе. Древесина из Овцепиков, специально отобрана для волшебников. — Он провел рукой по бороде, стряхнул уголь с носа и обошел Джоффри вокруг: — Учишься на волшебника, парень?

Джоффри не знал, что ответить и посмотрел на Тиффани. Нужно ли рассказывать им о том, что он хочет стать ведьмой?

— Нет, — ответила Тиффани. У ведьмы внутри ее был заготовлен ответ вместо Джоффри: — Мой друг усмиритель.

Гном, уставившись на Джоффри, почесал свой шлем:

— Ага. И чем он занимается, мисс?

Тиффани подумала и ответила:

— В данный момент Джоффри помогает мне. Именно поэтому, джентльмены, ему нужно помело. — У нее уже были две метлы. Ее

собственная и другая, и она протягивала им запасную: — Но нам не нужно новое помело. Вы же знаете, что мы ведьмы передаем их друг другу. Поэтому я принесла вам эту. Думаю моему другу она отлично подойдет после небольшого ремонта.

При слове «ремонт» из мастерской пробкой выскочил Стукер. Он выглядел обиженным.

— Какой ремонт? — рычал он, словно отказ взять новое помело было равносильно утрате величайшего шанса в жизни. — Вы хотите, чтобы парень начинал карьеру на подержанной метле? — Тут он увидел метлу и с гримасой схватился за спину: — Это же... Матушки Ветровоск. Знаменитая вещь.

— Тем больше вызов, — подначила Тиффани. — Или вы, джентльмены, сдаетесь? Тогда мне придется поискать кого-то другого...

— Зачем же спешить? — сняв шлем и вытирая лоб шерстяной тряпкой, спросил Стукер. Он раскурил трубку, оставляя себе время на размышление, и осмотрел помело.

— Буду вам весьма признательна, — сказала Тиффани.

Стукер поцокал языком.

— Что ж, — наконец протянул он. — Могу снять стружку. А может заменим рукоять?

— На одну из наших мужских моделей, — постучав по носу, предложил Дэйв. — Ну, знаете, со... специальной выемкой для... интимных частей. Будет гораздо приятнее ездить.

— У меня всегда чесались руки при виде этого помела, — заявил Стукер. — Довести его до ума. Но там в горах гномы говорили, что Матушка Ветровоск вечно занята, так что...

— Бум! — договорил за него Дэйв, сморщив лоб словно слово доставило ему боль.

— Что ж, — сказала Тиффани. — Я не та ведьма, но дружить с любой ведьмой полезно. — Она приветливо улыбнулась и добавила: — В настоящий момент я в дружелюбном настроении... но все может измениться.

Эти слова угодили точно в подходящую паузу, состоящую из резкого звука, возвестившего о прибытии очередного состава, а так же дождя из пепла и повисшего в воздухе дыма и пара.

— Госпожа Ветровоск была по-настоящему могущественной дамой, — осторожно сказал Стукер, когда стало тише.

— И, как я слышал, никогда не платила по счетам, — добавил Дэйв.

— У меня есть деньги, — сказал Джоффри. Все это время он молчал,

позволяя говорить Тиффани, но, в конце концов, это ведь будет его помело.

Тиффани увидела, как лица гномов озарили улыбки. Стукер с трудом сдержался, чтобы не потереть руки.

— Немного денег, — резко сказала она. — Но я бы не хотела, чтобы мой друг ими воспользовался, поскольку пообещала все устроить сама. Давайте я вам скажу, как это будет. Я заплачу вам обс-ами. — Обсы были негласной гномьей валютой. Зачем тратить золото? Люди назвали бы это *услугой*, вполне конвертируемой валютой. Услуга со стороны ведьмы была весьма ценным товаром, и Тиффани прекрасно это знала: — И к тому же, помело не такое уж и плохое.

Стукер шмякнулся на сундук, набитый прутьями для метл. ^[35]

— Как мило с вашей стороны предложить обсы, — медленно произнес он. — Меня доканал ревматизм. Часть профессии, знаете ли. Вы могли бы что-то с этим сделать?

— Договорились, — сказала Тиффани. — Просто не двигайтесь. — И она обошла его сзади. Он немного поерзал, а потом распрямился с потрясенным лицом.

— Боже мой, как вы это сделали?

— Забрала вашу боль, — объяснила Тиффани. — Сейчас это моя боль. И могу вас с этим поздравить, потому что, могу доложить, она очень сильная. Сейчас она парит рядом со мной, вроде собаки на поводке. — Оба гнома, не сговариваясь, посмотрели вверх, словно ожидая увидеть воздушный шарик с надписью «Боль здесь», но удалось разглядеть лишь огромную маслянистую каплю, свалившуюся Дэйву на бороду.

— Здесь есть каменщик? — спросила Тиффани, пока гном вытирал шлем и кольчугу под бородой. — Если ему нужно расколоть какой-нибудь камень, я могла бы использовать эту боль. Но сойдет и это, — добавила она, когда Дэйв положил шлем на пол. Она отпустила боль в железо, которое ко гномьему ужасу покорежило. К потолку поднялось облако пара, смешавшееся с железнодорожным паром, опускавшимся сверху.

Обсы были оплачены. Как только боли не стало, новый, прямостоящий, жизнерадостный Стукер готов был вывернуться наизнанку. Творя заклинание, он поглядывал на Джоффри и старую метлу.

— Как вы обычно одеваетесь, сэр? — в какой-то момент спросил он.

Джоффри задумался:

— Обычно самостоятельно.

Возник небольшой перерыв, пока гном пытался объяснить, что он имел в виду внешний вид, а не процесс.

— А, ясно.

Стукер посмеялся и сказал:

— Вот так. Теперь все зависит от меня, и могу сказать, что если вы придете завтра, то все будет работать.

* * *

После гномов Тиффани с Джоффри отправились к городской ведьме миссис Прост. Она содержала на улице Десятого яйца лавку «сувениров и розыгрышей Боффо». Это будет познавательно для Джоффри. Если он действительно всерьез пойдет по ведовской стезе, однажды ему может понадобиться Боффо. Многим ведьмочкам нравились искусственные черепа миссис Прост, а так же котлы и искусственные бородавки. Все это позволяло создать верный образ. Ведьма с правильным образом имеет огромное значение — для тех, на кого сильно наседають, кого жизнь замордовала так, что кажется, что уже не подняться. Это помогает поверить.

Миссис Прост не требовались мерзкие аксессуары. Она была одарена от природы крючковатым носом, спутанными волосами и гнилыми зубами. Она услышала могильный стон, сопровождавший открытие двери, и вышла навстречу.

Тиффани улыбнулась:

— Новый звук.

— Ага, — сказала миссис Прост. — Не залеживаются на полке. Приятно вас видеть, госпожа Болит. А кто этот молодой человек?

— Это Джоффри, миссис Прост. Мы приехали в город за метлой для него.

— Правда? Парнишка? Будет ведьмой? С помелом?

— А что, даже аркканцлер иногда пользуется помелом.

— Я знаю, но могут быть неприятности.

— Если возникнут, то будут у меня, — ответила Тиффани. — Я выбрана наследницей Матушки Ветровоск, и считаю, что пришло время для некоторых перемен.

— Прекрасно. Вот это присутствие духа! — Миссис Прост посмотрела на Джоффри, который увлеченно разглядывал витрину с имитацией собачьих «приветов». Она подкралась и, положив ему когтистую руку на плечо, спросила:

— Стало быть, желаешь стать ведьмой, а?

Джоффри не дрогнул. Тиффани была впечатлена, как и миссис Прост.

— Да, госпожа Прост. Я думаю, что в любом случае смогу помочь.

— Да? — спросила миссис Прост с искрой во взгляде. — Поглядим, увидим, молодой человек. — Она повернулась к Тиффани: — Уверена, найдутся те, кому эта идея будет ненавистна. Но это твой путь, Тиффани. Сейчас твоё время. Эсме Ветровоск не была дурой. Она видела, что идет будущее.

— Мы останемся в городе, пока гномы не закончат помело для Джоффри, — сказала Тиффани. — Не могли бы мы остановиться здесь? Нам нужно переночевать.

Миссис Прост улыбнулась:

— У нас полно места. Будет здорово поболтать, пока ты здесь. Бывал в городе, молодой человек?

— Нет, миссис Прост, — тихо ответил Джоффри. — Мы жили в Шире, и мой отец всего раз оттуда выезжал.

— Что ж, тогда мой сынок Дерек покажет вам окрестности, — удовлетворенно сказала миссис Прост. Она позвала Дерека — этого молодого человека не заметишь в толпе даже из двух человек. В том смысле, что у него было мало общего с внешним видом матери. Он появился на зов из подвала магазина.

«Анк-Морпорк, — размышляла Тиффани, — действительно требует изучения».

Когда парни ушли, миссис Прост сказала:

— А как, Тиффани, идут дела с твоим молодым человеком?

Она вздохнула. Почему старшие ведьмы так любопытны? Но потом она подумала: вообще-то все ведьмы любопытны. Это часть ведовства. И расслабилась. Миссис Прост хотя бы не пыталась снова сватать ей Дерека.

— Ну, Престон мне нравится, а я — ему. Он мой лучший друг, но я не уверена, что кто-то из нас готов... ну, к чему-то большему. У него много работы в больнице, он мне много пишет, и иногда мы встречаемся. — Она сделала паузу. — Кажется, мы женаты на работе. — В ее горле вдруг возник комок, и она напряженно сглотнула. — Вроде мы и хотели бы быть вместе... я думаю, что... но... — слова путались. У Тиффани был несчастный вид.

Миссис Прост как могла постаралась посочувствовать:

— Дорогуша, ты не первая ведьма с такими проблемами и не последняя.

Тиффани почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы.

— Но почему же я так себя чувствую? Я знаю, что часть меня желает быть с Престоном, и это осчастливит мою семью! Но еще я хочу быть

ведьмой. И я хорошо справляюсь. Я знаю, что это прозвучит ужасно, я сравниваю себя с другими и знаю, что в ведовстве я гораздо лучше большинства остальных. Я не могу не быть ведьмой, — слезинка была готова скатиться по щеке. — Так же как Престон не может не быть доктором.

— О, как я тебя понимаю, — сказала миссис Прост. — Но это сегодня. Но скоро настанет завтра и все изменится. Все меняется, особенно быстро для молодых людей, которые хотят разного. Просто занимайся тем, что у тебя под носом и радуйся. В конце концов, вы оба еще молоды, поэтому перед вами открыты все двери будущего. Как у моего Дерека.

— Но в том-то и сложность. Я не хочу выбирать. Я знаю, чего хочу. Мне нравится моя работа, по-настоящему нравится, — последнее слово превратилось в писк. — Я всего лишь хочу, чтобы Престон был со мной, — тихо добавила она. — А не в городе.

— Но ты же рассказывала, что он учится на доктора, — возразила миссис Прост. — И ему тоже нравится его работа. Ты же не захочешь, чтобы он все бросил ради тебя, иначе это была бы не ты, верно? Так что сильно не переживай. Считай себя удачливой и не мчись сломя голову. Есть поговорка: «Не подталкивай реку». Хотя, здесь, в Анк-Морпорке, ее нужно подталкивать, и посильнее, — добавила она с хихиканьем.^[36] Потом более оптимистично добавила: — Возможно через год или два твой молодой человек станет доктором там же, где ты ведьма. У меня был господин Прост, у тебя может быть Престон. Просто подожди.

— Когда я хожу на обходы, — тихо сказала Тиффани, — я часто вижу, как некоторые семьи, ну, они не то чтобы на самом деле... — слова повисли в воздухе.

— Они все равно счастливы вместе, — ответила миссис Прост. — Вспомни родителей, к примеру? Разве у них не счастливый брак? А теперь, давай тетушка Юнис тебе поможет. Ну-ка ступай и поболтай со своим парнем, — потом она терпеливо поинтересовалась: — Он ведь ни за кем больше не ухлестывает, так?

— Что вы, нет! — ответила Тиффани: — Он работает с Игорями^[37] и говорит, что ему не очень нравятся Игорины, поскольку привык, чтобы девушка каждый день оставалась похожей на себя. Игорины же любят экспериментировать.

Джоффри с Дерексом вернулись поздно, напевая песенку достойную Нянюшки Ягг, но Тиффани отлично поспала, что редко удавалось, и плотно позавтракала яичницей с ветчиной любезно приготовленными миссис Прост. Пока Джоффри спал, Тиффани, направляемая словами старой ведьмы, решила навестить Престона.

Она уже направлялась в больницу леди Сибиллы, как внезапно задержалась в Гусиных воротах, почувствовав странную неуверенность. Она не предупреждала Престона, что появится в городе. Вдруг ее появление придется некстати?

Больница была бесплатной, поэтому снаружи ждала очередь надеявшихся, что счастливое свидание с доктором отсрочит свидание с господином с косой. Не было похоже, что в ближайшее время очередь сдвинется с места, поэтому Тиффани поступила так, как не следовало бы.

Она вышла из тела, оставив его спокойно стоять в воротах. Для ведьм это был простой трюк, но все же опасный, и у нее не было причин так рисковать. Разве что из-за... Игорин? Они были красивы... если не замечать пары-тройки швов.

Игнорируя Здравомыслие и Точномыслие, она тихо проскользнула сквозь толпу и оказалась внутри больницы, полетав по коридорам, пока не отыскала Престона.

Он оказался в своем кабинете, полностью поглощен своим пациентом. Точнее дырой в его животе. А когда Престон на что-то смотрел, оно точно знало, что за ним следят, и ничего не оставалось, как встать и отдать честь. Это особенно касалось некоторых частей тел, использованных ранее Игорями — довольно любопытный опыт, учитывая, что Престона повсюду окружали Игори. Да-да, включая Игорин, но было отрадно видеть, что он не обращает на них особого внимания.

Тиффани облегченно вздохнула и, прислушавшись наконец к своему Здравомыслию, которое ругало ее голосом неприятно похожим на Матушку Ветровоск, она нырнула в свое тело. Обретя вновь контроль, она покачнулась.

Очередь передвинулась всего на пару дюймов. Однако остроконечная шляпа и слуга помогли немедленно пройти внутрь. Она уверенно направилась по коридору, отказавшись от его услужливого предложения проводить ее до места. «Даже не нужно рассказывать, где его найти. Настоящая ведьма», — пробормотал слуга, поскольку в больнице довольно легко уверенно сходить куда бы то ни было, и обнаружить, что очутился, скажем, в подвале, в котором сейчас обитали гоблины. Они занимались обслуживанием бойлера и устроили мастерскую для изготовления точных

хирургических инструментов. Тем не менее, люди все равно выздоравливали, и статистика улучшалась.

Престон обрадовался:

— Я уже слышал о Матушке Ветровоск. Поздравляю главной ведьмой. Нельзя было выбрать лучше. Скажи, теперь ты можешь указывать другим ведьмам, что делать?

— Вот еще! — рассмеялась Тиффани. — Все равно, что пасти гоблинов. Нет, с гоблинами проще. И все равно смысл тот же. Я не указываю им, что делать, а они позволяют мне напряженно трудиться. Как-то так.

— Совсем как мы с Игорями. Кстати, у меня тоже хорошие новости. Доктор Лужайка назначил меня хирургом. Обычно им были только Игоря, так что это дополнительное перо в мой хвост.

Тиффани поцеловала его со словами:

— Вот и отлично. Я так тобой горжусь! Хотя я бы предпочла, чтобы он назначил тебе отпуск и ты мог приехать повидаться. В письмах все не расскажешь... — ее голос дрогнул. — Хотя мне они так нравятся.

— А мне твои. Я бы тоже хотел чаще навещать домой, но, Тиффани, мне нравится работать. Люди во мне нуждаются. Ежедневное. У меня талант и будет преступление им не пользоваться.

— Я знаю. История моей жизни. Наши способности будут нашими же тюремщиками. Но я ничего больше не умею, — чуть печально сказала она. Поразительно, что хотя ей, как и Престону, теперь были известны названия всех костей, и она могла поздороваться с каждой, у них с Престоном у каждого был собственный способ заглянуть внутрь человека. У Престона в прямом смысле, а у нее — в их головы, в их умы.

— Да. Я тоже.

Время на беседы закончилось, остались только Тиффани и Престон, вместе, ловившие момент и рассказывавшие взглядом больше, чем возможно передать словами.

Это была магия. Особая магия.

* * *

За помелом для Джоффри они отправились вместе с миссис Прост. Помело Матушки Ветровоск было легендарным, поэтому ей было любопытно взглянуть, сумели ли гномы заставить его работать.

Их встретил Дэйв словами:

— Ну, вот что получилось. Отличное помело. Правда-правда. Как я понимаю, госпожа Ветровоск редко уделяла ему внимание, сколько бы мы, гномы, его ни чинили.

— А еще она его прокляла, — мрачно добавил Стукер. Для него помело очевидно было живым существом.

Помело сверкало. Сияло. Оно почти дышало. Каждый прутик был гладким, шелковистым. Если отместить новую оплетку для рукояти и прутья, это было почти то же самое помело Матушки Ветровоск.^[38] Тиффани с Джоффри разглядывали его в изумлении под снисходительными улыбками гномов.

— Извините. Как говорится, все, что смогли сделать... в смысле починить, — сказал Стукер. — Одна просьба, обращайтесь аккуратно и смазывайте маслом. Для госпожи Болит с наилучшими пожеланиями. — И гордо выпрямился во все свои четыре фута.

Миссис Прост провела пальцами по рукояти и кивнула:

— Отличное помело. Поглядите-ка, здесь даже есть подставка, чтобы можно было поставить кружку.

Стукер принял слегка виноватый вид, но сказал:

— Спец-поставка для лучших клиентов. Для тех, кто... не доставляет хлопот, — и он покосился на Тиффани. — И еще подарок, в качестве бонуса. — Он с гордостью преподнес Джоффри два связанных вместе белых кубика, грани которых были украшены разным количеством точек. — Можешь привязать к рукояти спереди вот тут. Эта штука сейчас очень популярна у молодежи. Некоторые даже прикрепляют небольшую клетку с канарейкой, чтобы в полете слушать ее трели. Называется встроенный птичье-медийный центр.

Джоффри задумчиво пожал плечами. Птичка в клетке? Это так печально. Но помело выглядело отлично, и ему не терпелось его опробовать.

Дэйв фыркнул и отдал помело со словами:

— Ну, что, молодой человек? Не желаешь провести тест-драйв? Давай. Выходи к началу галереи и сделай вираж.

Тиффани хотела вмешаться, что Джоффри был вне себя от предвкушения. Она увидела его горящие глаза и сказала:

— Ну хорошо, Джоффри. Ты летал со мной и видел, как они летают. Начинай потихоньку, по чуть-чуть.

В равной степени можно было сказать это стене. Джоффри промчался между арками с помелом в руках, заскочил на него и пулей улетел в небо. В голове Тиффани одно за другим пронеслись кошмарные мысли. Вдалеке

раздался громкий хлопок! Потом точка в небе приблизилась, и появился улыбающийся до ушей Джоффри.

Тут Тиффани пожаловалась миссис Прост:

— Вы только поглядите. Мне понадобилось несколько лет, чтобы научиться летать, а он уже освоился.

— Ничего удивительного. Техника шагнула вперед, — ответила миссис Прост.

— Ух ты! — воскликнул Стукер. — Да у него талант. На такое даже гоблины не способны. — Джоффри сделал мертвую петлю у них над головой, и вот он уже почти мгновенно очутился рядом с ними, оставив помело висеть в паре футов над мостовой.

— Как у тебя получилось? — спросила потрясенная Тиффани.

— Понятия не имею, — ответил Джоффри. — Наверное, талант.

«Когда он не волнуется, он прямо-таки излучает спокойствие, — отметила Тиффани, — что может означать, что он видит и понимает больше, чем другие. И он открыт ко всему новому. Да, это истинный талант».

Помахав на прощание гномам и миссис Прост, они с Джоффри вылетели в Ланкр. Джоффри решил испытать свое помело и моментально исчез в небе.

Она нагнала его на окраине Анк-Морпорка. Он нарезал круги и виражи на сумасшедшей скорости.

— Эй, ты не заметил, что твои штаны дымятся? — со смехом спросила она его.

Джоффри нервно сбил дым, из-за чего его помело принялось раскачиваться из стороны в сторону:

— Прошу, не рассказывай об этом Нянюшке Ягг. Она меня засмеет.

Но когда они вернулись, причем гораздо быстрее, чем летели в город, Тиффани перед отбытием на Мел, разумеется, все рассказала. Разумеется, вызвав хохот старой ведьмы.

— Это удивительно, — говорила Тиффани. — Он и полет словно созданы друг для друга.

— Ха! — ответила Нянюшка Ягг. — У всех в доме есть помело, но не каждый умеет им пользоваться.

Глава 12

Эльф среди фигов

Гром и молния, дождь и сыро кругом. По меловым холмам течет вода. Вышвырнутая из Страны Фей с оборванными крылышками и окровавленной спиной, Королева Фей закричала, и ее крик оборвался в луже, распугав охотившихся хорьков.

Тиффани Болит проснулась.

Под бешеный стук сердца она поежилась от внезапно повеявшего ночного холодка. Она выглянула в окно. Что же ее разбудило? Кому она понадобилась?

Она села в кровати и потянулась за одеждой...

* * *

Меловой курган фигов был как обычно полон жизни и песен. Он очень похож на улей, только без меда и фиголы ужалят наверняка хуже любой пчелы. Но когда дело доходит до праздников, а для этого у Нак Мак Фиглов всегда найдется повод, они постараются, чтобы веселье длилось подольше.

Однако вскоре после полуночи оно было прервано появлением с дождя Великучего Яна, которому выпало стоять на часах. [\[39\]](#)

Он пнул шлем Большого клана и заорал:

— Подъем! Я чую! Эльфы пришли!

В мгновение ока из каждой щели на бой с древним врагом начали вылезать сотни размахивающих мечами и топорами фигов, вопящих свои военные кличи:

— Прижмем букашек!

— Нак Мак Фигл! С нами Сила!

— Геть ты с дороги, чучело!

— Накидаем отвратцам! Порвем брюкву как грелку!

— Две глаза роскошь!

— Нет краля! Нет кроли! Нет хозяина! Нас не обманешь!

Если вам понятны значения слов «суета» и «толкотня», то фиголы довели эти термины до новой степени совершенства, весело забираясь друг

на друга, чтобы первым вступить в бой. И кажется у каждого крохотного воина был свой собственный клич и он готов был драться со всяким, кто попытается его у него отнять.

— Сколько эльфов? — поправляя напузник, спросил Роб.

Возникла пауза.

— Один, — покорно ответил Великучий Ян.

— Уверен? — уточнил Роб, обтекаемый со всех сторон рекой сыновей и братьев, устремившейся к выходу из кургана. Пылая от возбуждения все колония фигов, блистая оружием, накаченная алкоголем, храбростью и полным незнанием что делать, оказалась снаружи. У каждого фигла всегда руки чешутся подраться, хотя большинство фигов постоянно чешутся, особенно под напузником.

Выискивая врага, они высыпали на влажный холм, а Великучий Ян отвел Роба к луже. Буря миновала, и под звездами ярко блестела вода. Там, наполовину в воде барахталось потрепанное тело эльфа.

И в самом деле, эльф был один-одинешенек. Можно было почти услышать мысли фигов: «Не может быть! Всего ОДИН эльф?» Фиглы любили потасовки с эльфами, но... всего один? Что произошло?

— Уч, ты, кривенс! Сколько ден прошло с доброго бития, — вздохнул Роб и стал необычно печальным фигом.

— Агась, тока где един, там, мабуть, и толпа, — буркнул Великучий Ян.

Роб принялся. Эльф молча неподвижно лежал.

— Ни каких эльфов больше нема. Мы б их учуяли, — объявил он и принял решение: — Великучий Ян и ты, Мал-Опасен-Шип, хватайте плюгавца. Вы розумеете, че делать, ежели он буянить. А ты Ужасен Билли Подбородище, — обратился он к гонаглю, который реже других перевирал факты: — Ступай к кельде, да поведай, чо да как. И кого мы тащим в логовище. — Потом он крикнул так, чтобы его слышал весь клан: — Ентот эльф есть нашенский пленник. Мабудь, задолжник. Стал быть не смейте его вбивать, покуды не скажу, — он проигнорировал бурчание со стороны клана. — Эй, вы, остальные! Геть, охранять каменюки. И ежель они явятся, покажете им как следоваит, что могут фиглы.

— Я можу сыграти на губенной гармоньке, — тут же заявил Вулли Валенок.

Роб вздохнул:

— Айе, авось така ужасна музыка их отпугнет.

Кельда, стоявшая снаружи мелового кургана, чтобы ни один эльф не нашел в него вход, переводила взгляд с потрепанного тела эльфа на Роба.

— Всего один? — удивилась она. — Один эльф не угроза даже для молодого фигла. А этот эльф был побит и вон крылы оторваты. То не твои робяты постарались?

— Не, Дженни. Великучий Ян скажешь редиска шмякнулась, мабудь, с небес в лужу рядом с каменюками. И была подрата еще до того, как мы ее сюды приперли, — он нервно смотрел на нахмурившуюся жену: — Мы вои, Дженни, не бандюганы каки-нибудь. Парни злятся на вражину, и ежель какой эльф встренется в бою, его живо почикают мечом, но кадысь он и так похож на котлету, кака тут слава в евонном вбивсте?

— Храбра речь, Роб, — ответила кельда, рассматривая лежащего без сознания эльфа. — Но почему один? Ты уверен?

Эльф застонал и заворочался. Роб выхватил меч, но кельда мягко оттолкнула его назад. Избитый эльф снова застонал и что-то прошептал, но его голос был слаб и прерывист. Кельда наострила уши и прислушалась, потом с удивленным видом повернулась к мужу.

— Оно говорит: Гром и Молния! — сказала кельда.

Эльф снова прошептал и на этот раз и Роб услышал те же слова. Гром и Молния.

На Мелу каждый встречный знал о знаменитых овчарках Бабули Болит. Они давно пропали, но местные фермеры верили, что их духи до сих пор рыщут по холмам. Несколько лет назад юная Тиффани Болит позвала их на помощь, чтобы прогнать с Мела Королеву Фей. А теперь тут, у самого входа в курган фиглов, очутился эльф, бормочущий их имена.

— Чтой-то мне то не нравится, — сказала кельда. — Но без нашей карги я не могу решить, что то значит. Можешь ее призвати, Роб?

— Аие, Хэмиш может. Я пойду к каменюкам, к клану, — он нервно посмотрел на жену: — Стоит ли оставлять здесь енту брюкву?

— Я внесу его внутрь к огню обсушить. Оно слишком слабое, чтоб что-то сделать. Робятки помогут за ним доглядеть, — Дженни кивнула на веселую кучку юных фиглов, выглядывающих из норы, ведущей в курган, размахивающих серпообразными дубинками.

— Аие, то для них будет добра практика, — сказал Роб с гордостью, и повернулся от брошенной кем-то из сорванцов дубинки, которая едва не угодила ему в ухо.

К его удивлению, оружие избавило Роба от хлопот: оно повернуло в воздухе и вернулось к бросившему его юному фиглу, врезав ему по лбу.

— Уч, робятки, — крикнул им Роб. — Оно дает сдачи! То доброе орудие для фигла! Мабудь двойная потеха.

* * *

Тиффани только начала натягивать платье, как снаружи раздался свист, за которым последовал стук чего-то упавшего, едва не поломавшего ветки. Затем раздался стук в окно.

Она открыла и увидела pinaвшийся клубок тряпок, из-под которого появился Хэмиш-летчик.^[40]

С открытым окном в спальне внезапно стало холодно, поэтому Тиффани сказала со вздохом:

— Хорошо, Хэмиш. Говори, что тебе от меня нужно.

Хэмиш стянул очки, вскочил на ставень, оттуда на подоконник:

— Кельда прислала меня, карга холмов. Нужно пилить в курган как можны шибче.

День был трудный, но Тиффани знала, что кельда не стала бы звать напрасно. Если зовет, даже среди ночи, значит нужно. Поэтому она натянула свои самые прочные штаны для путешествий, поставила молочник на очаг и взяла помело.

Ты, белая кошка, которая, кажется, была вездесущей, вновь оказалась рядом, следя за ней.

* * *

В кургане неистово пылал разведенный в очаге огонь.

Оставшиеся охранять кельду юные фиглы хмуро бродили вокруг ненавистой пленницы. Когда Роб Вякограб вернулся, каждый старался принять вид будто он единственный оказался тем самым, что оградил редиску от создания любых неприятностей. Учитывая, что пленника втащили внутрь.

Но пленник лишь плакал.

Кельда пошевелила тело и тихо спросила:

— Итак, эльф. Для чего ты явился сюда? Почему нам не убить тя?

Это вызвало воодушевленное перешептывание среди фиглов, каждый

из которых надеялся вскоре покончить с эльфом.

Кельда повернулась и тихо продолжила:

— У меня есть секрет скрытней, и я ведаю, что всяко дело сегодня заказано тем, что ты узрел ране. И не можно возвернуться. Но пред мной туман. Я не зрю дале сего дня.

Эльф вздрогнул.

— Проглотил язык, эльф? — улыбнулась Дженни. — Я ведаю, что было б поменяйся мы местами. Твои сородичи таки... выдумщики.

Это замечание вызвало нетерпеливый перезвон оружия в руках юных фигов.

— Ты явился, призывая Гром и Молнию. Айе, я ведаю духи тех собак, а также их хозяйку. Она вскоре будет здесь. Но опреж сказывай эльф, каки ковы на тебе? Зачем ты здесь? Кто ты? Как твое имя? И не смей соврать, тому как я о том проведая, — кельда наблюдала за такой жалкой, дрожащей, ободранной и окровавленной фигурой, словно это тело много дней мучили и терзали прежде, чем вышвырнуть в ту лужу.

— Я не смею ни о чем просить, кельда. Я беспомощна перед твоим гневом и желаниями, — очень тихо ответила Королева. — До недавнего времени я была Королевой Фей.

Юные фиголы перестали поигрывать оружием и собрались толпой поблизости. Разве может эта несчастная мокрая блоха быть устрашающей Кролей, о которой так много говорили старшие? Мал Дагги Большенос наклонился и храбро ткнул эльфа пальцем. Эффект немного оказался смазан тем, что его кроличий шлем свалился на глаза, что вынудило его наклониться еще ниже, и он уперся в пленницу носом.

— А ну-ка, исчезните, мальцы, — резко прикрикнула кельда, саданув кулачком по шлему Дагги и вытолкав его от эльфа прочь. Потом она повернулась к Королеве. Сухим тоном она сказала ей:

— Кажись, ваше величие, твоя фортуна тя кинула. Акромя того, помнится, что у вас полным-полна кадушка всяких эльфийских кралев. Вот я и спрашиваю ся, которая из них здесь? Назови твое имя, мадам. Но строжись, ежели скажешь имя, ваше величие, ан не свое, то расстроишь мя шибко.

— Мое имя, кельда, — ответила эльф: — Ночная тень.

Кельда метнула косой вопросительный взгляд на Роба Всякограба, говорящий: «Кто это у нас? Правда, Кроля?», потому что знала, что у эльфов в стране фей много разных вождей, но всегда были лишь один Король и одна Королева. Что до Короля, то он давным-давно ушел, в созданный им собственный мир для себя и своего удовольствия, бросив

Королеву одну. И хотя его и редко использовали, но у Королевы было собственное имя. Имя, известное всем фиглам, жившим в стране фей. Имя, передававшееся каждой кельдой своей наследнице. Ночная тень.

В ответ кельда тихо произнесла:

— Мы Нак Мак Фиглы, и мы не кланяемся кралевам.

Роб Всякограб молчал, но звук, с которым он точил свой меч, мог быть песней, призывающей на смертный бой. Наконец он поднял голову и взгляд его был пугающим:

— Мы Нак Мак Фиглы! Мы свободный народ! Нет краля! Нет кроли! Нет хозяина! Нет господ! Нас не обманешь! — прогремел он. — Твоя жизнь, эльф, на кончике маво клинка.

За их спинами раздалось шуршание, и внутрь вползла Тиффани в сопровождении Хэммиша. За ними следом пробралось еще больше фиглов.

— Рада узреть тебя, карга холмов, — произнесла Джинни. — А у нас туточки... эльф. Скажи-ка, что нам с ним поделать? — при слове «эльф» со всех сторон раздалось бряцание оружием.

Тиффани оглядела эльфа. Создание было жалким на вид, и она ответила:

— Мы ведь не из тех людей, что убивают безоружных.

Роб Всякограб поднял руку:

— Прощения просим, госпожа, однако ж, некоторые из туташних как раз вбивают, и таковые и есть.

Слегка сконфуженная Тиффани подумала: «Что ж, я их великучая карга, а кельда просит о помощи». И тут, несмотря на потрепанный вид пленницы, она узнала кто им является. В конце концов, как она могла бы забыть ТАКОЕ?

— Я тебя знаю, эльф, и предупреждала тебя не возвращаться сюда, — сказала она, нахмурившись: — Помнишь? Тогда ты была грозной королевой эльфов, а я — маленькой девочкой. Я вышвырнула тебя прочь с помощью Грома и Молнии.

Произнося это, она следила за лицом эльфа. Оно побелело.

— Да, — едва слышно ответил эльф. — Мы совершали нападения на ваш мир, но это было задолго до времен... железа.

Лицо эльфа искажил страх, и Тиффани почувствовала произошедшие в мире перемены, чувство, когда стоишь на перепутье и твой следующий шаг очень многое решит. Вот, поняла она, то самое, что она предчувствовала, и о чем ее предупреждала Джинни. Ведьма всегда стоит на границе между светом и темнотой, добром и злом, каждый день совершая выбор, постоянно вынося суждение. Именно это делало ее человеком. Но что

делало эльфа эльфом?

— Мне доводилось слышать, эльф, что гоблины верят, будто у железной машины есть душа, — тихо произнесла она. — Ответь мне, какая душа у тебя? Бежишь ли ты по собственным эльфийским рельсам, не имея ни времени, ни места, чтобы свернуть? — она оглянулась к кельде: — Бабуля Болит говорила мне: «накорми тех, кто голоден, укрой тех, кто раздет, и помоги беспомощным». Что ж, этот эльф явился на мою землю — голодный, нагой и жалкий... ясно?

Кельда подняла одну бровь.

— Это создание эльф! Ему до тебя нет дела! И ни до кого... ему плевать даже на эльфов!

— Полагаешь, что в природе нет таких созданий как хорошие эльфы?

— А ты мыслишь, что такие есть?

— Нет, но предполагаю, что есть вероятность, что может найтись хотя бы один, — Тиффани вновь повернулась к сжавшемуся эльфу. — Ты больше не королева. У тебя есть имя?

— Ночная тень, миледи.

— Айе, — сказала кельда. — Яд. ^[41]

— Просто слово, — резко ответила Тиффани.

— Что ж, то слово, для которого жизнь была все едино, что игра, выпинали вон, а теперяча оно возвернулось к девчонке, которую давно пыталась изничтожить, — ответила кельда. — Энтот эльфа добро побили, но вот он заявился в твоё владение испрашивать вбежище. — В её глазах проскользнула искра. — И что теперь, Тиффан? Все на тебе. Только тебе решать. Энтот эльф чуть не вбил тебя ранее, и ты все ж хотишь ему сподмочь... — лицо кельды омрачилось. — Феям не можно доверяти, и мы Нак Мак Фиглы про то ведаем! Но ты девица, которая заставила Зимовика вспомнить о манерах. Не боись Крали, но по еёным пятам может придти война...

Тиффани наклонилась к жалкому, дрожащему эльфу лицом к лицу, и тихо сказала:

— В последнюю нашу встречу, Ночная тень, я была маленькой девочкой, едва способной на магию, — она наклонилась ниже. — Теперь я сильно преуспела в магии. И да, я наследница Матушки Ветровоск, чьего имени вы эльфы страшитесь. Теперь можно сказать жизнь всех эльфов зависит от тебя. Если ты меня обманешь, я верну тебя фиглам. Они очень не любят эльфов. — Кельда заметила её взгляд, и Тиффани добавила: — Такое решение, кельда, тебя устроит?

— Ну что ж, — ответила кельда. — Кто-то должен спробовать первую

вулитку.

— Верно, — сказала Тиффани, — и гоблинов когда-то считали пустым местом, пока кто-то за них не вступился. Не будем давать леди Ночной тени причин нас не любить, но если она нарушит правила, я обещаю... а вы понимаете, что обещание карги холмов действительно важная штука... что это будет конец всему.

Фиглы по-прежнему взирали на Ночную тень с нескрываемым кровожадным вождедением. Такое впечатление, решила Тиффани, что сам воздух между ними и эльфом в обоих направлениях наполнился шепотом ненависти.

— Эй, эльф, — сказал Роб, — ты ведаешь, что вашеньские теперича нас не обманут. И значитесь ради госпожи Боллит мы, значитесь, доставляем тебе жизнь. Но гляди. Карга холмов чутка нервничает кады мы кого-нить вбиваем, но кадысь не она, тебе б крышка.

Со стороны фигов раздался гомон с угрозами... Совершенно очевидно, что будь их воля от Ночной тени осталось бы только мокрое место.

Роб Всякограб со всего маху жажнул мечом об землю:

— Эй, вы, редиски! Слушайте великучую каргу. Да, да Мал Конкер и вы Мал Слогам, Мал Фунгус и Гимми-Джимми. Она включила перемир с Кролей, веря, что вы мутнецы ее не подведете.

Великучий Ян кашлянул и произнес:

— Не хочу вбивать каргу, однако ж хороший эльф, дохлый эльф.

— Я б предпочел, не слушать такие речи, братец, — произнес гоннагль Ужесен Мал Билли Подбородище. Он был образованным фигом. — Как гоннагль я скажу: оставляйте местечко, чтобы добро могло войти с миром, как сказудо в свитке Лающего Джонни.

— Энто кажьсь тот, кто балнсировал наперством на евонном носе, а апосля обрел распрекрасный голос?

— Нет, Вулли Валенок, не тот.

— А об чем спорняк? Чего тут ётить? Ежели тот эльф к кому коснется, то будет эльф-мертвяк, и сказудо конец, — заявил Мал Опасен Шип.

— Так, слушайте сюды, — сказал Роб, — энто то, чего хотит карга, тут и сказудо конец. Я кончил.

— Вот еще что, Роб Всякограб, — добавила Тиффани, — Я заберу этого эльфа с собой. Я знаю, что вы последуете за мной, но мне нужен еще один фигл или двое, чтобы охранять и следить за эльфом. Двинутый Крошка Артур? Ты служил в Страже... ты будешь первым, — она

огляделась. — Ага, и ты, Великучий Ян. Не позволяйте эльфу вас обхитрить. И я объявляю вам, что этот эльф пленник. А за пленниками принято следить. И как констебль, ты Двинутый Крошка Артур знаешь, что люди сами не падают в колодцы, если их не подтолкнут. Предлагаю тебе помнить об этом. И кстати, люди так же сами не подадут с лестниц, если их не столкнут. Пусть обойдется без всяких проделок, типа «Уф, да ладно, мы просто пустили его погуляти, а он убег и попал в лапы разъяренного хорька» или «он помер, сопротивляясь арресту пятнадцати фиглов». Не стоит совать его в улей, никаких больших птиц, которые могли унести его в пруд. Ни сильных порывов ветра, налетевших из ниоткуда и унесших его в неизвестном направлении. Никаких: «Он завалился в кроличью дыру и никто боле его не видал», — Тиффани грозно огляделась. — Я карга холмов, и я знаю, как это случается. И если такое повторится... последует расплата. Вы меня поняли?

— Ой, вайли, вайли, будет распята, — простонал Вулли Валенок, и, судя по начавшемуся шарканью ног, фиглы начали пересматривать свои планы. Великучий Ян задумчиво поковырял в носу, достал козявку, рассмотрел ее и спрятал в напузник для дальнейшего изучения.

— Что ж, рада, что мы утрясли этот вопрос, — сказала Тиффани. — Но я не потерплю, джентльмены, если на моей земле появятся доставляющие неприятности эльфы.

Глава 13

Шалости... и проказы

Эльфам нравилось доставлять неприятности. Когда эльфы приходили, то охотились исподтишка. Крохотные перемены, сперва просто небольшое недоразумение.

Так в подвале Руки Барона что-то случилось с пивом. Как бы тщательно и часто Джон Петрушка не менял и чистил краны и бочки, пиво внезапно стало пениться, бочки дали течь и тому подобное, и бармену оставалось рвать на себе волосы, которых у него оставалось не так много.

Тут кто-то в баре произнес:

— Это все снова проделки эльфов. Это все их шуточки.

— Что-то мне не смешно, — ответил Том Лужайка, а Джон Петрушка чуть не разрыдался. И, как водится в барах, тут же нашлись люди, которые присоединились к разговору об эльфах, но никто в них не верил... однако позже, оказавшись дома многие вдруг решили прибить ко входу железную подкову.

Прохожие смеялись:

— Зачем, у нас же собственная ведьма.

— Отлично, никаких обид, — отвечал Джек Спотыкун, — но в последнее время еще часто нет. Кажется, большую часть времени она проводит в Ланкре.

— Да ладно тебе, — говорил ему Джо Боллит. — Моя Тиффани каждый день выполняет мужскую работу. И что куда лучше, она выполняет женскую работу, — добавил он, на мгновение задумавшись над своими словами (тем более, что он знал, что все сказанное может мгновенно узнать его жена от миссис Петрушки).

— А как ты тогда объяснишь то, что происходит с пивом?

— Плохим управлением? — сказал Джек Спотыкун. — И не обижайся, Джон. Пиво — это сложная штука.

— Разве? Да мои трубки чисты как снег, и я мою руки каждый раз при смене бочки.

— Ну тогда что происходит?

Кто-то повторил это вновь уже уверенно, и все согласились:

— Это могут быть только эльфы, больше некому.

— Ох, перестаньте, — возразил Джо. — Моя Тиффани в мгновение

ока с ними разберется.

Но пиво все равно было кислым.

* * *

В это время в Ланкре, высоко в лесистых горах Овцепиков Мартин Закусь и Фрэнк Коряга не находили себе места. Они уже давно покинули последний городок Хот Донг и забрались очень глубоко в лес, свернув с проезжего тракта несколько часов назад. И как бы их не подстегивали пустые животы и надвигающиеся сумерки, на крутых холмах очень тяжело отыскать нужные следы. Если в ближайшее время они не сумеют отыскать лагерь лесорубов, им придется провести еще одну ночь под открытым небом. А еще прошлой ночью им приходилось слышать отдаленный вой волков. И вот теперь похолодало и начал падать снег.

— Кажется мы заблудились, Фрэнк, — нервно сказал Мартин.

Но Фрэнк тщательно вслушивался в окружающий лес и наконец услышал отдаленный рокот.

— Нам туда, — уверенно сказал он.

И верно, не позднее пяти минут они услышали чей-то разговор, а еще чуть позже повеяло ароматом ужина, что было хорошим признаком. Следом, в разрыве между деревьями они увидели лагерь. По нему бродило некоторое количество небритых здоровенных мужиков, кто-то сидел на пнях, кто-то помешивал кипящее варево на раскаленной походной плите.

Когда из-за деревьев появились парни, все повернулись к ним. Один или двое положили руки на большие удобные топоры, которые никогда не упускали из-под руки, но сразу расслабились, разглядев, что это молодые парнишки. Один престарелый лесоруб в огромном заштопанном плаще с меховым капюшоном — один из тех, с которыми вы не стали бы заговаривать первым, если только он не обратится к вам сам, вышел им на встречу.

— Чего это вы, ребята, тут забыли? Чего вам надо? — он оглядел их с головы до ног. Фрэнк был поменьше и пожилистее, но выглядел посмелее, а Мартин был более рослым, но робко жался за спиной товарища, как часто происходит с крепкими ребятами, которым нужно пообщаться с кем-то, кто будет спрашивать чуть больше, чем их имя.

— Нам нужна работа, сэр, — ответил Фрэнк. — Я Фрэнк, а это — Мартин. Мы хотели бы работать на сплаве.

Старик оценивающе их оглядел, потом протянул громадную

мозолистую руку:

— А я Слаб. Для вас господин Слаб. Значит, на сплав пришли, так? А что вы знаете о работе на сплаве?

— Не много, — ответил Фрэнк, — но мой дедуля работал на сплаве и говорил, что житуха здесь ничего. — Он сделал паузу. — Мы слышали, можно заработать хорошие деньги, — с оптимизмом добавил он.

Проблема подобных лесорубов, которым приходится работать высоко в горах — это расстояние от их лагеря до столбовой дороги. Не очень разумно тащить огромные стволы деревьев лошадью по лесу, поэтому был найден выход — сбрасывать стволы вниз с горы в горную речку, которая быстро доставит их до перевалки вниз по течению. Оттуда лес можно перевести в города на повозках.

Это была великолепная идея, и как только был организован первый сплав, как они тут же завоевали мир. Сплавщики жили в крохотных шалашах, притулившись на опасных уступах, в непосредственной близости от речных поворотов и порогов, и им требовалась сила, чтобы справляться с завалами, когда несколько тонн срубленного леса может хлынуть по течению к ним вниз. Здесь не было недостатка в молодых людях, которые были уверены, что справятся со сплавной работой, или хотя бы расскажут всем, что выполняли ее. Разумеется, некоторым, совершившим ошибку, стоя на бревне, не пришлось потом ничего рассказывать, но в каждом лагере лесорубов имелся свой Игорь, так что некоторые их части вполне имели возможность получить второй шанс. Так порой случалось встретить пожилого сплавщика, который очень давно выполняет эту работу, возможно, именно благодаря быстрым молодым рукам на пожилом теле.

— Сплав не любит молокососов, — сказал господин Слаб. — Без дураков, это работа для настоящих мужчин. Вижу, у вас есть мускулы, у обоих, но здесь важно не это. Таких мускулистых парней как вы полно. Нам нужны парни с мускулистыми башками. Никогда не предугадаешь, что этот чертов сплав выкинет за следующим поворотом. — Он нахмурился. — Вы не знаете молодого Джека Эббота? Это лесоруб, который живет под горой со своей мамашей и младшей сестрой? Всего неделю тому назад или около того почти начисто оттяпал себе ногу. Только что пошел на поправку. А все благодаря какому-то парнишке с косоглазием, которого местные ведьмы послали на помощь. Так что хорошенько подумайте, парни, готовы ли вы рискнуть. Сплав штука куда как опаснее рубки леса.

Ребята приуныли.

— А это не простой лес, а волшебный, — продолжил Слаб. — Для

волшебников, ясное дело. Вот почему мы им нужны, парни... Его нельзя возить поедом, даже когда бревно попадет на перевалку. Вам не страшно? Волшебство со многими тут творит всякие неприятные штуки. — Он указал вверх на окружавшие их заснеженные деревья. — Это не обычная сосна, а Сосна Предсказывающая. Они знают будущее. Хотя хоть убейте, не знаю как и почему. Какой прок коряге знать будущее? Скажем, она знает, когда ее срубят... но ведь ее все равно срубят. Она же не может убежать! Ха! Но если дотронуться до одной из них, и если вы ей понравитесь, то тоже сможете увидеть, что вот-вот случится. Ну как, парни, все еще интересно?

Мартин был не из болтливых, но просто ответил:

— Нам бы деньжат подзаработать, босс. Ну и жратвы, конечно.

— О, зарплаты хорошие. На нее можно купить все, что угодно и отправить сюда, — ответил господин Слаб. Он порылся в кармане своего перештопанного плаща и выудил потрепанную книжицу. — Биггервудский каталог. Мы все тут на него просто молимся. В нем можно найти все, что угодно.

Фрэнк уставился на обложку.

— Тут говорится, что можно заказать невесту, — сильно удивился он. — Доставка поездом.

— Что ж, сюда-то поезда не ходят... в этих лесах железки нет. Ближайшая ветка в Хот Донге. Но это совсем близко. Кстати, невесты — это их новинка. Почти угадали к вашему появлению, парни. Тут сказано, что можно заполучить молоденькую леди... оказывается многие симпатичные девчата ищут себе мужей. Заполучите себе такую, и на заработанные здесь деньги у нее будет и отличный домашний нужник, и без заминки любые шмотки, какие она захочет. Вот для чего нужны хорошие зарплаты. — Он помолчал и спрятал каталог обратно в карман, потом добавил: — Женская одежда такая интересная, не так ли? Всего пару дней назад я встретился тут с одним, кто сказал, что ходит в женских...

— А вы уверены, что он был в порядке? — с сомнением уточнил Мартин у господина Слаба. Он слышал разговор, что в каком-то отдаленном лагере здоровенные лесорубы вдруг решили носить женскую одежду и распевали песни про свои могучие топоры, но с трудом в это поверил. До сих пор.

Лесоруб проигнорировал его вопрос:

— Что ж, Мартин, разве ты не славный малый? — сказал он, потом повернулся к Фрэнку. — А ты парень, почему решил податься сюда?

— Что ж, господин Слаб, я собирался обручиться с одной девушкой,

но вмешался другой парень... — он смолк.

Господин Слаб вытянул вперед руку:

— Не продолжай, малец. В этих холмах полно тех, кто хотел бы уйти, куда глаза глядят. Значит, как только у тебя в кармане зазвенят денежки, тебе обязательно нужно будет взглянуть в Биггервудский каталог. Что ж, вы оба выглядите многообещающе. Тогда подписывайте бумаги, и не станем болтать попусту. Можете приступать завтра с утра, а там поглядим. Если вы не дураки, то уйдете отсюда богатыми. А если сплехуете на сплаве, что ж, я отправлю вашим родным мамашам ваши денежки, чтобы они смогли вас по-человечески схоронить.

Он плюнул на большой палец, и парни заключили с лесорубом сделку по обычаю, который довольно популярен по всему миру.

— А сейчас я расскажу вам, что случится в следующие полчаса, — с широкой улыбкой произнес господин Слаб. — Вы пойдете туда, откуда стволы попадают на сплав, посмотрите и поучитесь. И для этого мне не нужна предсказывающая сосна! — он рассмеялся и похлопал ствол ближайшего дерева.

Но едва его пальцы прикоснулись к коре, как его челюсть отвисла и капюшон упал вниз, открыв перекошенное от страха лицо.

— Парни, — с заиканием произнес он, и это само по себе было пугающим, что такой третий жизнью человек принялся так заикаться. — Убирайтесь немедленно. Живо! Спускайтесь с горы. Нам скоро предстоит нешуточная драка... всего через пять минут! А мне нужны те, кто знает, с какой стороны братья за топор, — с этими словами он развернулся и побежал с криками к остальным лесорубам.

Потрясенные Мартин с Фрэнком переглянулись, и наконец Фрэнк нерешительно протянул палец и приставил его к дереву. В его голове вспыхнула внезапная череда картин: разноцветные красивые создания в бархате и перьях, их раскрашенные краской тела падают вниз с макушек деревьев. Но в боли и смерти, которые они несут с собой, нет ничего красивого. Потом он увидел торчащий из воды меховой капюшон, обрамляющий голову господина Слаба. Того самого господина Слаба, который настолько ослаб, что потерял собственную голову.

Натыкаясь на лесорубов, парни побежали в лес, к заснеженным полянам, обещавшим спасение.

Но оказались не достаточно проворны. С внезапным свистом из гущи деревьев бурей налетели эльфы — высокие, беспощадные эльфы в перьях и бархате поверх туник, превращавших их в подобие слетевших с темных верхушек хищных птиц.

На несколько минут разразился бой лесорубов против эльфов, с поддержкой Игоря, который приговаривал:

— Поштаянно прикашайтец к шошнам. Это их бешпокоит и они жабывают какой шейчаш день. А пока не опомнелиц, жадайте им хорошенько.

Лесорубы никогда не боялись драки, и ужасный метал погубил не одного эльфа, но их появлялось все больше. Наконец они совсем запрудили лагерь, разрушая шалаши, забрасывая поленья в реку, эльфы взбирались на деревья, завывали и хохотали над лагерем. Было в них что-то неестественное... что-то что забиралось внутрь голов могучих лесорубов, заставляя их падать на колени, побросав топоры, и расплакаться, вспомнив о своих мамах, и умолять победивший волшебный народ о пощаде...

— Я же говорил вам. Убирайтесь, прыгайте в реку, парни, — закричал господин Слаб, разрубая топором подкравшегося со спины эльфа. — Река быстрее эльфов. Со мной все будет ХОРОШО.

Мартин поверил ему на слово, но Фрэнк видел будущее, и знал, что «ХОРОШО» господину Слабу не будет. Так что Мартин запрыгнул в одну корзину, Фрэнк следом во вторую, господин Слаб нажал на рычаг, и... и корзина отвалилась и полетела! Вниз по скачущему течению, вниз с горы, вокруг ужасных уступов, что ребятам пришлось налегать на нее из стороны в сторону, чтобы не разбиться вдребезги. Промокшие до нитки, со всех сторон окруженные сплавляемым лесом, им приходилось уклоняться от стрел сопровождавших их и все прибывающих в горы как полчища насекомых эльфов.

Это было дико, это было захватывающе, почти убийственно... и это единственное, что они смогли рассказать позже, потому что абсолютно убитые люди обычно ничего уже рассказать не могут.

Еще это было пугающе. Самое страшное, что случалось с каждым из ребят. Даже за ревом воды они слышали вопли лесорубов. А там, там... следом за ними по воде приплыло то, что никто не хотел рассматривать внимательно.

Их путешествие закончилось в затоне между стволов деревьев. На перевалке было полно людей, крупных, здоровых с металлом в руках, очень злых из-за испорченного леса. Пока они собрались идти наверх, оттуда были слышны смех и вопли... а потом все стихло. Эльфы ушли.

Мельник из Вонючек^[42] был человеком благочестивым. Мельница сама по себе сложно устроена, и ее колеса вращаются постоянно в разных направлениях. Его настоящим кошмаром, который, как он надеялся, никогда не случится в жизни, была поломка мельницы, когда все эти сложные колеса разъедутся в разные стороны. Но пока они вращались, вращались хорошо, и мельник был самым счастливым человеком на свете, потому что хлеб нужен всем.

Однажды ночью явились эльфы, и о! — они начали шутить с мукой, дырявили мешки, бросали в зерно насекомых и посмеивались над мельником.

Но они совершили огромную ошибку.

Мельник молился Ому, и когда он получил его ответ... или скорее то, что он принял за ответ в своей голове как раз такой, какой он хотел услышать от Ома... он передал его эльфам. Пока мельница работала, вокруг эльфов вращались колеса из железа, чудесного железа, холодного железа — как в часовом механизме.

Мельник запер на мельнице все выходы, чтобы никто не мог оттуда выбраться. Всю ночь были слышны крики, и когда его друзья спросили его как он это устроил, он просто ответил:

— Жернова в Вонючках мельт медленно, зато очень тщательно.

* * *

В Спящей Лощине старая матушка Григгз проснулась с запутанными в страшный клубок волосами в своей постели, набитой ужасно колючим чертополохом... под хохот эльфа, сидящего верхом на упавшей на колени в конец измученной от ночной скачки буренке...

* * *

Старый, горбатый зеленщик тянул свою тележку — единственное средство своего существования — на городскую площадь, напевая: «Вот огурцы, чтобы попрятались гномцы, а вот от эльфов лучок, чтобы заболел у них бо... ай!»

* * *

У подножия Овцепиков юная девица по имени Эльза щекоча цветком подбородок вдруг отпустила руку своей младшей сестры, позволив малышке уйти к реке, пока сама сидела, влюбленно уставившись в глаза отцовского осла... а неосторожный путешественник удалялся все дальше в лес, танцуя под бесконечную эльфийскую музыку, которую исполняли окружившие его эльфы, веселящиеся над его беспомощностью...

* * *

Цапель Загнанный — бог всего мелкого и мягкого, употребляемого в пищу — забрался под куст и спрятался там, пока эльфы забавлялись с семейством юных кроликов...

Глава 14

Сказка о двух королевах

Тиффани забрала Ночную тень, ставшую теперь очень мелким и несчастным существом, на отцовскую ферму, спрятав ее на время путешествия под своим плащом, а на месте помести в ее под охраной фигов на старом сеновале.

— Здесь чисто и тепло, — объяснила она, — и нет железа. Скоро я принесу тебе поесть. — Тиффани строго посмотрела на фигов — у них был предвкушающий вид. Скоро эльф останется сам по себе. Что же им с ним сделать? — Роб, Двинутый Крошка Артур, Великучий Ян, я лишь схожу за мазью для Ночной тени, чтобы помочь ей с ранами, а вам запрещается ее трогать, пока меня не будет. Ясно?

— Ой, агась, — весело ответил Роб. — Геть офски и оставь редиску нам. — Он посмотрел на эльфа. — Ежель тот эльф чо удумает, ну знашь, мы забронены. — Он покачал своим мечом, чтобы стыло ясно, что у него чешутся руки пустить его вход.

Тиффани повернулась к Ночной тени:

— Я карга этих холмов, — сказала она, — а эти фиглы слушаются моих наставлений. Но они не похожи на тебя и твой народ, поэтому я предлагаю вам, мадам, унять характер и соблюдать правила игры. Иначе будет расплата.

А потом она и в самом деле ушла. Но быстро обернулась туда и обратно, поскольку не доверяла эльфу, а фиглам еще меньше.

Когда Тиффани вернулась и намазала Ночную тень мазью, стало казаться, что с каждым движением маленький эльф расцветал сильнее, становясь все красивее. Вокруг нее начали сверкать искры, которые стали обволакивать все вокруг словно сиропом. Эльф пропел:

— Разве я не красива? Разве не умна? Я величайшая королева из всех королев!

Тиффани показалось, что ее ощущения изменились. Но она была к этому готова и подумала: «Не на ту напала, дружок». В слух она произнесла:

— Не пытайся пробовать на мне свои эльфийские штучки, мадам!

Но все равно ощущала на себе эльфийскую магию, словно медленное наступление рассвета...

Поэтому она прикрикнула:

— Не пробуй на мне свое очарование, эльф! — И добавила пастушью поговорку, которую часто повторяла Бабуля Болит: — Ян-тан-тетра, — повторяла она снова и снова, пока эти слова не помогли ей полностью очистить разум.

Сработало. Ночная тень сбавила напор, но превратилась в деревенскую девочку, пастушку. Но это была волшебная пастушка — у нее было платье, которое никогда не стала бы носить ни одна настоящая пастушка: в лентах и бантиках, из-под юбки выглядывали туфельки с чуть загнутыми носочками, а на голове красовалась симпатичная соломенная шляпка. Тиффани поняла: эльф почти точно произвел хорошо знакомый ей наряд — это была копия фарфоровой пастушки, которую она когда-то подарила своей бабушке. Как она помнила, Бабуля Болит тогда сильно рассердилась. Как смеет этот эльф делать нечто такое, да еще на ее собственной, родной земле?

— Я требую... — начала было Ночная тень, но, увидев выражение лица Тиффани, сказала: — Надеюсь...

Деревенская девочка! Тиффани с удовольствием отметила, что волшебство начало таять. Но она все равно сложила руки на груди и грозно посмотрела на эльфа:

— Я тебе помогла, но я очень занята, помогая другим людям... тем, кто жил бы куда лучше, если бы вас не было. — Она прищурила глаза. — Особенно, если бы твой народ не строил козни, портя пиво. Да-да, я знаю об этом, эльф, и еще я знаю, чего ты хочешь. Ты хочешь вернуть свое королевство, не так ли, Ночная тень?

Со стороны собравшихся фигов раздался недовольный ропот, и Великучий Ян с надеждой спросил:

— Могёт мы бы вбросили редиску тудыть взад, мисси?

— Айе, — согласился Роб, — избаввися от вреднюги.

— Что ж, Роб, — ответила Тиффани, — мне жаль говорить, но многие считают вредителями фигов.

Великучий Ян помолчал, потом медленно произнес:

— Ла-а-ды. Мабуть, знашь, мы вреднюги, но ни единой бедной малюхе фиглы не страшны. — И гордо встал во весь свой семидюймовый рост и навис над эльфом. Великучий Ян не зря так прозывался. Он был самым высоким среди фигов, с покрытым шрамами лбом, что довольно типично для людей выше среднего роста, которые считают дверные косяки своего рода вызовом себе.

Тиффани не обратила на это никакого внимания, и снова повернулась к

Ночной тени.

— Так я права? Ты хочешь вернуться в Страну Фей? Что скажешь?

На остром маленьком личике эльфа промелькнула лукавая улыбка:

— Мы похожи на пчел. Вся власть принадлежит королеве... пока она не постареет, и не найдется молодая королева, которая ее убьет и завладеет ульем. — Внезапно эльф злобно прошипел: — Цветок гороха! Он не верит, что мир изменился. Это он оторвал меня от моего народа. Но у него хватило бы сил, — на губах эльфа появилась презрительная усмешка: — чтобы испортить пиво. А когда-то мы уничтожали целые миры...

— Я могу помочь тебе справиться с нашим приятелем Цветком гороха, — медленно произнесла Тиффани: — Я помогу тебе снова стать Королевой эльфов, если ты выпроводишь всех эльфов домой и заставишь их остаться там. Но если ты и твой народ снова явитесь сюда, чтобы поработить людей, тогда, что ж, ты думаешь, что видела меня в гневе? Вот тогда ты узнаешь истинный смысл этого слова.

При этих словах все вокруг нее вспыхнуло огнем. Тиффани помнила, как раньше сражалась с Королевой эльфов. Земля под волной. Знала, откуда она появилась, и куда стремится. И ее никто не сумеет обвести вокруг пальца. Зная это, было не важно сколько людей мечтало пригласить в этот мир эльфов — она будет здесь, не смыкая глаз, на чеку.

— Если ты нарушишь свою клятву, то последнее, что ты увидишь, будут Гром и Молния, — пообещала Тиффани. — Гром и Молния в твоей голове, и умрешь, пораженная ударом грома. Таково мое обещание, эльф.

Судя по испугу на маленьком лице Ночной тени, Тиффани увидела, что понимание достигнуто.

* * *

Следующим утром она принесла эльфу немного овсянки.

Взяв тарелку, эльф поднял голову и посмотрел на Тиффани:

— Вчера ты могла меня убить... Я бы себя точно убила. Почему ты этого не сделала? Ты знаешь, что я эльф, и мы беспощадны.

— Верно. Но мы — люди, мы сострадательны. И еще знай, что я ведьма, и у меня есть работа.

— Ты очень умна, Тиффани Болит, девочка, которую я чуть не убила на холме, когда явились зубастые и злые гром и молния, — Ночная тень выглядела озадаченной. — Но кто я сейчас, как не несчастная изгнанница? У меня нет друзей, кроме тебя, одной-единственной девочки, принявшей

меня без единой на то причины.

— У меня была причина, — ответила Тиффани. — Я — ведьма, и я решила, почему бы нет. — Она присела на маслобойку: — Тебе нужно понять, эльфов считают злопамятными, бессердечными, злобными, ненадежными, эгоистичными, недостойными и нежелательными недоразумениями — и это еще слабо сказано. Я слышала о вас мнение куда хуже, особенно от тех, чьих детей вы забирали. Но ничто не вечно — наш мир, наше железо, твой трон, твоё очарование. Ты знаешь, что в Анк-Морпорке гоблины получили работу и считаются ценными членами общества?

— Что? Гоблины? Ведь вы люди ненавидите гоблинов! Они воняют! Я решила, что пленник врет!

— Что ж, быть может они и пахивают, однако давшие им работу хозяева пахнут не сильно меньше, поскольку это запах денег, — ответила Тиффани. — А гоблин, который умеет чинить локомотив, может пахнуть как ему вздумается. А что вы, эльфы, можете нам предложить? Вы просто... превратились в сказки. Опоздали на поезд. От вас остались лишь беспорядок и глупые шутки.

— Я могла бы убить тебя силой мысли, — с глупым видом ответила Ночная тень.

— Да что, ты, — ответила Тиффани, останавливая рукой фигов, каждый из которых хотел первым нанести удар. — Надеюсь, ты не попробуешь этого сделать. Потому что это будет последней каплей. — Она посмотрела на маленькое расстроенное лицо эльфа, оказался окружен непонятным ему миром. — Ох, ну не плачь. Тот, кто правил эльфами... и кто хочет ими править снова, не смеет плакать.

— Королева и не смеет, а я жалкое подобие королевы, потерявшейся в дикой стране.

— Вовсе нет. Ты на сеновале. Скажи-ка, а тебе знакомо понятие «физический труд»?

Ночная тень выглядела озадаченной:

— Нет. Что это такое?

— Это значит зарабатывать себе на жизнь трудом. Например, как ты справляешься с лопатой?

— Не знаю. А что такое лопата?

— Ох, дорогуша. Послушай-ка, ты можешь оставаться здесь, пока тебе не станет лучше, но тебе придется серьезно потрудиться. Придется попробовать.

Рядом с ней о землю грохнулся сапог. Это был один из отцовских

сапогов с дыркой на носке, и второй стремительно желал присоединиться к первому, чтобы не разделяться.

— Сам я, знаешь, терпеть не могу боты, — заявил Двинутый Крошка Артур, — но ежели ты помнишь, меня взрастили сапожники, а они говорили мне об эльфах. Вы редиски, знаешь, имеете к ентому талант.

Ночная тень с неприязнью повертела сапог в руках:

— А что это?

— Сапог, — ответила Тиффани.

— И ты його сможешь почуять понеже спины, ежели чо с ним устроишь, — проревел Великучий Ян.

Тиффани забрала у эльфа сапог и поставила его на пол.

— Ладно, обсудим позже. Благодарю за предложение, Двинутый Крошка Артур, и да, я знаю о той истории, но думаю, это всего лишь сказка.^[43]

— А я сказывал тебе, не следоват верити всему, что наплели те старые башмачники.

* * *

Это был день старых простыней, стоптанных башмаков, уборки и штопки. «О, боже!» — подумала Тиффани, которой требовалось провести малютку Тиффани, а так же проверить Бэки Пардон и Нэнси Напрямик, про которых мисс Тик высказала мнение, как о способных помощницах, если только она захочет взять себе на Мел ученицу. Но она не могла пригласить девушек, пока у нее на ферме живет Ночная тень, по крайней мере, пока она не даст на защиту каждой из них по ожерелью из железных конских подков. Это подождет...

Она весь день сновала между визитами и фермой. Последним она посетила мельника господина Голландца. Остались лишь несколько фиолетовых пятнышек на его коже, так что она оставила миссис Голландке горшочек свежего лосьона из Свадебного корня, прикусив язык, чтобы не пожелать чего-нибудь на прощание на отчетливое послание супруги пострадавшего: «Если бы ты была тут, то я бы не использовала не то растение».

Вернувшись, она обнаружила Ночную тень забившейся в угол амбара, следя беспощадными глазами за Ты, которая выгибала спину и шипела в ответ. Фиглы подзуживали кошку воплями: А-ту ее, котяра! Раздери редиску за всех Нак Мак Фиглов! — но веселье было прервано криком: —

Кривенс! Парни, карга возвернулась!

Тиффани встала в дверях и принялась притопывать ногой, заставив Роба попятиться.

— Ох, нет, — принялся причитать фигл. — Только не топотание ножкой...

Тиффани сложила на груди руки.

— Ой, ну чо за тяжкие муки быти под ковами, — застонал Роб.

Тиффани улыбнулась.

Но у Ночной тени были к ней вопросы. Она видела приходивших на ферму людей, просивших о лекарствах, о советах или просто ради того, чтобы их выслушали или осмотрели ушибы.

— Почему ты помогаешь всем этим незнакомцам? — спросила она у Тиффани. — Ты не из их клана. Ты им ничем не обязана.

— Что ж. Хотя они незнакомцы, я просто считаю их людьми, — ответила Тиффани. — Всех. Просто надо помогать людям. Именно это мы и делаем.

— Каждый человек?

— Нет, — ответила Тиффани. — К сожалению, это верно. Но большинство людей помогут другим, просто потому, что, ну, потому что они люди. Так обычно бывает. Разве эльфы этого не понимают?

— Давай представим, что я пытаюсь понять, — ответила Ночная тень.

— И что ты уже выяснила? — улыбнувшись, спросила Тиффани.

— Ты кто-кто вроде служанки, — фыркнув, и поморщив симпатичный носик, ответила Ночная тень.

— Что ж, верно. Но это не имеет значения, потому что однажды мне кто-нибудь из них понадобится, и скорее всего они мне помогут. И получается. Всегда получается.

— Но у вас же есть войны. Я это точно знаю.

— Да, но не постоянно. И мы становимся лучше, а не хуже.

— Однако, ты сильна. Ты могла бы править миром.

— Правда? И зачем мне это нужно? Я — ведьма. Мне нравится быть ведьмой, и нравятся люди. В основном на каждого плохого человека приходится один хороший. Есть поговорка: «Все возвращается на круги своя», что означает — рано или поздно ты окажешься наверху, хотя бы ненадолго. Колесо поворачивается, и вот ты уже не наверху, но тебе приходится с этим мириться.

Она попыталась заглянуть в глаза Ночной тени, видя, что эльф размышляет, но с тем же успехом можно было заглядывать в колодец. Там не было никакого выражения.

— Я помню тьму, дождь, гром и молнии, — добавила она, — и что в этом было хорошего для тебя? Для эльфа, оказавшегося в луже?

Сперва Ночная тень выглядела потерянной и очень тщательно подбирала слова в ответ:

— Твой способ... не работает с эльфами. Каждый эльф это брошенный вызов. Мы убиваем наших королев... каждая королева это соперница, и мы сражаемся за улей. — Она сделала паузу, словно ее посетила новая мысль. — Но у вас тоже есть кто-то вроде мудрых королев. Была Бабуля Болит, Матушка Ветровоск, и конечно есть ты, Тиффани Болит. Ты становишься старше, мудрость рассветает, но затем тускнеет.

— Вы никогда не процветаете, а живете в петле загнивания, — мягко сказала Тиффани. — И вы не похожи на пчел. Они трудяги, но умирают молодыми и никогда, никогда не задумываются...

На лице эльфа появилось странное выражение. Она пыталась задуматься. На самом деле. Ночная тень походила на того, кто уже начал задумываться о том, что мир изменился, что мир железа крайне неприветлив к чудесному народцу, что миру куда больше нравятся сказки об эльфах, и в них перестали верить, закрыв им путь сюда. Сейчас она все увидела вблизи, и обнаружила новый мир, о котором раньше не задумывалась, и теперь пыталась понять с помощью всего, что уже знала.

И Тиффани видела борьбу на ее лице.

* * *

А наверху, в Ланкре королева Маграат получила вести о происшествиях в Овцепиках: о нападении на лесорубов, о смертях и утраченных стволах деревьев.

«Эльфы, — размышляла она. — Мы уже встречались, но это было непросто, и прошло слишком много времени, с тех пор, как я выставила стражей... точнее Шон Ягг... вокруг каменного круга, известного в округе как Танцоры... и с тех пор, когда проверяла, достаточно ли в замке подков».

Ей было известно, как играет с людьми память, и что старые истории обладают силой. Все уже забыли, что слово «ужасающий» означает «несущий ужас». Ее подданные лишь помнят, что эльфы поют красивые песни. Но совершенно забыли, о чем эти песни.

Маграат была не только королевой, но, разумеется, еще и ведьмой. И хотя в последнее время она была больше королевой, ее ведьмина часть знала, что баланс нарушился, что Матушка Ветровоск оставила после себя

пустоту, и не важно, насколько сильно старается Тиффани Болит, чтобы ее заполнить... а так же ее симпатичный помощник... Матушке Ветровоск очень сложно подражать. Она держала границу, и держала крепко.

А если граница уже не столь крепка... Маграт поежилась. Каждый, кто встречался с эльфами знает, что «ужас» единственно верная реакция... и единственно верная, поскольку эльфы это чума, которая может быстро распространяться, уничтожать, причинять боль и отравлять все, к чему прикоснется. Поэтому ей в Ланкре не хотелось бы их видеть.

Этим вечером королева Маграт направилась к гардеробу и взяла любимое помело, села на него и очень осторожно попыталась взлететь, и, несмотря на ее ожидания, оно весьма плавно поднялось над землей и медленно взлетело над замком. Совершенно счастливая она полетала вокруг несколько минут и сказала себе: «Ведьма раз, ведьма — навсегда, что верно, то верно».

Будучи добропорядочной женой, когда ей того хотелось, она тем же вечером объяснила свои намерения своему супругу, и к ее удивлению король Веренс сказал:

— Пробовала свою старую метлу, любимая? Очень рад. Я видел, какое у тебя было лицо, когда ты пролетала мимо. Никто не посмеет держать птицу в цепях.

Маграт улыбнулась:

— Я и не чувствую себя птицей в клетке, милый, но теперь мы лишились Матушки, поэтому я чувствую, что должна помочь.

— Отлично. Мы все встревожены тем, что случилось, но я уверен, что госпожа Болит уверенно идет по стопам Матушки.

— Не совсем так, — ответила королева Маграт. — Думаю, она идет по своим собственным стопам, — она вздохнула. — Но ей на пятки наступают эльфы. И я думаю, что Тиффани сегодня вечером будет в Матушкином домике... нет в своем домике, так что я должна отправиться ее повидать и предложить свою помощь. — При упоминании эльфов ее муж поежился. — Разумеется, — твердым тоном продолжила Маграт: — еще я хочу подать хороший пример нашим детям. Юная Эсме быстро подрастает и я хотела бы, чтобы она знала как вести себя по-королевски, а не просто махать ручкой народу. Мы же не хотим, чтобы она целовала всяких лягушек, не так ли? Мы все знаем, чем все это заканчивается!^[44] — она повернулась к двери и передала мужу сверток с младенцем. — Я уверена, — любезно произнесла она, — что ты отлично самостоятельно справишься с присмотром за детьми.

Веренс неуверенно улыбнулся в ответ.

Маграт сделала на лице выражение, которое могла увидеть лишь другая ведьма. «Порой он держит их вверх ногами, — подумала она про себя. — Хотя он очень умный мужчина, но вручи ему ребенка, и он не будет знать, что с ним делать». — Она улыбнулась. Ничего, научится. Ведь когда она попросила его сменить пеленку, когда Милли была занята на кухне, он скорчил рожу, но все равно справился.

* * *

— Я пришла помочь, — твердым тоном объявила Маграт Тиффани, прислоняя помело к тому, что они мысленно обе называли Матушкиным домиком. Тиффани сама появилась меньше часа тому назад, и новости быстро достигли замка, потому что Маграт дала всем понять, что ожидает вестей. — Хоть я и королева, еще я хорошая ведьма.

Тиффани заглянула в глаза Маграт и увидела ее тоску по прежнему ведовству, желание побыть ведьмой еще раз, хоть чуть-чуть.

— У нас тут эльфы, Тиффани. Эльфы! — и Тиффани вспомнила, как Матушка Ветровоск рассказывала ей, как Маграт прежде сражалась с эльфами... даже застрелила одного, засветив ему стрелой прямо между глаз!

— У меня есть кое-какой опыт, — продолжала меж тем Маграт. — Если эльфы придут, тебе понадобится каждый, кого ты сумеешь найти. — Она остановилась, чтобы подумать. — Даже послушницы. Ты уже говорила с мисс Тик?

— Да. Она говорит, что нашла одну или двух неплохих девиц, но не каждый способен стать ведьмой, даже если очень хочет. А пока что... невозможно принять девушку в моем владении на Меле.

— Почему? А как же твоя подруга Петулия? Как там ее свиньи?

— Что ж, у нее настоящий дар, — ответила Тиффани, проигнорировав первый вопрос Маграт: — Но она помогает мужу на ферме... говорит, что большую часть своей жизни проводит среди хрюкающих существ, включая старых свинопасов. Ты должна отметить, что свино-утомление полезно всем, включая самих свиней. Ужасно слышать визг, если ее нет поблизости.

— Что ж, нам она может пригодиться, со свиньями или без них. А от ее тяжелых болотных сапог даже стрелы отскакивают, — сказала Маграт. — А что на Мелу, вы уже видели эльфов?

Тиффани покраснела, не зная, как Маграт может принять новость о Ночной тени, но, чувствуя легкий укол вины, решила, что ей хотя бы не

придется самой рассказывать Нянюшке Ягг. Так что она сперва рассказала о скисшем пиве, а потом о Ночной тени. И как она оставила эльфа на отцовской ферме под присмотром фигов. Именно это и исключало постороннюю помощь.

Маграт знала, что фиголы способны удержать эльфа от создания неприятностей, но все равно была удивлена услышанным:

— Ты уверяешь меня, что решила поверить эльфу? — она побледнела. — Ни одному эльфу нельзя верить. Они даже не знают такого слова. И ты все равно поверила. Почему?

— Нет. Я вовсе им не доверяю. Но считаю, что этот конкретный эльф хочет выжить. Ночная тень уже сама видела, что мир изменился. Ты знаешь про железо. А теперь она открыла для себя незнакомые идеи. Мы слегка продвинулись, и я считаю попытка того стоит. Быть может потом она сумеет вернуться в страну Фей и потом... настоять, чтобы остальные эльфы начали думать как она? И оставили нас в покое. — Она помолчала. — Кельда фигов меня предупредила, Маграт. Она говорила мне, что Матушка оставит... дыру. Что мы должны быть очень осторожны. И вот эльфы! Это должно было случиться. Так что если этот эльф сумеет помочь, что ж, я попытаюсь...

— Хмм. Но если явятся остальные, Тиффани, то тебе понадобится помощь. — Маграт задумалась. — Помнится у барона Мела есть супруга, которая была ведьмой...

— Верно. Летиция. Но она совсем не обучена, а ее муж слегка... как бы это сказать? Сноб?

— Дорогуша, если хочешь, я слетаю к ним попить чайку, — предложила Маграт. — И намекну, как бы невзначай, что быть ведьмой в широком смысле слова, это хорошая идея. Мой Веренс, знаешь ли, любит считать себя народным королем, и на самом деле я уверена, что он считает мою работу ведьмой великолепным образцом для населения. Он время от времени это твердит, но я все равно его люблю. Так что дружба этой Летиции с королевой может остановить влияние ее супруга.

— Я поражена, — сказала Тиффани. — Так просто?

— Доверься мне, — ответила королева Маграт. — Короны порой имеют значение.

* * *

Возвращаясь на Мел Тиффани чувствовала себя немного счастливее.

Маграт станет полезным союзником, и возможно Летиция сумеет тоже оказать помощь. И все равно у них острая нехватка ведьм, так что придется напрячься, но добыть еще. Seriously напрячься. Это значит вызвать всех ведьм и даже послушниц, по крайней мере тех, кто сумеет справиться с обольщением эльфов.

Эльфы! Мерзость ради самой мерзости. Как ей говорила Бабуля Болит, они украдут костыли даже у безного. Мерзкие, неприятные, тупые, назойливые... приносящие проблемы и раздор из одного удовольствия. И даже хуже. Они приносят настоящий ужас, страх и боль... И при этом смеются, что само по себе плохо, так как они обладают музыкальным смехом. Остается лишь удивляться, почему такая музыкальность досталась таким по-настоящему неприятным существам. Им ни до кого нет дела, кроме них самих, а возможно и того меньше.

Но Ночная тень... быть может есть один эльф для которого колесо повернулось. Особенно железное колесо.

Глава 15

Бог из кургана

Темной-темной ночью, где-то на Мелу, колесо в прямом смысле попало в старую колею... и трое эльфов в лесном мраке отплясывали свой древний танец. Этот мир был создан чтобы ублажать их прихоти, развлекать и веселить. Населяющие его создания являлись всего лишь игрушками, которые умеют пищать, бегать и визжать под эльфийские песни и смех.

Вдруг они заметили крохотный домик со слегка перекошенными оконцами. Изнутри было слышно как, наполнив животики материнским молоком, гугыкают во сне весело спеленованные по рукам и ногам младенцы.

Эльфы весело переглянулись и облизнулись в предвкушении. Младенцы!

С хищными взглядами охотников они прижались лицами к стеклу.

Потом в щель протиснулась рука и пощекотала одного из младенцев за подбородок. Девочка проснулась и счастливо уставилась на склонившееся над ней прекрасное создание, распространявшее по темной комнате свое яркое очарование. Ее крохотные пальчики потянулись к красивым перьям...

* * *

Когда Тиффани направилась спать, ее счастье продлилось не дольше мига и в ее голове раздалось внезапное позвякивание, и тут же ее внутренний взгляд увидел малышку Тиффани Робинсон — ту самую, на ком она использовала следящее заклинание, и на которую за неделю у нее не нашлось времени.

Но тревога случилась не просто из-за родительского пренебрежения со стороны родителей малышки Тиффани.

Ее забрали эльфы!

Метла Тиффани летела недостаточно быстро. Когда она выследила забавляющихся с ребенком эльфов, то, что творилось у нее внутри нельзя было назвать гневом. Это было нечто хуже, и едва Тиффани соскочила на землю, она позволила этому чувству вспыхнуть и... отпустила его на волю.

Эльфы было рассмеялись, но она подошла к ним и смотрела, как они горят. Тиффани трясло от столь сильной ярости, что она угрожала поглотить ее целиком. Если бы этой ночью ей повстречались другие эльфы, трупов бы прибавилось.

В ужасе от свершенного Тиффани пришлось взять себя в руки. «Только перешедшая на темную сторону ведьма решится на убийство», — мысленно накричала она на себя.

И тут же другой голос возразил: «Но это же просто эльфы. И они охотятся за детьми».

Первый голос исподтишка добавил: «Ночная тень тоже просто эльф...»

Если ведьма начинает думать о ком угодно «это же просто...», то это будет первым шагом по хорошо протоптанной дорожке к, гм, отравленным яблочкам, веретенам и узкой печке... а также к боли, страху, ужасу и тьме.

Но все уже случилось. А так как ведьма должна быть практичной, Тиффани укутала малышку в свой платок и медленно полетела к домику Робинсонов... на самом деле этой хижине лучше подходило название «лачуга». На ее стук дверь открыл молодой господин Робинсон. Он выглядел удивленным, еще сильнее он удивился, когда Тиффани передала ему на руки укутанную в шаль его собственную дочь.

Она вошла следом и встала напротив его жены, размышляя: «Да, они молоды, это верно. Но это не повод вести себя глупо. Оставить окно открытым в это время года? Ведь всем известно об эльфах...»

«Не ходи, — говорила мне мать, -
в лесок с эльфами играть...»

— Что ж, — произнесла Милли. — Я проверила мальчиков. С ними все в порядке. — Когда Тиффани протянула ей ребенка, она покраснела, и Тиффани это заметила.

— Знаешь, что я тебе скажу, Милли. У твоей дочки великое будущее. Я ведьма, так что знаю наверняка. Раз ты доверила мне дать ей имя, я позабочусь о том, чтобы у нее было все, что ей нужно... и кстати, я говорю о твоей дочери. В какой-то степени она и моя тоже. Твои мальчуганы сами о себе позаботятся. И еще — не оставляй окна на ночь открытыми! Всегда кто-нибудь следит. И ты это знаешь! Береги ее.

Последнюю часть Тиффани почти выкрикнула. Эта семья нуждалась в частых подзатыльниках, и она об этом позаботится. Да-да. А если они будут пренебрегать своими обязанностями, то, ух! — будут последствия.

Возможно не очень серьезные, только чтобы добавить им понимания.

А сейчас ей следует поговорить с другой ведьмой.

Забирая из спальни теплый плащ, Тиффани заметила на полке сияние короны пастуха, и, повинувшись внезапному порыву, сунула ее в карман. Ощупывая выступающие гребни, она сжала странный предмет в руке, чувствуя твердость кремня и прилив сил, и ее сердце напомнило ей кто она. «Мне нужно носить с собой кусочек Мела, — поняла Тиффани: — Моя земля придает мне сил, дает поддержку. Она напоминает мне, кто я. Я не убийца. Я — Тиффани Боллит, ведьма Мела. И мне нужна моя земля».

Рассекая холодный воздух под взглядами сов она по ночному небу долетела до Ланрка.

К домику Нянюшки Ягг она подлетела уже на рассвете. Нянюшка уже проснулась, а может еще не ложилась, поскольку провела ночь у смертного одра. Открыв дверь и увидев лицо Тиффани, она слегка побледнела.

— Эльфы? — мрачно поинтересовалась она. — Маграт мне уже рассказала. У вас на Мелу беспорядки?

Тиффани кивнула. Все спокойствие как рукой сняло, и вместо слов потекли слезы. И она рассказала о происшествии на кухне Нянюшки Ягг за такой необходимой чашкой чая.

Наконец, она добралась до момента, про который было трудно рассказывать. Все что она сумела, это сказать:

— Эльфы. С малюткой Тиффани. Они собирались... — она слегка всхлипнула, но потом, взглянув в отчаянии на Нянюшку Ягг, добавила, заревев: — Я убила трех.

— Хорошо, — сказала та. — Молодец. И не мучай себя, Тифф. Раз они хотели навредить малютке, то что тебе оставалось делать? Тебе же... это не понравилось? — осторожно поинтересовалась она, прищурив глаза.

— Разумеется нет! — выпалила Тиффани. — Но Нянюшка... я просто... сделала это почти не раздумывая.

— Что ж. Если эльфы не перестанут, возможно скоро тебе придется сделать это снова, — оживленно ответила Нянюшка. — Мы ведьмы, Тиффани. Сила дана нам не с проста. Но мы должны следить, чтобы у всего была причина. Если к нам являются эльфы и вредят детишкам, то, поверь мне, это веская причина. — Она помолчала. — Если люди совершают дурные поступки, то нечего удивляться, что с ними случаются дурные вещи. И знаешь, многие это понимают. Помню, Эсме как-то мне сказала, что наведывалась в какую-то деревушку... в Шпаклевку, Циклевку или что-то вроде того... там они пытались вздернуть кого-то за убийство двоих детишек, и она говорила, что он знал, что заслужил это. Очевидно он

сказал, что сделал это по наущению алкоголя и закончил петлей. — Она осторожно села, позволив Грибо запрыгнуть на свое пухлое колено. — Такова правда жизни, Тифф. Жизнь и смерть. И тебе это известно. — Она почесала драчуна. Кто-нибудь с плохим зрением мог бы назвать это «ушами». — Но с ребенком все в порядке?

— Да. Я вернула ее родителям. Только вот они... не способны... не могут... нормально за ней присматривать.

— Некоторые просто не в состоянии разглядеть правду, даже когда ткнешь в нее пальцем. Основная проблема с эльфами в том, что они возвращаются. — Нянюшка тяжело вздохнула. — Люди, Тифф, рассказывают о них сказки. И придают им забавный оттенок... словно обаяние не улетучивается после их исчезновения и оседает в людских головах, нашептывая, что эльфы не создают проблем. Всего лишь небольшой беспорядок. — Нянюшка поглубже устроилась в кресле, смахнув какой-то семейный пусячок со стоящего рядом столика. — Фиглы, — сказала она, — вот что такое небольшой беспорядок. А эльфы... эльфы другие. Помнишь, Тифф, как Лукавец проникал в людские умы? Как он заставлял людей совершать разные... отвратительные поступки?

Тиффани кивнула. Пока ее взгляд был прикован к безделушке на полу, мозг прокручивал ужасные картины. Это был подарок от одной из невесток, сувенир из Шеботана, а Нянюшка даже не заметила, что смахнула его на пол. Нянюшка! Которая хранит каждую безделушку, подаренную родственниками. И которая всегда замечает, если что-то сломалось.

— Не важно, что эльфы могут, Тифф, — продолжила Нянюшка, — Ничто на свете им не нравится больше, чем видеть страдания и ужас, и ничто не веселит их сильнее. В добавок им нравится воровать младенцев. Остановив их, ты поступила верно. И они скоро вернутся.

— Что ж, им снова придется умереть, — спокойно ответила Тиффани.

— Если ты окажешься рядом... — осторожно произнесла Нянюшка.

— Что еще мне остается? — мрачно ответила Тиффани. — Мы не можем быть повсюду.

— Что ж, — сказала Нянюшка. — Мы уже сражались с ними прежде. Не спорю, это было сложно, но мы справимся. А этот твой эльф не может помочь?

— Ночная тень? Судя по всему, сейчас они не станут ее слушать. Они изгнанница.

Нянюшка что-то несколько мгновений обдумывала, а потом, видимо, пришла к какому-то решению:

— Есть кое-кто, к кому они могут прислушаться... или во всяком случае, кого они привыкли слушать. Вот бы его заинтересовать. — И она оценивающе посмотрела на Тиффани. — Он не любит, когда его отвлекают. Правда я один раз навещала его раньше. С одним приятелем, — ее глаза подернулись дымкой воспоминаний:^[45] — и, полагаю, с Эсми он тоже перекинулся парой слов. В общем, он любит женщин. И симпатичные молодые особы вроде тебя могут как раз быть в его вкусе.

Тиффани оцетинилась:

— Нянюшка, неужели ты предлагаешь мне...

— Боги! Нет! Ничего подобного. Просто будь немного... настойчивее. Ты ведь умеешь настаивать на своем, не так ли, Тифф?

— Я могу быть настойчивой, — с некоторым облегчением ответила Тиффани. — А кого ты имеешь в виду?

* * *

О Великане Тиффани была наслышана, в основном от самой Нянюшки: этот курган был входом в жилище Короля эльфов. Когда эльфы озорничали в прошлый раз, Нянюшка входила внутрь и встречалась с Королем.

Ученые сказали бы, что Король живет в кургане с незапамятных времен, когда люди еще не носили штанов, а богов было не так много, поэтому Король в каком-то смысле тоже был божеством... богом жизни и смерти, и еще по мнению Тиффани, богом грязи и лохмотьев. Кстати, мужчины иногда отправлялись сплясать на кургане, нацепив на голову рога и — обычно — с бутылкой крепкого напитка. Неудивительно, что им трудно уговорить молоденьких женщин отправиться туда вместе с ними.

На склоне кургана было три очень приметных холма, которые не могла пропустить ни одна пасущая овец или коров деревенская девушка, а у впервые пролетающих над ними молоденьких ведьмочек, они неизменно вызывали хихиканье.

Продираясь сквозь колючки и поросль деревьев, попутно вырвав из их цепких объятий свою ведьмовскую шляпу, Тиффани направилась по заросшей травой тропинке к похожему на пещеру входу. Ей до странного не хотелось спускаться по каменным ступеням под перемычку над входом, на которой была нацарапана фигура с рогами, и догадывалась, что увидит, отодвинув загораживающий вход камень.

«Я не могу встретиться с ним сама по себе. Мне нужен кто-то, кто

сможет рассказать людям, от чего я погибла».

Тут чей-то голос произнес: «Кривенс!»

— Роб Всякограб?

— Ой, агась. Мы всюду следковали за тобой. Ты ж карга холмов, а мал-великуч пацан здоровяк средь холмов.

И все же.

— Пожалуйста, Роб, подождите у входа. Я должна сделать это сама, — произнесла она, внезапно поняв, что так будет правильно. Это она убила тех эльфов, и ей держать перед Королем ответ: — То карговские дела.

— А мы знаем короля, — ответил Роб. — Ежель б мы не сжились здесь, то начистили редиске физию прям в евонном мире.

— Ага, — добавил Мал Опасен Шип, — Наплевать, что здворовуц, поглядим, как энтому отвратцу пондравится полна рожа фиглов. — И он для проверки боднул один из загораживающих вход камней, отскочив от него со смачным чпоком.

— Этого я и опасуюсь, — вздохнула Тиффани. — В смысле боюсь. Мне нужно попросить у Короля помощи, а не злить его. И насколько мне известно, у фиглов вышла с ним целая история...

— Агась, да, энто про нас, — гордо ответил Роб. — Мы — история.

— Ни короля, ни кроли, ни лорда! Нас не обманешь! — проревели все фиглы хором.

— Ни фиглов, — твердо добавила Тиффани. На нее внезапно нашло озарение. — Роб Всякограб, ты нужен мне именно здесь. Мне нужно обсудить с Королем карговские дела так, чтобы нам никто не мешал. — Она помолчала. — В том числе эльфы. Поэтому чтобы никто не начал искать Короля, я хочу, чтобы вы — ты, Роб Всякограб, Мал Опасен Шип и все остальные их остановили. Мне нужно, чтобы вы это сделали для меня. Это очень важно. Ясно?

Послышалось недовольное бурчание, но Роб просиял лицом:

— Стал быть, мы можем задать энтим редискам крепкую сбучку?

— Да, — устало согласилась Тиффани.

Это встретило бурный восторг:

— Нак Мак Фигл! Две глаза роскошь!

Тиффани ушла в вонючую темноту, сжимая в руке позаимствованный ломик и подкову, оставив фиглов припираться о том, кому какую часть Великана охранять. Мал Опасен Шип для разогрева перед ожидаемым боем бодал лбом камни у входа в пещеру. Одну руку она опустила в карман и нащупала корону пастуха, олицетворение ее земли. «Поглядим, настоящая ли я карга этих холмов», — и взялась за преграждавший вход

огромный камень.

Потрескивая, камень медленно поднимался все выше и выше, ломика не потребовалось. За ни открылись ведущие вниз ступени. Проход вел по спирали вглубь кургана.

В проход между мирами.

В мир Короля, в мир наслаждений, в котором он пребывал вне времени и пространства. Было душно, хотя огня не было... словно жар шел прямо от земли.

А еще здесь воняло. Это был мускусный запах немытого потного тела, ног и нестиранной одежды. И повсюду валялись бутылки, а в конце зала кряхтя и постанывая от напряжения боролись обнаженные мужчины. Их тела блестели, словно смазанные салом. Ни одной женщины видно не было. Это было место, где мужчины разрешали себе делать все, что угодно без лиц другого пола. Но увидев Тиффани, они прекратили бороться и прикрыли руками свои причиндалы... как сказала бы Нянюшка Ягг, и Тиффани подумала: «Ха! Испугались? Да, я девица, а еще я карга».

Тут она увидела Короля всех эльфов. Он был в точности таким, как рассказала Нянюшка Ягг — по-прежнему вонючим, но по-своему исключительно привлекательным. Она перевела взгляд на его рога, стараясь не смотреть на мясо с двойным гарниром — которые были огромны.

Король вздохнул, вытянул ноги, стукнув копытами о стену. От него потянулся и начал обвиваться вокруг Тиффани животный запах, напоминающий вонь барсука на солнце. пеке.

— Молодая женщина, — лениво протянул он с намеком на заигрывание в голосе, на порок и удовольствие, о которых вы до сих пор и не подозревали: — Вы явились в мой мир. Ведьма, не так ли?

— Совершенно верно. И я пришла сюда просить Короля эльфов вести себя достойно короля.

Он подвинулся, и Тиффани пришлось взять себя в руки, чтобы не вспотеть, когда запах усилился. Он расхохотался, заставив ее подумать: «Я знаю, кто ты и что ты, и полагаю ты нравишься Нянюшке Ягг...»

— Так кто вы? Судя по одежде ведьма, но ведьмы обычно старые и морщинистые. Вы же, девушка...

«Порой, — подумала Тиффани, — я бываю сыта досыта своей молодостью.^[46] Он заметил мою молодость, но мне нужно его уважение».

— Быть может я и молода, милорд, — твердо ответила Тиффани. — Но, как вы заметили, я ка... ведьма. И я должна рассказать, что убила троих ваших подданных.

«Вот так-то!», — подумала она, но Король лишь рассмеялся.

— Вы меня заинтересовали, милочка, — томно потянулся Король. — Я совершенно безвреден, — лениво добавил он. — Я просто сплю, а мои подданные, батюшки мои, что поделать? Приходится позволить им развлекаться как я позволяю себе.

— Но нам их развлечения не нравятся. Не в моем мире.

— Вашем? — усмехнулся Король. — О, у вас есть гордость, милочка. Не хотите ли стать одной из моих дам? Королеве нужна гордость...

— Ваша королева Ночная тень, — твердо заявила Тиффани, почувствовав дрожь в ногах в ответ на предложение Короля. «Остаться? С ним?» — вскрикнул ее внутренний голос. Она крепче сжала корону в руке. — «Я — Тиффани Болит из Мела и моя душа — кремень», — напомнила она себе.

— Ночная тень моя... гостя, — сказала она. — Может вы не знали, милорд, но вашу королеву изгнал из страны Фей лорд Цветок Гороха.

Лицо Короля разрезала ленивая улыбка.

— Ночная тень... Что ж, надеюсь вам нравится ее общество. — Он раздвинул ноги и наклонился вперед, заставив Тиффани крикнуть. — А сейчас вы начали меня утомлять, милочка. Что вам нужно от меня лично?

— Приведите своих эльфов в чувство, — ответила Тиффани. — Или будет расплата. — На последнем слове ее голос едва не дрогнул, но это нужно было сказать.

Последовал глубокий вздох, и Король, зевнув, снова откинулся на лежанку:

— Явились в мое убежище и смеете мне угрожать? — ласково произнес он. — Скажите, милочка, что мне за дело до резвящихся в вашем мире эльфов? Или до леди Ночной тени? У нас разные миры. Они всегда разные.

— Что ж, мой — не место для эльфов, — ответила Тиффани. — Он никогда не был вашим. Вы лишь присосались к нему, чтобы паразитировать на нем, Но я должна напомнить: настали дни железа... и не только подков, а железа со сталью, сваренных вместе в длинные железные полосы, покрывшие всю землю. Это называется железной дорогой, милорд, и она протянулась через весь Диск. Люди стали интересоваться механикой, а старые-добрые «бабушкины сказки» уже никому не страшны. Люди просто смеются над волшебным народцем, и под их смех вы окончательно исчезните. Как видите, вы никому больше не нужны. У них есть телеграф, железная дорога и весь новый мир. А у вас — и вам подобным — нет будущего, разве что в «сказках». — Последнее слово она произнесла с

презрением.

— В сказках? — улыбнулся Король. — Это же прямой путь в умы вашего народа, милочка. Я могу подождать... сказки выживут даже тогда, когда исчезнет эта самая «железная дорога», о которой вы тут рассказываете.

— И все же, мы больше не станем спокойно смотреть, как эльфы похищают младенцев для своих забав. Всех, кто посмеет это сделать я и мои коллеги будем сжигать. Это предупреждение, которое, я надеюсь на это, будет по-дружески услышано, однако, в противном случае, мы перейдем к делам. Вы живете в век железных дорог, так что оставьте нас в покое.

Король снова вздохнул:

— Все может быть... все может быть, — произнес он. — Наверное открывать новые миры будет куда веселее. Однако, должен вам сказать, сам я не намерен появляться в вашем мире в век железа. В конце концов, в моем распоряжении целая вечность...

— А те эльфы, что уже явились к нам?

— Ой, да убивайте их сколько хотите! — с улыбкой ответил Король. — Я просижу тут до конца времен, и не думаю, что мы там с вами увидимся. Но мне всегда нравились женщины, так что отвечу так: раз эльфы настолько тупы, то они заслужили и моего осуждения, и вашего гнева. Моя дорогая мисс Болит... Ах, да! Я знаю, кто вы... вы притягиваете к себе добрые намерения, как мать собственных детей. Как же мне позволить вам уйти? Я как раз искал, чем бы... развлечься. — Он вздохнул. — Порой так хочется чего-то новенького, что-то изменить или сменить интересы. И, кстати, вы как раз могли бы показаться мне интересны. Думаете, я могу позволить вам покинуть мой дом? — И его глаза с длинными ресницами обласкали ее.

Тиффани сглотнула ком в горле:

— Непременно, ваше величество. Вы меня отпустите.

— Уверены?

— Да, — Тиффани снова сжала в ладони корону пастуха, почувствовав, как кремень в ее сердцевине придает ей сил и тянет обратно на родину, к земле под волной. Она медленно сделала шаг назад.

И едва не опрокинулась на спину, оступившись на чем-то валяющемся на полу.

Король тоже перевел свой взгляд на этот предмет. Это оказалась белая кошка, и в голосе Короля Тиффани впервые услышала удивление: «Это — Ты?!»

И тут же все закружилось и Тиффани с кошкой очутились снаружи рядом с поджидавшими фиглами, которые охраняли вход и, воспользовавшись удачным моментом, что эльфов нет поблизости, дрались по двое и по трое — кто друг с другом, а кто и с деревьями, ведь эти деревья настоящие «брюквы»: растопырили свои ветки так, что те цеплялись за бороды и волосы фигов. Они заслужили добрую трепку.

— Мда, не думаю, что из этого что-то получится, — выйдя из туннеля, Тиффани сказала Робу.

— Лады, — ответил Роб Всякограб. — Тады почапали до хаты. У тя всегда про запас состанутся фиглы — мы запасливые.

— Запасливые, коли запаслися выпивкой! — добавил Мал Опасен Шип.

— А вот сейчас, Роб, — твердо сказала Тиффани, — никому из вас пить не стоит. Нам нужен план. — Она на секунду задумалась: — Король нам не помощник... пока. Он, однако, думает, чем бы развлечься. Если мы сумеем предложить ему что-нибудь эдакое, то может он будет к нам более расположен и оставит нас в покое? — «И позволит нам перебить всех эльфов» — подумала она про себя. Он сказал, что ему все равно. Но вдруг он передумает?

— Да нема проблем, — гордо ответил Роб, уверенный в собственных способностях разыскать ПЛН. — Гришь, энтому королю ему надуть надыбать чем ему заняться?

— Как мужчинам Ланкра! — вдруг осенило Тиффани. — Роб, ты знаешь, что Джоффри надоумил и строить сараи... А ты сам однажды построил целый бар. Насколько сложно построить сарай?

— Да ваще но проблемо, верняк, парни? — ответил счастливый Роб. У него есть ПЛН! — А-ну, гетьски! — Он перевел взгляд на Ты. — Как это киска повсюду за тобой поспекает?

— Не знаю. Но она кошка. Они ходят сами по себе. Кроме того, это кошка Матушки Ветровоск, а это многое объясняет.

Но Роб уже не слушал. Он думал о своем ПЛН. На следующий день у входа в Великана появился сарайчик, в котором был полный джентельменский набор — все, что нужно мужчине для счастья — включая разнообразные удочки и любые инструменты, о которых только можно подумать — все из дерева и камня. Тиффани подумала, что это может осчастливить Короля эльфов, но вот стоит ли ждать от него помощи...

Лорд Цветок Гороха лежал, развалившись на бархатной подушке, лениво перебирая перья на своем воротнике и потягивая дорогое вино из кубка.

Лорд Длинноног как раз вошел в зал и поклонился новопровозглашенному королю. Вокруг его шеи был обвит ярко-красный пушистый шарф — на память об недавнем рейде.

— Милорд, — шелковым голосом проговорил он вкрадчиво: — Думаю, скоро нашим воинам захочется... еще развлечься в человеческом мире. Похоже преграда ослабла, и наши разведчики, проскользнувшие туда не встретили сопротивления.

Цветок Гороха улыбнулся. Он знал, что его эльфы проверяли врата, шныряя кто сквозь красные каменные глыбы в Ланкре, а кто развлекался рядом с Мелом, опасаясь только рыжеволосых человечков, которые очень любили задирать эльфов. В одном эльфы были похожи на фигов — если рядом никого не было, то они могли подраться друг с другом. И дразни друг с другом в Стране Фей были обычным делом, не чета даже кошкам.^[47]

И эльфы могут обидеться. Им нравится обижаться, а дуться — лучше развлечение. Но всюду, где бы они не появлялись, они возбуждали неприятности, наносили вред, ломали все, до чего могли дотянуться из страсти к разрушению. Воровали овец, коров и даже зазевавшихся собак. Буквально вчера Горчичное зерно украл барана из отары и выпустил его в небольшой лавке с фарфором, веселясь при виде того, как животное — о, да! — билось о полки рогами.

Но все это полная ерунда. Им нужно показать, на что они действительно способны. Наверное, решил Цветок Гороха, пора вести эльфов в набег, который станут воспевать в веках.

Его узкое заостренное лицо разрезала улыбка, и он взмахнул рукой, меняя свою тунику на боевой наряд из кожи и перьев с заткнутым за пояс стрелометом.

— Этот мир падет пред нашим очарованием, — рассмеялся он: — Ступайте, мои поданные! Творите безобразия! А когда во всей силе наступит полнолуние, мы выступим с основными войсками. И весь мир снова станет нашим!

* * *

Тиффани смотрела, как Ночная Тень спит в отцовском амбаре. Вчера

она составила новое лекарство из хорошей дозы возвратной травки,^[48] которая позволила эльфу крепко выспаться в течение целого дня, восстанавливая силы.

И, кстати, предоставила Тиффани возможность сделать обход, не волнуясь о том, что могут натворить фиглы в ее отсутствие. А если повторить, то она даже сможет слетать в Ланкр проведать Джоффри. Тиффани знала, что фиглы не нападут на спящего эльфа, а на бодрствующего? Если Ночная Тень даже косо посмотрит, инстинкт может возобладать над фиглами. И, разумеется, эльфу тоже нельзя было доверять...

— Пора прогуляться, — объявила она эльфу, когда Ночная Тень потянулась и стала оглядываться по сторонам. — Кажется, пора тебе познакомиться с некоторыми людьми. — Как еще ей научить Ночную Тень тому, как работает мир, если та все время торчит в амбаре среди готовых взорваться от возмущения фиглов?

Поэтому она взяла Ночную Тень с собой в деревню и провела мимо бара, где сидели мрачные мужики, уставившись в пиво, вылавливая из него случайные щепки от бочки, мимо торговых лавочек, осторожно обходя осколки, валяющиеся у входа в лавку миссис Падалки с «Тарелками на всякий вкус!» Тиффани попросила отца распространить слух, что она обучает новую девушку готовить лекарства, так что никому не пришло в голову приглядываться, хотя Тиффани не сомневалась, что ни одна деталь не прошла незамеченной. Именно поэтому она настояла на том, чтобы Ночная Тень ничем не украшала свое простое деревенское платье — ни бантиков, ни ленточек, ни пряжек — и к ним совершенно обычная пара разношенных башмаков.

— Я наблюдала за людьми, — произнесла Ночная тень, когда они шли обратной дорогой, — но не смогла понять. Например, одна женщина подала старому нищему горсть монет. Он ничего для нее не сделал, так почему она так поступила? Чем это ей поможет? Не понимаю.

— Просто мы так поступаем, — ответила Тиффани. — Волшебники называют это сочувствием. Это значит, что мы ставим себя на место другого человека и смотрим на мир его глазами. Думаю, так происходит потому, что повелось с древних времен, когда люди были вынуждены каждый день сражаться за собственную жизнь и им было нужно найти тех, кто станет сражаться за них, а те, кто живет вместе — процветают. Людям нужно общество — вот и все.

— Хорошо, но какая польза той женщине от отданных денег?

— Ну, должно быть она почувствовала то, что мы называем «жаром

души» помочь кому-нибудь нуждающемуся. И она рада, что сама не оказалась в подобных обстоятельствах. Можно сказать, что она знает, каков мир с его точки зрения, и — что еще сказать? — уходит с надеждой.

— Но тот бродяга был вполне способен что-то делать, чтобы самостоятельно заработать денег, а она все равно их дала, — Ночная тень решительно не могла понять человеческую концепцию денег. Эльфы могли с легкостью извлечь их из воздуха.^[49]

— Что ж, верно. Такого рода вещи случаются, но не каждый день, и женщина все равно чувствует, что поступила правильно. Быть может он и немного жулик, но она говорит себе, что он хороший человек.

— Еще я видела в вашей стране короля — его звали Веренс — и он никогда не говорил своим подданным, что им следует делать, — продолжила Ночная тень

— Зато у него есть жена, которая говорит ему, как следует поступать, — рассмеялась Тиффани. — Так уж устроены люди. Даже короли с королевами и бароны. Наши правители правят с разрешения, что значит, что они нас устраивают в качестве правителей, пока они делают то, что нас устраивает. В прошлом случалось много войн, но потом все догадались, что лучше мирно работать друг с другом. Потому что в одиночку трудно выжить. Чтобы оставаться людьми, нам определенно нужно общество подобных нам.

— А еще я заметила, что ты совсем не пользуешься магией, — добавила Ночная тень. — Хотя, ты — ведьма. И сильная.

— Мы, ведьмы, давно поняли, что силу лучше оставить дома. Магия — вещь коварная, она способна подвести в неподходящий момент и все испортить. А окружив себя другими людьми ты приобретаешь то, что мы называем «друзья» — тех, кому нравишься ты, и кто нравится тебе.

— Друзья, — Ночная тень попробовала звучание слова на языке и задумалась: — Скажи, я твой друг?

— Могла бы им стать, — ответила Тиффани. Она проводила взглядом прохожих, и добавила: — Слушай, не хочешь попробовать? Вот старушка тащит в гору тяжелое ведро. Подойди и помоги ей. Посмотрим, что из этого выйдет.

Эльф испугался.

— А что мне ей сказать?

— Скажи так: «Не позвольте мне вам помочь?»

Ночная тень проглотила возникший от страха комок в горле, но послушалась и заговорила со старушкой, и Тиффани услышала, как та ответила: «Спасибо, девочка. Пусть тебе воздастся за твою доброту».

К удивлению Тиффани, Ночная тень не просто внесла ведро в горку, но и протащила его добрую часть пути, спросив по дороге: «Как вы поживаете?»

«Потихоньку, — вздохнула старушка. — Муж давно умер, но я еще справляюсь с иголкой, так и живу. Мне не нужны чужие подачки. Я со всем справляюсь сама и содержу свой дом в порядке. Кстати, в море бывает куда хуже...»

Глядя, как она уходит, Ночная тень обратилась к Тиффани:

— Ты не могла бы мне дать денег?

— Знаешь, ведьмы редко получают от людей деньги. Мы живем в другом мире.

Ночная тень тут же просияла:

— С этим я могу помочь. Мы эльфы можем попадать в другие миры, где есть деньги.

— Прошу, не стоит, — ответила Тиффани. — Это только натворит разных бед.

И проигнорировала раздавшийся из кустов тоненький голосок: «Не-а, ежесть вовремя гетьски, то не споймают».

«Ага, мы мастера вникать в разные места», — добавил второй голосок. [\[50\]](#)

Ночная тень не обратила на фиговых никакого внимания.

— Но ведь та старушка такая веселая, хотя у нее абсолютно ничего нет. Чему она веселится?

— Тому, что жива. Ты видишь, что люди не падают духом в беде, как бывает иногда. И порой все, что им остается, это не падать духом. — Она сделала паузу. — Что ты почувствовала, когда помогла нести ведро?

Ночная тень задумалась:

— Не уверена, — медленно ответила она. — Но уверена в одном, эльфы такого не чувствуют... Это хорошо?

— Послушай, волшебники утверждают, что давным-давно все люди ничем не отличались от мартышек, а быть мартышкой весьма полезно, поскольку мартышки очень любопытны. И вот одна мартышка однажды поняла, если она в одиночку попытается убить огромного волка, то очень скоро станет дохлой мартышкой. А вот если она объединится со второй мартышкой, то они станут счастливыми мартышками. А счастливые мартышки могут наделать еще более счастливых мартышек, которые будут без умолку лопотать, трепаться и болтать все время, пока, наконец, не станут нами. Подобное превращение может случиться и с эльфом.

— Когда я верну свое королевство... — начала Ночная тень.

— Остановимся на этом, — прервала ее Тиффани. — Зачем оно тебе? Какая тебе в нем польза? Подумай над моими словами, раз я тот, кто за тобой присматривает и единственный, кого ты могла бы назвать «другом». — Она очень серьезно посмотрела на эльфа. — Я говорила тебе, что я... мы будем счастливы, если ты снова станешь Королевой фей, но лишь после того, как чему-то здесь научишься. Будешь готова жить в мире и согласии, и научить других эльфов, что мир изменился, и здесь им не место.

В ее голосе прозвучала надежда на то, что человек и эльф смогут изменить историю человечества и эльфов.

Принцессе вовсе не обязательно быть голубоглазой блондинкой и носить маленькие туфли не по возрасту.

Люди могут доверять ведьмам и не всякую живущую в лесу старушку, чье единственное преступление — отсутствие зубов и разговоры с самой-собой — стоит бояться.

И быть может эльфы научатся состраданию и обретут человечность...

— Если ты чему-то научишься, — тихо добавила она, — то сумеешь создать другое королевство.

Глава 16

Господин Объезд

Старички из деревень в округе домика Матушки Ветровоск быстро полюбили Джоффри. Они, конечно уважали и Нянюшку Ягг и Тиффани, но Джоффри по-настоящему полюбили.

Порой они над ним посмеивались — еще бы! — он ведь влез в женское дело, но когда он получил собственную метлу, пронесся над ними с сидящим козлом позади вместо тележки и скрылся за горизонтом... они потеряли дар речи.

Даже будучи сильно занятым у него всегда находилась минутка, чтобы остановиться поболтать, и в каждой лачуге находились похлебка для него и кусочек печенья для Мефистофеля. Старички были просто без ума от козла, но побаивались после того, как один умник решил напоить козла элем, чтобы посмотреть, что получится. К их изумлению Мефестофель принялся танцевать словно балерина, а потом лягнул молодое деревце, да с такой силой, что расщепил ствол пополам.

— Совсем как те парни, что делают муши, — заявил Вонючка Джимми.

— Ты все напутал, — ответил Вкус Дрожачкин. — Разве муши кто-нибудь ест? Даже ... за границей.

— Наверное ты имел в виду «Раз-дам-под-дых, а-ты-с-копыт-брык», — сказал капитан Миротворец. — Такой стиль борьбы.

— Вот именно! — кивнул Вонючка Джимми. — На рынке в Огрызке был один тип, который это умеет.

— В Огрызке полно всяких типов, которые делают всякое, — с содроганием добавил Вкус Дрожачкин. — Огрызок вообще... странное местечко. [\[51\]](#)

Они посидели и минутку поразмышляли об Огрызке. Если хорошенько поискать, на рынке в Огрызке можно найти все, что угодно. Был такой случай, что один персонаж там продал собственную жену. Так что фраза «тащи и покупай» [\[52\]](#) там понималась буквально. Тот человек ушел домой с подержанной тачкой и с чувством, что заключил отличную сделку. Потом все посмотрели на растерзанный саженец и дружно согласились, что Мефестофель впечатляющий козел, но его диету лучше оставить в покое.

А впечатляющий козел тем временем стоически проел себе дорогу в

высокой траве вокруг забора и как ни в чем ни бывало потрусил к Джоффри.

В это самое милое утро Джоффри был у господина Объезда по прозвищу Весельчак. Тиффани уже несколько недель лечила довольно болезненную шишку у него на пальце ноги, которая успешно сопротивлялась ее усилиям. Она уже было решила нарушить собственное правило и использовать на непокорной болячке магию, как Джоффри решил в отсутствие Тиффани навеститься к господину Объезду. Он застал его у задней двери дома на пути к старому амбару. Вместо того, чтобы юркнуть обратно в дом, как было бы при виде Тиффани, старичок приветливо помахал Джоффри и поманил его за собой в покосившийся амбар. Кроме того, что Джоффри заметил, что тот с трудом ковыляет в своих старых армейских башмаках, он углядел еще кое-что очень неправильное.

— Черт меня дери! — воскликнул господин Объезд, когда Джоффри выдрал торчащий сапожный гвоздь из его левого ботинка. — Если б я знал в чем дело, я бы сам расправился с мерзавцем! — И он с умилением посмотрел на молодого человека: — Бл'годарю, вьюнош.

Старый господин Объезд уже так давно жил один, что никто не помнил, что было иначе. Он всегда был скрупулезно одет и даже по городским меркам считался «щёголем». Помимо его рабочей одежды, которая регулярно стиралась, но вечно забрызгана маслом и краской, он всегда сверкал как свежевывымытое стекло. Точно таким же был его дом. В гостиной, которая содержалась в безупречном порядке, на стене висела картина, на которой были изображены люди в старомодной одежде. Джоффри решил, что это был портрет родителей господина Объезда, хотя тот никогда о них не упоминал. Старик нравился Джоффри, и хотя был весьма замкнутым, с Джоффри он был приветлив.

Сарай, который господин Объезд пристроил сбоку от амбара тоже находился в безупречном порядке. На каждой полочке были аккуратно расставлены подписанные старые жестянки из-под табака и банки. Все инструменты были развешены на стене, четко по размеру и порядку. Они сияли чистотой и были остро наточены. Господин Объезд никогда не пускал Тиффани куда-то кроме гостиной, а Джоффри удостоился приглашения на чай с печеньем в сарайчике у амбара.

Каждый увиденный Джоффри сарай был индивидуален, и отражал внутренний мир хозяина без наслоений женского влияния. Некоторые были погружены в полный хаос с наваленными кучами барахла и разбросанными незаконченными поделками. Другие — вроде сарайчика капитана

Миротворца, в котором хоть и находились разные холсты, кисти и краски — были олицетворением порядка.

Но ни в одном не было такого порядка, как у господина Обьезда. Джоффри также заметил отсутствие кое-чего у господина Обьезда. В каждом навешенном сарае, на верстаке находился какой-нибудь незаконченный предмет: недоделанный скворечник, разобранная тачка без колес, но с новыми ручками и так далее. Но у господина Обьезда в сарае не было ничего подобного. И он увильнул от ответа на прямой вопрос, над чем он работает.

— Что вы задумали, господин Обьезд? — спросил Джоффри. — Вы создаете впечатление человека с идеями, и насколько я вас знаю, они довольно коварны.

Его собеседник откашлялся.

— Видишь ли, вьюнош, я строю одну машину. Мне нет дел до всяких скворечников, вешалок для пивных кружек и прочей ерунды. А машина... — он помолчал, а потом с опаской посмотрел на Джоффри. — Думаю, она могла быть полезна обществу для решения всяких проблем.

Джоффри сидел тихо, ожидая, пока старичок допьет чай и придет к умозаклучению. Наконец господин Обьезд отставил чашку и поднялся, отряхивая крошки. Он смел их специальной щеточкой в небольшой специальный совочек, потом вымыл чашки, обтер и аккуратно расставил на полке. Наконец он повернулся к двери и открыл ее со словами:

— Не желаешь ли взглянуть, вьюнош?

* * *

Пока Джоффри в Ланкре гонял чай с господином Обьездом, на Мелу баронесса Летиция угощала чаем неожиданно прибывшую на помеле королеву Ланкра Маграт. А чтобы никто не мог усомниться, что это совершенно официальный визит, на помеле был помещен королевский вензель: два медведя на черно-золотом поле. Она прилетела с букетом роз в руках, заставив Летицию и всех слуг замка сбиться с ног, подметая и убирая паутину. Часть даже запуталась у Летиции в волосах.

Маграт только посмеялась над испугом Летиции со словами:

— Я тут не в качестве королевы, родная. Я тут в качестве ведьмы. Я всегда ею была и навсегда останусь. Так что давай без помпы... ты сама знаешь, как это бывает. Этого просто от тебя ждут. Чуточку пыли тут и там — это ерунда. Я сама вынуждена признать, что некоторые закоулки моего

замка тонут в пыли. И как это бывает, ты тоже знаешь.

Летиция кивнула в ответ. Ей действительно было отлично известно, как это бывает. Что до помпы... она даже представить не могла, насколько древний водопровод в замке. Допотопные нужники начинали журчать в самый неподходящий момент, на что Роланд заявил, что если у него будет свободное время, то из журчания, бульканья и позвякивания во время утренних визитов создаст оркестр.

Однако, Летиция раздала указания и теперь обе дамы сидели бок о бок, вдыхая торфяной чад из камина. Здесь всегда и вечно было холодно, даже в летнее время, именно поэтому камин был таким огромным и пожирал по нескольку деревьев за раз. Кухарки поспешно притащили поднос с чаем и небольшими закусками, и, конечно же, с бутербродов были срезаны корочки, чтобы придать им более опрятный вид для поедания знатными особами. Маграт вздохнула. Она понадеялась, что Летиция хотя бы прикажет отдать корки птицам.

Также перед ними стояла тарелка с довольно кособокими кексами.^[53]

— Я сама их испекла. Вчера, — гордо провозгласила Летиция. — По рецепту из новой книжки Нянюшки Ягг: «Невинные Пампушки, от которых раздашься в нужных местах», — она чуть покраснела, и невольно поднесла руку к лифу. Когда всем раздавали округлости в этом месте, Летиция оказалась в конце списка.

Маграт довольно осторожно отщипнула кекс. Некоторые из рецептов Нянюшки Ягг содержали весьма... необычные ингредиенты, а у нее уже было три ребенка. Она откусила кусочек, и дамы по обычаю перешли к привычным расшаркиваниям. Маграт полюбовалась акварелью Летиции, на которой был изображен великан с мелового холма. Особенно детально была прорисована «бесштанная» его часть. Нянюшка Ягг определенно бы одобрила, решила Маграт.

Потом они перешли к делам.

— Что ж, думаю тебе не нужно рассказывать, Летиция, но у нас в Ланкре полным-полно эльфов. С этим нужно что-то делать.

— Боже мой! Я с огромным огорчением должна сказать, что Роланд собирается написать госпоже Болит о возмутительных эльфийских набегах и спросить ее что она намеревается предпринять. У нас уже много жалоб, и сейчас он как раз на объезде обозревает нанесенный ущерб, — Летиция вздохнула. Она прекрасно понимала, что оценка ущерба состоит не только в фразах: «Ай, ай, ай», и «Да, сколько это может продолжаться?» Нужно было предпринять и что-то еще, чтобы арендаторы почувствовали, что кто-то что-то предпринимает. И супруга убедила Роланда, что он не только

должен делать что-то для вида, но для поддержания духа засучить рукава и впрячься в работу с мужиками. А еще лучше, если он после работы купит за свой счет им выпивку и недолго побудет их товарищем, а не просто боссом. — Я не сомневаюсь, у нас достаточно работников, — добавила она, — но они большую часть времени крестьянствуют. Нам бы очень помогла помощь других ведьм.

— К сожалению, это относится именно к нам, — ловко вставила Маграт, сделав акцент на последнем слове.

Летиция испугалась:

— Вы же знаете, что я не настоящая ведьма.

Маграт оглядела баронессу. От нее оставалось ощущение, словно ее нужно взять и отжать. Но ведьмы бывают всех форм и размеров. Скажем Нянюшка Ягг и Агнес Нит были неоднозначно полными,^[54] а Высоко-Худая-Низко-Толстая Салли становилась любой в зависимости от настроения, так что нельзя сомневаться в том, что и вода может стать могущественным подспорьем.

— Ты себя недооцениваешь, дорогуша. А я знаю, о чем говорю. Думаю, ты боишься не заслужить уважения среди ведьм. Все мы через это прошли, еще девчонками. Тиффани мне все про тебя рассказала. Лично я даже не знаю, как бы поступила, заведись в моем доме плачущий скелет. Разве не ты еще девочкой вручила безголовому призраку тыкву? А прекрасного плюшевого медвежонка плачущему скелетику? Ты не думаешь о себе, как о ведьме, но каждая крупинка моей души твердит мне, что ты — ведьма. Мне бы твои возможности в молодости.

— Но ведь я — баронесса. Дама. Разве я могу быть ведьмой?

Маграт издала нечто похожее на «пффр» и ответила:

— Ну, а я — королева. И это ничуть не останавливает меня в нужный момент стать ведьмой. В такое время, дорогуша, мы перестаем думать только о себе и о том, кто мы есть, а засучиваем рукава и пачкаем руки. Тиффани не может сражаться со всеми эльфами в одиночку. А это настоящая война... и она будет продолжаться, пока все не запачкаются.

Ее слова глубоко запали Летиции в душу.

— Конечно вы правы. И Роланд, как обычно, со мной согласится. Можете на меня рассчитывать.

— Вот и ладушки, — сказала Маграт. — У меня как раз есть кольчужка подходящего тебе размера. А теперь вопрос, как быстро ты сможешь собраться в Ланкр? Мы собираемся вместе, чтобы обсудить положение. Ты умеешь летать на помеле или тебе нужен лифт?

Тиффани села верхом на помело. В деревне она услышала новость, что миссис Голубь почти готова представиться, и ей стало стыдно. Да, у нее два владения. Да, ей нужно что-то делать с Ночной тенью. Да, отдыхать некогда. Но за прошедшую неделю она не сумела выкроить и минуты на старушку, а всего за одну неделю любая старушка может проститься с жизнью.

Ночная тень притулилась сзади, все подмечая острым взглядом. Заметила, что у семейства Голубей во владении лишь крохотный клочок земли, с такой дрянной почвой, что удивительно, как вообще на ней что-то способно вырасти. Что их жизнь целиком зависит от небольшой отары овец, выпасаемых на пастбище у ручья.

Дома оказался младший из сыновей, Сид Голубь, без железнодорожной униформы казавшийся ниже ростом. К удивлению Тиффани с собой он привел приятеля по работе.

Ночная тень оскорбилась:

— Это гоблин! В доме! Вонючий... — произнесла она с отвращением.

Тиффани почувствовала боль как от удара.

— Это очень уважаемый гоблин, — веско сказала она, хотя она и правда почувствовала запах гоблина еще только войдя в дом, даже несмотря на череду других запахов, свободно населявших этот не очень чистый дом. Она кивнула гоблину, который с ногами сидел на столе и ел нечто напоминающее куриную ножку, которую кто-то — наверное кошки — уже ели до него. — И товарищ Сид.

— Клапан Пара, госпожа, — весело представился гоблин. — Работать с железка и сталь, да.

— Тиффани, — встревоженно обратился Сид. — Ты пришла повидать бабулю? Она в постели наверху.

Престарелая миссис Голубь в самом деле лежала и на взгляд Тиффани уже не собиралась вставать. Старушка теперь напоминала больше помятый мешок с костями. Ее скрюченные пальцы вцепились в край выцветшего лоскутного одеяла. Тиффани протянула и взяла одну руку своей и... сделала все что смогла для старой женщины, забрав ее боль из скрюченного тела...

Как вдруг внизу разразился ад.

— Сид! Эти противные феи или как их там... загрязнили наш ручей. Он весь пожелтел! Вся рыба всплыла кверху брюхом! Нужно срочно

отогнать овец... немедленно! — господин Голубь был в полном отчаянии.

Раздался топот выбегающих из дома ног. Тиффани сосредоточилась, отводя новую порцию боли миссис Голубь. Ночная тень осталась рядом с ней.

— Я не понимаю, — сказала она. — Тот гоблин. Он побежал вместе с людьми.

— Это называется «приходить на помощь», — пояснила Тиффани, сохраняя концентрацию на боли. — Помнишь?

— Но люди и гоблины терпеть не могут друг друга, — озадаченно добавила Ночная тень.

— Я уже объясняла тебе, что Клапан Пара товарищ Сида. Но тут дело не в симпатиях. А во взаимовыручке. Если бы жилища гоблинов загорелись или с ним что-то случилось, то люди им помогли бы, — она опустила глаза на миссис Голубь. Старушка заснула. — Послушай, мне нужно на минутку выйти. Останься, пожалуйста, с миссис Голубь, хорошо? Если она проснется, позови.

Ночная тень испугалась:

— Но я не могу... я же эльф. И я уже помогла с ведром. Я не могу... помочь еще одному человеку.

— Почему? — резко спросила Тиффани. — Вот Клапан Пара только что помог. Чем эльфы хуже гоблинов? — Но у нее не было времени на препирательства, поэтому она пошла вниз и выпустила боль в кучу камней, собранных для постройки ограды.

В результате раздался довольно сильный «бабах»... боли было довольно много — видимо из-за него миссис Голубь уже проснулась, когда Тиффани поднялась наверх. Она проснулась и попросила воды.

Старушка улыбалась Ночной тени, протягивая руку за водой.

— Хорошая девочка, — еле слышно повторяла она. — Хорошая...

Хорошая девочка? Хороший эльф?

Ночная тень положила руки на живот.

— Думаю, начинается... — тихо сказала она, подняв глаза на Тиффани. — Я чувствую потепление. Вот тут, в животе. Небольшое жжение.

Тиффани улыбнулась, и утешительно погладила миссис Голубь, а затем взяла Ночную тень за руку.

— Мне нужна твоя помощь, — сказала она. — Эльфы испортили ручей, а он питает несколько ферм... ты не могла бы все исправить? — Она сделала паузу. — Как твой друг, Ночная тень, я прошу у тебя помощи. Фиглы могут помочь с овцами, но как убрать чары? С этим может

справиться только кто-то из вас.

Ночная тень поднялась:

— Чары Цветка Гороха? Их совсем не трудно снять. Он слаб. И, да, я помогу тебе, Тиффани. Как... своему другу. — Ее губам это слово казалось чуждым, но не было никакого сомнения в смысле произнесенных слов.

Поэтому они с Тиффани вышли в поле мимо блеющих на дворе овец, некоторые из которых — благодаря вездесущим фиглам — только что побили мировой рекорд по перемещению с пастбища в загон. Один ягненок даже проделал это на одной ноге.

И она действительно исправила воду в ручье.

И небольшой огонек внутри нее начал все сильнее разгораться...

* * *

Старый амбар господина Объезда был битком набит всевозможным оружием: сувенирами многочисленных войн, которые были любовно смазаны и аккуратно размечены пояснительными табличками.

— Я их коллекционирую, — с гордостью объяснил господин Объезд. — С каждой войны, в которой принимал участие лично и многое помимо этого. Нужно всегда держать оружие под рукой. В том смысле, что я не имею ничего против троллей или гномов, но мы не раз с ними воевали, так что просто для уверенности. Кто-то что-нибудь скажет, и не успеешь глазом моргнуть, как окажешься по колено в гномах. Они могут мигом вас облепить с ног до головы. И в этом смысле — с ног до головы — им вообще никакой веры нет.

Джоффри потрясенно обвел взглядом стены амбара. Повсюду, если присмотреться, находились инструменты убийства. А посередине стоял он — улыбающийся старичок, с которым они только что пили чай, с огнем в глазах, готовый тут же наброситься на врага, особенно если он не человек. И именно его прозвали Весельчаком? Что же было бы, назови его Мрачный Билл?

— Я могу работать на токарном станке не хуже любого другого, — продолжил господин Объезд.

— Токарный, — повторил Джоффри. — Значит, у вас получается много стружки?

— О, да. Весьма неприятная штука, если попадет в глаз, — он улыбнулся. — И даже она может пригодиться. — В этот момент он едва не прогнал Джоффри, но все-таки не мог больше терпеть. Ему нужно было

кому-нибудь показать вещь, над которой он работал. — Давай, вьюнош. Взглянем, что тут у нас. Вообще-то это секрет до тех пор, пока я все не закончу, но тебе я могу показать.

У дальней стенки амбара стояла громадная штукавина, накрытая брезентом. Господин Объезд подвел Джоффри к ней, стянул брезент, и когда он упал, Джоффри ахнул.

Машина была похожа на гигантского кузнечика, с противовесом с одной стороны и громадной петлей с другой. Разглядывая машину с открытым ртом, Джоффри вдруг понял, что уже видел нечто подобное в книгах, которые показывал ему учитель господин Виггал дома.

— Выглядит устрашающе, — признал он.

— Уж надеюсь, — ответил господин Объезд. — Всегда хотел занять себе такую с тех пор, как увидел одну в работе. У гномов тоже были немного похожие, и выстрел из нее мог опрокинуть тролля на спину. Должен признать, гномы знают как и что делать, и я большой поклонник гномьей брони, — он закашлялся. — Мне пришла в голову идея построить эту штуку в тот самый момент, как я увидел как парни в баре отплясывают танец с палкой и ведром. [\[55\]](#)

— Теперь все ясно, — сказал Джоффри.

— Капитан Миротворец был очень впечатлен, — добавил господин Объезд. — Мы хотим опробовать ее завтра, но там, где нас никто не увидит.

«У стариков много скрытых талантов, — решил Джоффри. — То, что ты старый, не значит, что ты не можешь быть сильным».

Глава 17

Военный совет ведьм

Лорд Длинноног прокрался в старый особняк сквозь незапертую дверь, задувая по пути свечи, поднялся по скрипучей лестнице наверх. Открыв вновь незапертую дверь, он проник в детскую спальню, где молодая кормилица укачивала в колыбели младенца. Она подняла голову, их глаза встретились, и из корзинки для рукоделия появилась острая спица.

* * *

В главном зале королевского замка Ланкра Тиффани встретилась со своими союзницами и подругами, чтобы обсудить план военных действий.

Пришлось приложить немало усилий, чтобы всех собрать. И в этом исключительную помощь оказал Джоффри, налетав многие мили с поручениями Тиффани к каждой упомянутой ею ведьме.

Из самого Анк-Морпорка прибыли даже слепая миссис Случайность с Высоко-Худой-Низко-Толстой Салли и миссис Прост. А еще были Аннаграмма Ястребец, Петулия Хрящик, Димити Гам, Хариетта Обман с остальными ведьмочками. Летиция под внимательным присмотром королевы Маграт пометила их имена галочкой в списке приглашенных.

«Чудесно иметь среди подручных королеву», — решила Тиффани, когда появившаяся миссис Ирвиг прямо с порога начала устанавливать собственные порядки. Маграт быстро положила этому конец и даже миссис Ирвиг не смогла перечить коронованной особе. Но общаться с таким числом ведьм сразу было все равно что нести поднос со стеклянными шарами. Ведьмы отлично умели задирать друг друга, а мелкие дразги возникали в мгновение ока, улаживались сами-собой, забывались и вновь возникали. Это было так глупо, и все это понимали, но не могли с собой ничего поделать.

Джоффри и тут удалось получить заслуженное признание. Стоило где-то возникнуть перебранке, как он был тут как тут, чтобы сказать свое веское слово или обезоружить улыбкой. Было удовольствием наблюдать столь изящную и тонкую работу. Можно было почти разглядеть, как вокруг него распространяется аура спокойствия, чуть ли не вытекающая из его ушей.

— Дамы, — произнесла Тиффани, призывая собрание к порядку. — Перед нами стоит проблема. Эльфы возвращаются, и на этот раз всей силой. И если мы не сумеем их быстро остановить, все сильно осложнится. Я знаю, что многие из вас уже прежде сталкивались с эльфами... — она посмотрела на Нянюшку Ягг и Маграт, — но большая часть из нас новички. А это серьезный враг.

Ночная тень стояла у стены почти слившись с ней в своем платье служанки. Глядя на нее, нельзя было ее уличить в серьезности, но ведьмы постарше косились на нее с таким видом, словно от нее дурно пахло.

Миссис Ирвиг неодобрительно нахмурилась, словно собираясь что-то сказать, но ее опередила Петулия.

— Тифф, насколько это благоразумно было пригласить сюда эльфа, чтобы подслушать наш разговор?

— Не беспокойся, дорогуша, — ответила Нянюшка Ягг. — Стоит нашей маленькой знакомой сделать что-то не то, как разразиться такой фейерверк, что будьте уверены — не останется никакого эльфа!

— Правильно ли я думаю, что в прошлый раз, когда случилось нечто подобное, в дело вмешался Король эльфов? — спросила у Нянюшки Аннаграмма.

— Все верно, но сейчас он не станет. Тиффани уже виделась с ним, и похоже старому Рогачу наплевать, — ответила старая ведьма. — Так что на него рассчитывать не приходится.

— В его мире время течет иначе, — объяснила Тиффани. — Даже если бы он решился что-то предпринять, то это произошло бы прямо сейчас, а может через месяц или год.

— Как насчет волшебников? — спросила другая ведьма. — Почему бы не позвать их?

Нянюшка фыркнула в ответ:

— Ха! Этих-то! К тому времени, как они закончат бормотать свои заклинания, эльфы уже займут все Овцепики и направятся дальше. — Она, сопя, поерзала на стуле и добавила: — Нет. Это ведовские дела. Кроме того, волшебникам тяжело оторвать свои носы от книг, а булки — от кресел. — Последнюю фразу она произнесла, обращаясь к миссис Ирвиг, которая, как известно, была большой любительницей чтения.^[56]

Маграт быстро встряла в беседу:

— Зато у нас есть полная поддержка жителей Ланкра, какую мы с Веренсом можем обеспечить.

— Верно. Это все благодаря моему Шону, — с удовольствием отметила Нянюшка Ягг. Ее сын Шон Ягг был в одном лице и армией

Ланкра, и королевской посудомойкой, привратником, садовником, горнистом и — должность, от которой Шон с большим удовольствием бы отказался — проветривателем гардероба и уборщиком ночных горшков. — Кроме того, насколько мне известно наш Джейсон готов выделить нам несколько подков. Поскольку он работает кузнецом, — добавила Нянюшка для тех, кто не в курсе.

Джоффри вежливо покашлял, привлекая внимание:

— Я вместе с местными старичками прорабатываю несколько идей, — тихо произнес он. — У нас есть кое-что... что может оказаться полезным.

— Есть еще Ходжесааргх, — сказала Маграт. Это королевский сокольничий, который оказался удивительной находкой: наверное, благодаря тому, что он всю жизнь возился с птицами, и большая часть его мозга стала птичьей, эльфийские чары на него не действовали, отказываясь делить и так небогатое пространство с другим хищником. Это также могло объяснить, почему птицы до сих пор не выклевали ему глаза.

Миссис Ирвиг понимающе улыбнулась:

— Могу я задать вопрос? В чем собственно состоит проблема? Нас тут много. Уж точно справимся с парочкой эльфов, — и она мрачно покосилась в сторону Ночной тени.

Нянюшку прорвало:

— Нет! наших сил совсем недостаточно! Сколько нас тут? — она оглядела зал. — Десяток, может дюжина, или чуть больше, если считать Джоффри с Летицией и ученицами... но лишь некоторые из нас являются старшими ведьмами, чей опыт действительно годится. Эльфы коварны. Не успеете глазом моргнуть, как они околдуют вас своим очарованием. И они умеют подкрадываться незаметно, как тихий смертельный пук... и застанут вас врасплох быстрее, чем успеете зажать нос. Даже Эсме вряд ли справилась с подобной силой. Она была сильным бойцом, и вы знаете, какой она была. Мимо нее они бы не прошли... но то было в прошлом. Дамы, эльфы опасны. Нам стоит опасаться. Они могут сделать... все что угодно. Овладеть вами.

— Со мной это уже случалось, — согласилась Маграт. — Чары заставляют считать себя мелкой и ничтожной. Те из нас, кто уже сталкивался с подобным, даже не в силах по-настоящему предупредить остальных.

— Думаю, вы преувеличиваете. В «этом» нет ничего очаровательного, — недоверчиво заявила миссис Ирвиг, ткнув пальцем в Ночную тень.

— Значит, ты никогда в жизни не сталкивалась с живой феей. В

противном случае, была бы вся в шрамах, — буркнула Нянюшка Ягг. Ее лицо налилось забавным оттенком, так что Тиффани пришлось вмешаться, пока не полетели искры.

— Дамы, дамы! Думаю, не повредит небольшая демонстрация эльфийских возможностей. Ночная тень, не будешь ли ты так любезна, дать нам попробовать твоих чар?

Раздался дружный «ох». До собрания дошло, что именно предлагает Тиффани.

— Но будь осторожна, Ночная тень. Очень осторожна. Те из нас, кто уже пробовал чары на себе, будут очень внимательны. Очень надеюсь, что проблем не будет.

Ночная тень улыбнулась, но, как отметила Тиффани, не весело.

— Дамы, — обратилась Маграт к остальным, стараясь их как-то подготовить. — Быть ведьмой означает оставаться собой, и ответственной за свои поступки. Думаю, будет хорошей идеей, как только чары начнут действовать, понаблюдать друг за другом.

— Фу-ты, ну-ты! — воскликнула миссис Ирвиг. — Я всегда остаюсь собой, и буду оставаться. Я ведь ведьма, что бы кто-то там ни думал, и не верю в сказки.

Ей вкрадчивым голосом ответила Нянюшка Ягг:

— Просто, госпожа Ирвиг, ты их сама выдумываешь и записываешь.

— Но в жизни их нет, а написать можно, — ответила миссис Ирвиг.

Нянюшка Ягг молча посмотрела на нее и подумала: «Вот и увидим».

— Все готовы? — спросила Тиффани. В ответ раздались согласные возгласы и дружные кивки, поэтому она сказала: — Приступай пожалуйста, Ночная тень. Яви нам свое очарование, — с этими словами она сжала в кармане корону пастуха. Она знала, что ей понадобятся все силы, чтобы остаться в собственном сознании. «Ян тан тефера, — едва слышно пробормотала она: — Ян тан тефера».

Ночная тень начала неспеша. Ее миниатюрное лисье личико озарилось светом, красотой, стилем и внезапно она стала самой красивой из всего, что было в зале.

Фантастически.

Волшебно.

Очаровательно.

Пугающе.

Атмосфера наполнилась чарами, и Тиффани почти видела, как ведьмы борются с ними. Те, что были неопытнее других, как Аннаграмма, Петулия с Летицией, и Димити с Хенгиетой — внезапно обмякли, и их лица

превратились в безжизненные кукольные.

Как и другие ведьмы, Петулия почувствовала, что мир весь целиком принадлежит ей, все, что в нем есть до последней крупички. А затем, что ее мечты, как и мечты остальных, разрушены. Кем она себя возомнила? Ее никто не любит, не хочет иметь с ней дела. Она ничто. Никому не нужна. Каждому известно, какая она неумеха. Для всех будет лучше, если она умрет. Или даст свиньям себя затоптать в грязи, а может и этого будет недостаточно. Петулия вскрикнула.

Тиффани двинулась к Ночной тени, словно прорываясь сквозь оболочку пузыря. Эльф поддалась, и ее чары исчезли. Но все до единого выглядели потрясенными. За исключением, мисс Ирвиг.

— Ну, и что такого? — деловито рявкнула пожилая ведьма. — Чем вы все тут занимались?

— Разве, Мисс Ирвиг, вы не почувствовали себя мелкой, несчастной и ненужной? И абсолютно бесполезной?

На лице миссис Ирвиг появилось озадаченное выражение.

Ночная тень перевела взгляд с нее на Тиффани.

— С ней было похоже на удар о скалу, — объяснила она. — В ней есть нечто интересное... чего-то не хватает. — Она вновь повернулась к миссис Ирвиг и с любопытством оглядела. — А вы не уверены, что не являетесь эльфом?

— Да как ты смеешь! Я — это я. Никто не может мне помешать оставаться собой.

— Боже упаси! — сказала Тиффани. — Однако, на все остальных это подействовало. И это был всего один эльф. А теперь представьте, что мы встретимся со всей ордой.

— Это было похоже на встречу с отцом, — отметил Джоффри. — Я слышал его голос, который внушал мне, что я неудачник и никогда не исправлюсь. Мышь, червяк, и не никто обо мне не заплачет. Но он всегда всем был недоволен.

Его слова, судя по лицам ведьм, отлично отражали их собственные переживания.

Когда представление закончилось, и Ночная тень вновь стала невзрачной девушкой в платье служанки, споры почти прекратились.

— Что ж, дорогие ведьмы, вот что мы имеем, — подвела итог Тиффани. — Мы знаем, с чем имеем дело, и что как следует поступить, то бишь, не позволить эльфом попасть в наш мир. Очень вряд ли мы сумеем справиться со всеми. — Она помедлила и продолжила: — Все, что нам остается, это показать им, что иметь с нами дело будет непросто, и лучше

всего убрать восвояси.

— Итак, сколько у нас времени на подготовку? — спросила Маграт.

Тиффани вздохнула:

— Мы не знаем. Но я чувствую, они скоро появятся. — Она оглянулась на Ночную тень, которая вышла в центр.

— Наверняка тогда, — произнесла эльф, — когда наступит полнолуние. Время... конца.

— Стало быть, сегодня... — прошептала Маграт.

— И если я хорошо знаю Цветок Гороха, он ударит везде, где увидит слабину.

— Что скажешь, Тифф? — спросила Нянюшка Ягг. — Ведь они уже появлялись на Мелу, так? И здесь, в Ланкре... через Танцоров.

Ночная тень кивнула:

— Они явятся через те и другие врата, а после рассеются по округе. — Она поежилась.

Тиффани решила взять быка за рога:

— Стало быть, нам нужно преградить им путь на двух фронтах. Здесь, в Ланкре, и на Мелу. — Она оглядела присутствующих. — Нам придется разделить силы.

— Что ж, — произнесла Нянюшка Ягг: — можешь на меня рассчитывать. Я всегда была бойцом. Без этого никак, если хочешь быть ведьмой. Нам не нужно беспокоиться, а вот им — придется. Если свалить эльфа на землю и слегка попинать, то все очарование как рукой снимет. Уж будьте покорны, и у эльфов найдутся нежные местечки, которым не понравится мои ботинки.

Тиффани покосилась на нянюшкины ботинки. Они выглядели так, словно их делал кузнец, хотя, в нянюшкином случае, это было вполне возможно. Один пинок таким ботинком, и «пиши, эльф, письма!» Может, и не убьет насмерть, но наверняка все очарование выбьет вместе с дурью.

— Они знают о каменных кругах, — сказала она, — но во имя Грома и Молнии, лучше бы они забыли к ним дорогу. Ведь и мы знаем, где они стоят, а люди умны, а порой еще и носят жесткие ботинки. Когда приходится... — Она обернулась к Ночной тени, настороженно наблюдавшей за окружающими. — А ты что скажешь?

Эльф улыбнулась:

— Вы, люди, странные существа. Порой мягкие и глупые, но еще и удивительно опасные. Вас мало, а эльфов очень много. Но, я уверена, что этот предатель Цветок Гороха не знает, с кем связывается. И очень этому рада.

Тиффани кивнула. Итак, Маграт, Нянюшка Ягг, на удивление крепкий орешек в лице миссис Ирвиг, которая оказалась куда сложнее, чем витрина из оккультной мишуры и симпатичных побрякушек, другие ведьмы из Ланкра, а также миссис Прост, и Джоффри с Мефистофелем. Должны справиться.

— Что ж, думаю, вы сможете защитить Ланкр, — сказала она, оглядывая присутствующих. — А мне придется вернуться на Мел. Это моя родина.

— А кого ты возьмешь в помощь, позволь спросить? — сказала миссис Ирвиг.

— Итак, — начала Тиффани: — есть мисс Тик, которая, вы должны согласиться со мной, является исключительной женщиной, приславшей извинения за свое отсутствие. — «Или которая извинится, если я ее найду», — мысленно поправила себя Тиффани. — Также Летиция. — Она перевела взгляд на юную баронессу, которая старалась храбриться. — А еще мне поможет земля. Но не забывайте, у меня есть и другие заслуживающие уважения союзники. Мы не останемся в одиночестве. — Она не забывала посматривать в сторону составленных в углу метел, и несмотря на то, что их никто не приглашал, она видела мордочку Роба Всякограба и довольно большое число представителей его клана. Должно быть, улыбнулась она, они прилетели вместе с Летицией и Маграт.

— Дамы, позволите мне вам представить... Нак Мак Фиглы!

Вдруг зал наполнился морем расписанных синими красками тел и клетчатой ткани под шушуканье среди ведьм — не все из них ранее встречались с фиглами. Тиффани услышала, как Нянюшка довольно громко шепнула Маграт:

— Мигом прячь всю выпивку в подвал.

— Ах коварна ты карга, не будь мое имячко Роб Всякограб! — простонал Роб.

Маграт улыбнулась:

— Роб Всякограб, да ты один стоишь армии! Добро пожаловать ко мне во дворец, но прошу, не выпей все. По крайней мере, дождитесь победы.

— А вот ты дело говоришь, девица... в смысле, вашество. Там иде войнушка, там мы — Нак Мак Фиглы.

Раздались дружные вопли «Кривенс», а Роб прокричал:

— Ай, да подать их нам шибче, да зачем дратися! — Послышался одобрительный гул клана, а Великучий Ян подпрыгнул и выкрикнул:

— Просю зачесть, нытики, мы не слушаем господ красатулей, а лупцуем их в зады.

А Хэмиш добавил:

— Кады Мораг опускается сверьху, то выносит им дух вон клювом и когтями, и прикладает неслабо.

— Радуйтесь, что они на нашей стороне, — сказала Тиффани, и осуждающе посмотрела на миссис Ирвиг, которая сидела с разочарованным видом: — Это верно, они выглядят как негранёные бриллианты, но нигде на Диске вы не найдёте воинов лучше. — И понадеялась, что миссис Ирвиг не расслышала, как Вулли Валенок спросил:

— Эй, рази мы стибрили брыльянты?

— Да то, така фигура речи, ты валенок, — пояснил Роб.

— Не, никаки фигуры мы не тибрим. Мы дорожим репутацией, да? — снова Вулли.

— Да то така идиома.

— Эй, это ты кого обозвал «идиомой»?

Тиффани мысленно рассмеялась. Похоже, кельда всерьёз взялась за всестороннее образование своего клана.

Роб пару раз взмахнул мечом, заставив несколько ведьм попятиться на шаг или два, а потом вскочил на стол и оглядел зал:

— Я погляжу, Ночная леди тута с нами. Эх, великучая карга с кельдой не велят нам делать всякое с тем эльфом, чтобы мы оставляли ее в покое. Однакожь, — продолжил он, поглядывая на Ночную тень: — мы будем шибко доглядать. Наша кельда мягка душой, мягка яко каменюка, и никому не даст порушити ейную веру и дать гетьски!

— Уважаемый господин фигл, — произнесла миссис Ирвиг. — Это военный совет, поэтому следует обсуждать стратегию и тактику.

— Ай, вы можете делати чё хотите, а мы фиглы — и мы не морочимся всякой трепуховиной. Главна штука получшее прицелитися мечом и двинуть побольней. А ежель не сумлеешь, то на опоследний случай вмажь ножищей промеж орехов.

Тиффани посмотрела на выражение лица миссис Ирвиг и весело поинтересовалась:

— Ну, как, миссис Ирвиг, справитесь?

В ответ она заслужила взгляд. Нет, не так — Взгляд. И миссис Ирвиг ответила:

— Врежу, если посчитаю, что это нужно. — Подобный ответ, к удивлению Тиффани, остальные ведьмы встретили аплодисментами, и миссис Ирвиг тут же расплылась в улыбке.

— Я бы не стал, заступать дорогу этой кочерыжке, — произнес Роб Всякограб.

— Я тожить, — согласился Великучий Ян. — Вона злобная яки волчица.

— Ну, стал быть, иде твоя битва, карга холмов? — спросил Роб.

Вновь раздался дружный рев фигов, и вверх взметнулся крохотных лес мечей и палиц.

— Нак Мак Фигл не сдаются!

— Надерем ботву брюкве!

— Нет короля! Нет кроли! Нас не обманешь!

Тиффани улыбнулась:

— Если Ночная тень права, то эльфы объявятся нынче ночью, когда на небе будет полная луна. Дамы!.. и Джоффри, разумеется, — обратилась она к собранию, — отправляйтесь отдыхать. А мне нужно лететь в свое родное владение, так что — спокойной вам ночи и удачи!

— И пусть руны фортуны направляют и защитят нас! — многозначительно добавила миссис Ирвиг, убежденная в том, что последнее слово должно оставаться за ней.

* * *

Тиффани нравилась крохотная комнатка, в которой она жила с детских лет. Ее родители ничего не изменили, и обычно она спала с открытым окном, если только не шел дождь и не было сильного ветра.

Поэтому сейчас после длительного путешествия на помеле и в предчувствии трудной ночи, она предвкушала пару часов отдыха, вдыхая атмосферу комнатки и набираясь сил в ее знакомых стенах.

Силы в том, что она там, где должна быть. Она Болит.

— Я просыпаюсь, Болит, и ложусь, опять Болит, — улыбаясь, прошептала она. Одна из любимейших шуток ее отца, услышав которую она ребенком обычно закатывала глаза, но сейчас ее звучание окутывало теплом.

А на полочке ждала фарфоровая пастушка.

Бабуля Болит.

Рядом она положила пастушкой корону.

Болит к Болиту, наследник к предку.

«Земля под волной», — улыбнулась она. Так на языке фигов звучало ее имя: «Тиф-фа-ан». Так кельда ее и зовет: «Тиффан». Звук имени таил магию, настоящую магию, берущую силу с начала времен.

Это была тихая ночь. Она уговорила себя, что должна поспать... не

будет ничего хорошего, если она останется не выпавшейся... но вот она легла, прислушиваясь к совам, Ты свернулась рядом калачиком, греясь об ее тело. И с разных сторон раздавалось уханье, слово птицы предупреждали ее о чем-то.

За окном начала всходить луна. Величественный серебристый шар выплывал в небо, освещая небеса и приветствуя эльфов...

Тиффани закрыла глаза.

Часть ее, душа парила в черной яме с короной пастуха в руке. Ее пять ребер впитывали свет полной луны, и она мерцала как аквариум.

Тиффани слышала под собой рев древнего океана, чей голос был заключен в миллионы крохотных раковин, из которых сложились холмы Мела.

И она плыла...

Прямо к ней направлялась огромная странного вида рыбина с усеянной зубами пастью.

В этот миг в ее сознании всплыла подсказка доктора Суета:^[57] «Дунклеостей»,^[58] — объяснил он, когда создание размером с дом проплыло мимо. «Магалодон»^[59] — оказался огромным и очень хищным. У него было больше зубов, чем Тиффани когда-либо видела в одном месте. Потом промелькнул водный скорпион, в панцире и с ужасающими клешнями. Но никто из них не обращал на нее внимания. Такое чувство, что она была здесь по праву.

А потом показалось существо поменьше по виду напоминающее взрыв синих шипов. Оно заинтересовалось Тиффани.

«Эхиноид»,^[60] — прошептал Обидчивый Сует.

— Совершенно верно, — произнесло существо. — Я и есть корона пастуха.^[61] Глубоко внутри меня кремень. И мне есть множество применений. Некоторые называют меня морским беспризорником, другие «куриным божком», но здесь и сейчас называй меня короной пастуха. Я ищу настоящего пастуха. Где мне его разыскать?

— Давай подумаем, — услышала Тиффани свой голос: — Меня зовут Тиффани Болит, и мой отец лучший пастух в округе.

— Мы хорошо его знаем. Он действительно хороший пастух, но не самый лучший. Скажи, кто настоящий король.

— Что ж, я простая ведьма, но помогу чем смогу. Мне приходится много трудиться, помогая людям.

— Да, — ответил эхиноид. — Мы и это знаем.

«Я разговариваю под водой с морским существом, — подумала

Тиффани: — Это нормально?» Это было Первомыслие, а не Здравомыслие, [62] напомнил ей ее ум.

«Это странно, — произнес голос доктора Суета в ее голове. — Но не страньше, чем свалиться в кроличью нору с колодой карт в руке». [63]

«Давай-ка подумаем над этим, — хором заявили Здравомыслие с Глубокомыслием. — Если бы повсеместно попадались говорящие морские обитатели, мы бы об этом знали, так что этот какой-то особенный для тебя».

Откуда-то издалека, словно отголосок океана времени, раздался голос: «Тиффани Болит — лучшая среди всех пастухов, потому что ставит нужды других превыше личных...»

Корона потеплела в ее руке, и из ее глубины проникло золотистое свечение. Передававшаяся из поколения в поколение фамильная реликвия Болитов: от Бабули Болит — Джо Болиту, а теперь доставшаяся Тиффани...

Внезапно море исчезло, и она снова оказалась посреди темноты, но магия не исчезла, и она увидела, как медленно, очень медленно из почвы над ракушечником появляются кости, сближаются и становятся... двумя фигурами.

Гром и Молния! Бабулины овчарки. Лучшие овчарки на свете. Лучшие для лучшего в мире пастуха.

И вот они уже сидят у ее ног, прижав уши, и Тиффани чувствует, что может протянуть руку и почти коснуться их. Почти. Но нельзя. Потому что если она это сделает, станет частью их... не затянет ли ее саму в землю, и не останутся ли ее кости там лежать навечно...?

— Рядом, Гром. Стой смирно, Молния, — подбадривая себя, она прошептала знакомые команды.

А потом вдруг проснулась в знакомой комнате. Ты лежала поперек ее ног, а с соседнего дерева в окно за ней наблюдали совиные глаза.

И кто-то стучал в окошко.

* * *

А полная луна величественно сияла над каменным кругом, освещая путь своим своенравным детям, пустившимся в путь в ее блеске...

Глава 18

Венец пастуха

В окне появилось лицо Роба Всякограба:

— Брюквы всходят до нас, госпожа Тиффани. Почалось!

— Значит, кричите: «Кривенс!» и созывай клан! — приказала Тиффани, видя как из-под кровати, откуда они следили за ней, выскакивают фиглы. Один даже прятался в ее ботинке... сейчас он запутался в шнурках с воплем: «Так-растак! Замуровали, брюквы плюгавые!»

«Ботинки! — подумала Тиффани. — Нужно было захватить на бой ботинки Матушки Ветровоск. Они бы придавали мне сил». Но потом отбросила подобную мысль: «Нет. Это моя земля. Плоть от моей плоти. Мои ноги, мои ботинки и мой собственный путь...»

И поспешно натягивая платье, не переставала себя мысленно ругать, пожалев, что не спала прямо в одежде: «Ну, что я за лидер за такой?»

Нагнувшись за ботинками, она почувствовала в кармане своего лучшего черного платья оттягивающий карман вес... откуда она достала пастушью корону, которую думала оставила на полке. Может она просто забыла, как сама переложила ее потом перед сном? Как раз на подобный случай?

Повернувшись лицом к луне, она спросила:

— Что такое венец пастуха? Кому он служит?

И в ответ прямо в ее голове услышала: «Тиффани Болит. Земле под волной».

Она быстро обмотала вокруг короны кожаный ремешок и завязала ее на шее. С ее силой она вступит в бой. В ней заключена сила многих поколений Болитов. И Бабули Болит — лучшего пастуха на все времена.

Затем она сбегала по темным ступеням вниз и выбежала за дверь, заперев ее за собой. И ничуть не удивилась, увидев сидящую рядом с помелом довольную и мурлыкающую Ты. Из амбара как раз появилась Ночная тень в сопровождении Двинутого Крошки Артура.

А потом под уханье своих ночных пернатых союзниц она летела сквозь серебристую темноту с эльфом за спиной на облепленном помеле, с прутьев которого гроздьями свисали фиглы...

В это самое время в Ланкре Нянюшка Ягг спала, и ее храпом можно было валить деревья. Внезапно раздался негромкий хлопок, который можно описать так: «Чпок!», и Грибо проснулся и, принюхиваясь, повел носом.

Нянюшка Ягг спала, не раздеваясь. В конце-то концов, решила она, кто знает, когда именно заявятся эти эльфы?

— Грибо! Быстро звони в колокол! — крикнула она коту.

Тот внезапно исчез, но был виден его размытый силуэт спешащий на большой скорости к замку. Его запах, который было невозможно ни с чем перепутать, следовал за ним. Едва часовой заметил бегущего кота, как бросился следом к колокольне.

Едва прозвучал главный колокол, как замок мгновенно осветился в каждом окне зажженными свечами, а следом за ним осветился и соседний город Ланкр. Колокол! О какой опасности он предупреждает?

В королевской опочивальне королева растолкала все еще продирающего глаза короля со словами:

— Веренс, дорогой, не поможешь мне облачиться?

В ответ король вздохнул:

— Послушай, ну почему я не могу оправиться с тобой? Ведь там может быть опасно.

Маграт улыбнулась. Такой улыбкой улыбаются любимым, но назойливым мужьям. Это был старый спор.

— Кто-то же должен остаться дома, — ответила она. — Все как в шахматах. Королева должна спасти короля.

— Да, дорогая, — сказал король и открыл шкаф, в котором хранились доспехи Королевы Инчи. Инчи Вспыльчивая была самой свирепой королевой-воительницей Ланкра. Так утверждают предания, даже если ее на самом деле не существовало. Но народ Ланкра не позволял такой незначительной детали помешать включать ее в официальную историю страны, поэтому данный комплект доспехов был создан в полном соответствии с созданным образом. Маграт надевала эти доспехи во время прошлого нашествия эльфов, так что было бы правильно надеть их сейчас.

Когда дверь открылась, Маграт показалось, что она расслышала едва слышный сигнал «к оружию!». Доспех жил собственной жизнью и всегда ярко блестел, даже в крошечной темноте. Веренс помог ей облачиться в кольчугу, которую Маграт мысленно называла «ночнушкой»,^[64] потом сунула ноги в тяжелые сандалии с шипами, и водрузила на голову крылатый шлем. Финальным штрихом стала кожаная перевязь.

Веренс хотел было обнять ее, но передумал. В ее костюме было слишком много шипов. Но он любил свою супругу до беспамьяства,

поэтому снова вызвался поучаствовать в предстоящей схватке.

— Маграт, любимая, — прошептал он: — как-то обидно выходит, что король не может участвовать в сражении.

— Веренс, ты хороший король, — твердым голосом ответила супруга: — Но это ведовские дела. Кроме того, кто-то же должен присматривать за поданными и нашими детьми. — Королева — точнее Маграт — чуть покачнулась под весом доспехов и беззвучно прошептала небольшое заклинание: «Королева Инчи, величайшая из королев, сделай мои доспехе легче». И, внезапно, она почувствовала себя сильнее — гораздо сильнее, чем когда-либо прежде.

Взяв в одну руку арбалет, а в другую — помело, она почти спорхнула по лестнице в главный зал замка к остальным ведьмам, которые по большей части оставались еще неглиже и воззрились на нее с диким изумлением. Дикое изумление может принимать различные формы, и каждая из ведьм, многие из которых еще были в подштанниках, изумилась королеве по-своему, и эти изумления остались висеть в воздухе под стропилами.

Голосом королевы Инчи Маграт прокричала:

— А-ну, подъем, девушки, и в атаку! Все началось, дамы, так что надевайте свои самые крепкие подштанники и готовьте метла к бою! — Она перевела взгляд на единственную полностью одетую ведьму, опрятную и даже щеголеватую, к общему стыду, и всего за три минуты. — Это касается и вас, миссис Ирвиг.

В задних рядах послышалась тихая возня и внезапный грохот, в результате которого целая группа ведьм очутилась на полу.

— Что случилось? — выкрикнула Маграт все еще голосом королевы Инчи.

— Да это все Высоко-Худая-Низко-Толстая Салли! Она умудрилась сунуть обе ноги в одну штанину! — ответила миссис Прост. Ставшую низкой и полной, как низко идущий грозовой фронт, Высоко-Худая-Низко-Толстую Салли дружными усилиями быстро подняли на ноги.

Мисс Ирвиг с довольно самоуверенным видом объявила:

— Я просмотрела мои диаграммы. Знамения благоприятные.

— Что ж, у нас знамения десятков за копейку, — объявила миссис Прост. — У нас их навалом. В конце концов, мы все ведьмы.

Тут дух королевы Инчи вселился в Маграт, которая объявила:

— По метлам!

В старом амбаре господина Обьезда Мефистофель осторожно потрогал спящего Джоффри копытцем. Юноша подскочил на соломенной циновке и увидел, что старики, тоже расположившиеся на бивуак в амбаре, уже встали, слегка поскрипывая, и готовятся к предстоящему бою, справляя нужду в ведро.

Джоффри огляделся. Большую часть прошлого вечера они провели, бражничая и обсуждая прежние деньки, когда они были молоды, привлекательны, бодры телом и должны были так часто бегать, чтобы отлить.

Им удалось уговорить жен их отпустить, так что те думали, что они просто собрались в амбаре вместе выпить. Но жены есть жены, поэтому они снабдили их теплыми шарфами, вафельками на веревочках и шерстяными шапками, кстати, с помпонами.

Наконец общепризнанный военный вожак капитан Миротворец объявил:

— Пора выдвигаться и вытащить хитроумное приспособление нашего Весельчака на свет.

Джоффри оглядел воинство и мысленно вздохнул. Справятся ли они? Они все пожилые люди. Но потом все-таки решил, да — они пожилые, и таковыми являются уже сравнительно долго, а это значит, что они много чего знают. Например, как лгать, строить каверзы, и, что более важно, они умели притворяться.

— Мы будем сражаться в горах. Мы будем биться в скалах. Мы мы будем биться на холмах и в долинах.^[65] Мы не сдадимся!^[66] — проревел капитан Миротворец, и ему бодро ответили.

— Это им точно не понравится! — крикнул Вкус Дрожачкин, весьма неуверенно, оправдывая свое имя, размахивая ржавой штуковиной, похожей на штык. — Уж будьте уверены! Не понравится!

Когда Джоффри запряг Мефистофеля в тележку, наполненную таинственными свертками, которые сложили туда старички перед началом гулянки, козел заблеял, и они вместе вышли из амбара.

Капитану Миротворцу не было нужды предупреждать свой отряд сохранять скрытность. Они и так были незаметны. Вот со скоростью были проблемы. Поэтому они скрытно добрались до роши, а оттуда туда, где они спрятали устройство господина Обьезда, прикрыв его для маскировки ветками.

Джоффри смотрел, как они выталкивают проект господина Объезда на поляну. Он выглядел злоеще, стоя в окружении кустов словно притаившееся насекомое.

Навострив свое смертоносное жало...

* * *

В это время у круга стоячих камней более известного как Плясуны лорд Длинноног праздновал победу. Его эльфы отплясывали вокруг камней, шныряя туда-обратно сквозь границу, метафорически говоря, натягивая носы самым известным камням — Дудочнику, Барабанщику, Попрыгунчику.

— Никого нет! Нас не ждут! — со злорадством произнес он. — Глупые людишки. Стоит нам пересечь лес, мы всеми силами ударим в самое сердце Ланкра. И нам поможет союзник — полная луна.

Итак, в серебристом лунном свете эльфы начали спускаться с холма к лесу, позвякивая колокольчиками конской сбруи.

Но стоило им приблизиться к первым деревьям, из-за них на тропу вышел молодой человек с каким-то животным. Это оказался козел.

— Кто ты, мальчик? — скомандовал лорд Длинноногю — Подвинься. Ты загораживаешь дорогу эльфийскому принцу. Убирайся, или я рассержусь.

— Правда? — ответил Джоффри. — Не вижу причины, почему мне стоит это делать. Вот вам мой совет: разворачивайтесь, сэр, и ступайте своей дорогой, иначе пожалеете.

Лорд Длинноног громко рассмеялся:

— Мы захватим тебя с собой, мальчик, и когда вернемся испробуем на тебе все самое ужасное. Ты примешь муки за свое упрямство воле эльфийского принца.

— Почему же, сэр? Разве я причинил вам вред? У меня нет оружия. Быть может мы спокойно поговорим? Кажется я вас расстроил, и за это мне очень жаль. — Джоффри сделал паузу. Он пытался создать чувство примирения между ними, но это было все равно, что уговаривать скалу сдвинуться с места. Закончил он словами: — В конце концов, мы оба цивилизованные люди.

— Ты, мальчик, только что наступил на хвост змее, — взвизгнул лорд Длинноног.

— Какая чушь, — спокойно ответил Джоффри. — Я вас знаю, мистер.

Знаю таких, как вы. Вы — задира. И мне они отлично известны! Всю свою жизнь я встречаю подобных вам. И поверьте, вы не самый худший из них.

— Ты полное ничтожество. Мы все равно тебя убьем. И, кстати, зачем тебе козел? Какое тупое животное.

Джоффри почувствовал, что закипает. Он стал бесполезным, червяком. Не-у-дач-ни-ком. Бессильным, Ребенком... и когда эльф снова заговорил, Джоффри услышал мысленное эхо. На сей раз это был отцовский голос: «Даже если я позволю тебе жить, ты так и останешься ничтожеством». И он застыл на месте.

— Уже расплакался, малыш? — вкрадчиво спросил эльф.

— Нет, — ответил Джоффри: — Но вам предстоит. — Он разглядел вспышку красного лисьего меха в наряде на груди у эльфийского лорда, и почувствовал нарастающий в груди гнев. — Мы не предмет вашего... развлечения, — выпалил он, огромным усилием воли отшвыривая прочь эльфийские чары.

Он прицелкнул зубами, и Мефистофель атаковал.

Это было похоже на быстрый балет. «Ночной барабан» прыгнул с опасными последствиями. Сперва он впился зубами, потом сильно лягнул ногами, и, наконец, боднул рогами. Пинаемый и избиваемый со всех сторон лорд Длинноног крутился в воздухе, и остальные эльфы посторонились, избегая бушующего шторма.

— Вы просто шулер, — сказала Джоффри побитому принцу. — И я знаю в чем секрет. — Потом он крикнул: — Он повержен, джентльмены. Пора выставить его прочь.

Ветки раздвинулись, господин Объезд выкрикнул:

— Держите шапки, ребята, и закройте глаза, — хитроумное устройство проскрипело и выбросило в воздух облако сверкающей стружки, отовсюду несущей эльфам смерть.

— Ух ты! Как им это не нравится! — воскликнул Вкус Дрожачкин. — Точно. Не нравится!

— Стружка, — одобрительным тоном произнесла Нянюшка Ягг, поджидавшая с миссис Ирвиг и остальными ведьмами в другой части леса, приготовившаяся к тому, что капитан Миротворец назвал «эльфийским наступлением». — Кусочки железа. Очень маленькие. Весьма хитроумно. Осыпайте ими эльфов, и для них мир превратится в мучение. Мелкие кусочки железа повсюду. И я подчеркиваю слова «повсюду».

Машина проскрипела снова. И снова. Каждый залп сопровождался старинным боевым кличем, который даже мог бы посоперничать с каким-нибудь фигловским. Сегодня старички были молоды как никогда.

И эльфы дрогнули и в ужасе с воплем побежали прочь — проклятый метал как метлой прогнал все чары, заставив их корчиться от боли. Большая часть бросилась обратно к Плясунам, а та что избежала стружки — оказалась зажата между ведьмами.

С одной стороны на них наступала Маграт, превращая жизнь выживших в мало сопоставимую с жизнью: доспех защищал ее от чар, в одной руке она сжимала арбалет, выстреливая одну смертельную стрелу за другой, другой рукой насылала на их огонь, и те из них, кто отправился в бой, оседлав сплетенных из соломы волшебных скакунов, попадали на сырую землю, лишившись транспорта.

С другой — на них нападала миссис Ирвиг. Вот с ней-то они совсем не знали как справиться. Она кричала на них как школьная директриса — и они абсолютно ничего не могли ей противопоставить. Она была невосприимчива к чарам. А еще у нее в руке был зонтик... который доставлял им удивительно много неприятностей, попадая железным концом в самые уязвимые места.

— Я вам покажу волшебство! — выкрикивала миссис Ирвиг, словно вихрь крутясь между эльфами, и когда они оказались повержены, Высоко-Худая-Низко-Толстая Салли стала по-настоящему толстой и тяжелой, и уселась на них сверху и попрыгала. Миссис Прост испытывала на противнике свои новинки, и те работали согласно рекламному объявлению: улавливали эльфийские чары и обращали их против них самих.

Юные ведьмочки тут и там вступали в бой, пикируя с воздуха и швыряя заклинания в каждого замеченного ими эльфа: обжигая пламенем, швыряя пыль, целы облака пыли, в глаза лошадей, насылая на них безумие и заставляя их сбрасывать седоков на землю. Тут наступал черед Нянюшки Ягг пустить в ход свои знаменитые ботинки. С торчащими отовсюду железными гвоздями.

Петулия оказалась лицом к лицу с эльфом, и начался совсем иной вид борьбы: эльф пустил в ход все свое очарование, воздух между ними замерцал от накала чар, а Петулия отвечала тихим голосом, подкрепленным железной волей, гипнотизируя эльфа непреодолимой скукой, как не раз она утомляла возлюбленных ею свиней, убаюкивая его, пока он не упал замертво к ее ногам.

— Ха! Легче легкого! — воскликнула Петулия, разворачиваясь к следующему противнику: — Они куда глупее хрюшек.

В перерывах вступал в дело Ходжесааргх со своей любимой соколицей леди Элизабет, потомком знаменитой леди Джейн. Сняв с нее колпак, он спустил ее с руки, и птица с радостным кличем взмыла в воздух и

спикировала на ближайшего эльфа, вцепившись в его лицо между глаз острыми когтями. А потом пустила в ход клюв...

Битва за Ланкр закончилась довольно быстро. Королева Маграт согнала перед собой всех выживших эльфов:

— Даже гоблины куда умнее вас, — заявила она им, стоя в своих покрытых шипами доспехах, сверкая в лунном свете серебристыми крыльями на шлеме: — Теперь они трудятся вместе с нами. У нас на всех хватит работы. Вы тоже могли бы принять участие. А теперь, убирайтесь обратно в свой жалкий мир. И возвращайтесь как добрые соседи или — не возвращайтесь вовсе.

Эльфы покорно склонились, но лорд Длинноног, который от железной стружки теперь выглядел покрытом кровавыми нарывами оборванцем, презрительно фыркнул на них за подобную покорность:

— Возможно вы выиграли битву, но не войну, — прорычал он. — Вот увидите, лорд Цветок Гороха заставит ваш мир нам покориться.

И они исчезли.

Нянюшка Ягг восприняла его речь очень серьезно:

— Все именно так и есть, девочки. Мы каждый раз их побеждаем, а они все время возвращаются. Может стоит над этим задуматься? Может нужно держать ухо востро, не почивать на лаврах? Нужно постоянно заниматься, не забывать про драку. В конце концов, жизнь — это борьба.

Тут они услышали, как старички маршируют, взбираясь на холм, распевая солдатскую песню, и рассмеялась: «Жила-была одна деваха в Квирме, ее зад не помещался за ширмы...» К счастью их капитан мгновенно вспомнил каков был конец этого куплета, и тут же прекратил песню.

— Они ведь явились через Плясунов? — спросил у Нянюшки подошедший капитан Миротворец: — Давайте насыпем вокруг них круг из стружки. На том их веселье и кончится. Останутся заперты навечно.

— Что ж, для начала, это было бы неплохо, — согласилась старая ведьма.

* * *

В одном лорд Длинноног был прав. Хоть эльфы и проиграли бой в Ланкре, война еще была впереди. За много-много миль от Ланкра — на Мелу — лорд Цветок гороха во главе своего воинства направил свою лошадь сквозь каменное кольцо.

Весь курган Нак Мак Фиглов напоминал разворошенный муравейник (вы можете даже назвать его так, но только не на глазах у фиглов, если не хотите собирать зубы с пола) — суета царила точно такая же. Они собрались на бой все, кто мог ходить, от подростков до старичков. Все кипело и шумно бурлило. Можно даже сказать, что авангард уже выкипал, но это было обычным явлением для фиглов, как и стычки между ними, что, как известно, просто их собственный способ зарядки.

Стоило Тиффани с Ночной тенью появиться на кургане, как все дружно направились к камням.

Эльфы прорвались за ворота.

Великолепная кавалькада сияющих в лунном свете лордов и дам направилась вниз. Воздух был наэлектризован их чарами.

Мисс Тик ждала рядом с доской, которая была приделана к связанным между собой в виде подставки палочкам. На доске был начертан ПЛН. С упорством и терпением истинного учителя, не позволяющего любим неприятностям отвлекать ее от процесса обучения в середине урока, мисс Тик назидательным тоном привлекала к себе внимание юных фиглов привязывая сложную, тщательно выверенную конструкцию из петель и узлов к своему помелу.

— Хорошенько запомните, мне нужно, чтобы вы ничего не отвязывали, — настойчиво повторяла она.

И вот, спустя несколько минут завязалась битва. Нет, не так. БИТВА. В воздухе зажужжали электрические разряды, и Тиффани поняла их источник. «Как же глупы эти эльфы, решив напасть в самый разгар грозы, — подумала она: — Похоже они забыли, как совсем недавно я побила их с помощью грома и молний». Небо потрескивало. Волосы на ее голове распушились. Она повсюду видела признаки приближающейся страшной грозы.

Как только Ужасный Билли Подбородище подул в мышлинку, нанеся страшный урон утонченному эльфийскому слуху, из долины Двурубах раздался отдаленный рев паровозного гудка. Это был вопль железного чудовища, означавший: «В моем мире нет места эльфам!»

Фиглы и эльфы схлестнулись, и ни одна из сторон не желала уступить ни пяди. Тиффани видела, что фиглы используют свою излюбленную тактику, которая включала шныряние в одежде противника и бой с ним в стесненном пространстве штанов. Что по-настоящему могло взбесить эльфа, так это порванная одежда, но и синяк под глазом не добавляет привлекательности, верно? С фингалом трудно поддерживать изысканный вид, согласилась Тиффани.

Внезапно она расхохоталась до слез. Давненько Гораций^[67] не ей попадался на глаза, и вот она заметила, как он тяжело перекачивается, давя всех павших эльфов. А распластанных после него врагов тяжелыми ботинками добивают младшие фишлы. Еще они бросали в воздух те забавные рогатые дубинки, что, весело крутясь в воздухе, били эльфов по головам, и возвращались по кругу к владельцу для нового раунда. В самой гуще схватки вместе с братьями сражалась Мэгги! И она дралась даже отчаяннее их. Она казалась крохотной копией королевы Инчи. Дочка наибольшего фишлов словно ждала чего-то подобного, чтобы доказать — пусть каждый вставший у нее на пути враг трепещет. Это был крохотный шаг для фишла, но гигантский для всего сообщества женщин фишлов!

Мисс Тик летала над головами со странной авоськой, привязанной к помелу, битком набитом молодыми фишлами. Она дергала завязки узелков одни за другими, и маленький свободный народец шмякался на головы эльфам. Бамс! Чпок! Шмяк! И следом за этим от эльфа раздавалось: «Ааа!»

Кроме того, у ведьмы были небольшие пузырьки с всевозможными зельями, которые она с большим удовольствием выливала на головы эльфийских лошадей. Стоило зелью попасть куда нужно, следовала небольшая пауза, необходимая для всасывания, затем глаза лошади закатывались, следом заплетались копыта, и она плюхалась на землю вместе со всадником, которого тут же облепляли фишлы.

В это время как раз прибыла верхом на лошади вызванная Хэмишем решительно настроенная Летиция в надетой поверх платья кольчуге. Ей каким-то чудом удалось проскакать насквозь порядка эльфов — в этом была какая-то особая магия, словно она была воплощением богини воды, которая появляется всюду, бессмысленная и беспощадная, и которую невозможно остановить. Внезапно те эльфийские лошади, что еще держались на ногах, увязли в болоте, и тут уж фишлы постарались, чтобы там они и остались.

И все равно, создавалось ощущение, что несмотря на все усилия фишлов, мисс Тик и Летиции, эльфов не удастся одолеть. Несмотря на то, как ловко свободный народец проникал под одежду врага, Нак Мак Фишлы были в шаге от поражения.

Ночная тень указала на сидящего на вороном жеребце их лидера, и Тиффани спикировала на лорда Цветок гороха. Увидев выражение ее лица, его приближенные рассыпались в страхе.

Но лорд Цветок гороха лишь рассмеялся:

— А, деревенская девчушка! Как приятно снова тебя увидеть!

Она почувствовала, как сжимаются тиски его чар, но ярость

великолепное оружие, и ей было сильно ненавистно это улыбающееся лицо. Оно было эгоистичным. Любило лишь себя.

— Цветок гороха очень глупое имя для столь важного эльфа, — довольно задиристо ответила она.

Вдруг эльф ловко спрыгнул на землю и очутился прямо перед ней с саблей в руке — улыбка пропала, уступив место злобе.

Но тут раздался голос:

— Не тронь ее, Цветок гороха!

И ему дорогу заслонила Ночная тень полностью восстановившая свое очарование — ее волосы в лунном свете искрились серебром, отросшие крылья расправились. Она снова держалась как королева, и медленно обводила взглядом воинов, стоявших за спиной коварного лорда, и столь велика была ее сила, что даже фишлы замерли в немом молчании.

— Отчего вы следуете за этим... предателем? — строго спросила Королева: — Я ваша законная королева, и я говорю, вам следует остановиться. Есть и другие... способы, — в облегающем гибкое тело бархатном наряде она вышла на прогалину. — Совсем недавно я это поняла. А эта девушка, — она указала на Тиффани: — мой друг.

Потом случилось такое, чему Тиффани никак не могла помешать.

— Друг? — выкрикнул Цветок гороха. — У эльфов не бывает друзей.

Он взмахнул саблей, и она с ужасным свистом пронеслась сквозь тело Ночной тени. Королева упала к ногам Тиффани, в последний раз дернулась, расставаясь с жизнью, промелькнули мириады лиц и образов, появляясь и тут же исчезая, пока она не замерла навечно, превратившись в жалкий трупик. Тиффани в ужасе отшатнулась. Цветок гороха только что убил королеву фей!

И что еще хуже, ее друга!

Цветок гороха с довольным злым и беспощадным лицом повернулся к ней со словами:

— Вот и нет у тебя друга!

Внезапно воздух заledenел:

— Ты убил одного из своих сородичей, только чтобы досадить мне, проклятый эльф, — ледяным тоном, несмотря на кипящий внутри обжигающий гнев, произнесла Тиффани. — Она хотела узнать, каким может быть союз между людьми и эльфами, а ты ее убил.

— Ты просто глупая малявка! — бросил в ответ Цветок гороха. — Считаешь, что можешь меня победить? Какая глупость! Нам эльфам хорошо известно о ведьме, которая однажды оказалась в нашем мире... но ты, ты всего лишь дитя, раздутое от собственной гордости, потому что тебе

однажды посчастливилось одолеть поверженную королеву... — он бросил взгляд на жалкие останки бывшей королевы фей: — а теперь, я тебя убью, как и твоего друга. — Прорывав последнее слово, он метнул в нее всю силу своих чар, пытаясь проникнуть в голову Тиффани и ее мысли.

Тиффани содрогнулась и припомнила слова Нянюшки Ягг: «Матушка Ветровоск как-то сказала мне о тебе, что у тебя большое будущее. Быть „молодой“ значит, что все будущее у тебя впереди». Что ж, кажется Матушка Ветровоск ошиблась, и у нее нет будущего.

Она всех подвела.

Она пыталась управлять сразу двумя владениями разом, и всех подвела...

Она ходила просить Короля эльфов, и он ей отказал...

Она хотела стать другом Ночной тени, и вот она погибла...

Она вышла на бой с грозным эльфийским лордом, и он вот-вот ее убьет...

Она заслужила смерть...

Она одна...

Вдруг она подумала: почему это она заслужила смерть? И вовсе она не одна. И никогда не будет одной. Особенно, пока под ногами у нее ее земля. Ее земля. Земля Болитов.

Она — Тиффани Болит. Не Матушка Ветровоск, а другая полноправная ведьма. Ведьма, которая знает себе цену, и как ей самой вести свои дела. По-своему. И нисколько она никого не подвела, потому что все только начинается...

Тиффани выпрямилась во весь рост. Ледяная и кипящая огненным гневом.

— Ты назвал меня деревенской девчушкой. И я подумаю, в какой деревне тебя схоронить.

Сейчас с ней напрямую говорила сама земля, наполняя ее силой, отшвырнув эльфийские чары, словно они были ничего не значащей пылью, и воздух затрещал словно в преддверии удара молнии. «Да!» — подумала Тиффани. Гром и Молния. Две овчарки давным-давно издохли и были закопаны на холме рядом с Бабулей Болит, но их сила была при ней.

Поэтому она встала крепко на земле, нащупав ногами почву и слыша подошвами шелест древнего океана. Земля. Вода.

— Гром и Молния! Я призываю вас! Воздух и Огонь! — подняв руки, выкрикнула она. Стоило ей втянуть в себя их силу, как раздался грохот, сопровождаемый вспышкой света. Венец пастуха на ее груди вспыхнул золотом светом — и в его центре, в центре ее существа и ее души также

вспыхнула золото и, поднявшись, окружило ее защитным кольцом, добавив к ее силе свою.

Небо расколосось пополам.

Еще никто не видел подобной бури. Она была воплощением возмездия, и эльфы в страхе бежали от нее прочь со всех ног, точнее пытались, потому что им мешали фиглы — а Свободный народец очень не любит эльфов. Оказавшись посреди свирепства стихии и резни Тиффани показалось, что она полностью утратила контроль над происходящим. Она была лишь орудием гнева Мела.

Земля содрогалась, сотрясалась подобно раненому зверю на привязи, желающему освободиться. А венец пастуха на ее груди сиял словно живое существо.

Венец пастуха, а не корона какого-нибудь короля.

Венец для того, кто знает свои корни.

Венец для одинокой молнии, прорезающей ночное небо в поисках заблудившегося ягненка.

Венец пастуха, который охраняет стадо от хищных тварей.

Венец пастуха, которому служат лучшие на свете овчарки, о которых только можно мечтать.

Венец пастуха.

И Тиффани услышала это снова: «Тиффани Болит — лучшая среди всех пастухов, потому что ставит нужды других превыше личных...»

Король пастухов.

Нет... королева.

Она почувствовала, что должна извиниться перед короной. Извиниться за то, что эти эльфы пробрались в ее мир, и угрожают ее земле, поэтому она прошептала: «Я, Тиффани Болит, и мои кости часть Мела. Пусть Мел очистится!»

И мир изменился.

* * *

В Анк-Морпорке самая умная машина на свете Гекс выдал Думмингу Тупсу свои расчеты, и тот увидел подчеркнутый дважды ответ...

* * *

Молитвенное колесо в монастыре монахов времени принялось вращаться, и монахи склонились в почтении...

* * *

Маленький мальчик, странствующий по свету со своей матерью, взял ее за руку со словами:

— Мамочка, самое большое зло ушло... — в ручке он держал деревянную модель поезда, а на плече нес крохотную сумку с инструментами. «Наверное, — подумала его мать, — в новом мире, став взрослым, он станет инженером».

* * *

В стране Фей внезапно раздался «Чпок!», словно связь, существовавшая между двумя мирами, вдруг лопнула...

* * *

Но бой не стихал... тяжело остановить фигов, когда они влезли в драку. Тиффани шла мимо сражающихся словно во сне. Эльфы пытались сбежать, но земля словно удерживала их на месте. Тиффани прошептала: «Я прошу Мел доставить мне Короля эльфов!»

Тяжелая пляска земли изменила характер.

Поднялся столб пыли, и внезапно появился Король эльфов — волосатый, безошибочно рогатый, и вонючий. Ох, ну это был и запах! Он жил собственной жизнью. «Но, — подумала Тиффани, — это мужской запах жизни».

Огромное тело наклонилось над ней:

— А вот сейчас, мисс Тиффани, не могу сказать: «Со свиданьем!» — сказал Король. — Но должен признать, вы... меня удивили. Вам уже удавалось это в прошлом, — улыбнулся он. — Какой приятный подарок вы мне оставили. Как там вы называете то место? Сарайчик? — в его голосе прозвучало, как он заинтригован.

— Это такое место... для разных интересов. Там можно найти любое будущее, — объяснила Тиффани. — Место, которое могут помнить те, кто

живет очень долго.

— У меня много воспоминаний, — ответил Король. — Но я не предполагал, что у вас есть сила предложить мне что-то новое для развлечения, что-то интересненькое. Немногие в этом, да и в других мирах способны на подобное.

«Что ж, — подумала Тиффани, — вот и Король эльфов увидел во мне не только девушку». Сейчас он относится ко мне с уважением. Но и он заслужил ответного уважения, поэтому она поклонилась ему — совсем немного. Чуть-чуть.

— Прошу прощения за сорвиголов из моего королевства, — неторопливо продолжил он протяжно и очаровательно. — Мне кажется, они весьма назойливы. И вы, похоже, того же мнения. — Он посмотрел на дрожащего Цветок гороха, и тело Ночной тени. — А ты, эльф! Ты посмел убить мою королеву! Мою жену, Ночную тень, просто так, — рыкнул он. И, выпрямившись, Король ударил Цветок гороха один раз, и сразу насмерть — оставив валяться его труп. И такое беззаботное и привычное применение насилия с его стороны, несмотря на все, что она знала об эльфах, глубоко потрясло Тиффани. — Прошу прощения за свой поступок, — продолжил он, — но они иначе не понимают. Вселенная меняется. Она изменилась, и нам, эльфам, придется приспособливаться или уходить. У вас здесь хороший мир, госпожа Тиффани, — он поежился, — какая жалость, что в нем есть железо. Но, возможно, вселенная вновь изменится, госпожа Тиффани, и мы встретимся снова, в другое время и при более приятных обстоятельствах.

— Да. Все может быть, — сказала Тиффани, и добавила твердым голосом: — А теперь, покиньте мою землю. — В воздухе раздался пронзительный свист, которому следовал скрежет утреннего поезда, отправляющегося со станции в Двурубахах. — Слышите, ваше величество? Это утренний пять-двадцать пять на Ланкр. Это наше будущее, милорд. Оживший металл, так сказать.

— Эти механизмы очень интересны. В моем сарайчике есть разные инструменты, и я размышляю, нельзя ли... построить эти «поезда», не используя железо, — мечтательно произнес Король. — Я существо волшебное, так что то, что я пожелаю должно исполняться.

— Вряд ли получится, — ответила Тиффани. — Железная дорога не для вас.

Когда он исчез, ей показалось, что у него был задумчивый вид.

Когда последний прихрамывающий эльф улизнул в родной мир, Тиффани повернулась к Робу Всякограбу и тихо сказала:

— Роб, давайте похороним леди Ночную тень там, где она умерла. Я отмечу это место пирамидкой из камней. Мы будем помнить этот день. И будем помнить ее. — И тихо добавила в основном для себя: — Мы должны помнить.

Глава 19

Мир

Когда утро превратилось в день фиглы начали собирать праздничный пир, на котором обычно конечно же выпивали, ели, еще больше выпивали и ввали о подвигах, которые чаще всего были гораздо больше самих рассказчиков.

— Ну чо, мисс, аль мы внове не спобедили? — спросил Роб Всякограб Тиффани. — Айда с нами в логовище! Джинни захотит глянуть на твое светлое личико.

Поэтому Тиффани протиснулась внутрь кургана, внутреннее пространство которого с тех пор, как она была здесь в прошлый раз кажется снова увеличилось. Огромная пещера была переполнена прыгающими фигурками и взметающимися килтами танцующих фиглов — они очень любили танцы, и топот их ботинок был сродни вызову стихии и грозил вызвать землетрясение. Еще бы — ведь каждый фигл должен был дать знать другому, как здорово он наподдал эльфам.

Все до единого юные фиглы хотели поведать Тиффани — карге их холмов — о том, какими они были храбрыми. Когда они окружили ее со всех сторон, Тиффани спросила, как их зовут.

— Мал Каллум, мисс, — ответил чуть застенчиво один.

— Очень рада знакомству, — ответила Тиффани.

— Ага, мисс, а енто мой брат, Каллум.

— Как, вас двое? Разве это не вызывает путанницы?

— Ой, да нет. Я ж ведаю, хто я есть, и он — тож, а промеж и остатние братцы Каллумы тож.

— И как, тебе понравилось сражение?

— О, да! Крепко мы им насували. Верзины, знашь, дюже легкая мишеня. Об него можно спользовать все, что годно — дубины, копия апрещь топоры, и конешна ножищи. Стоит трем из нас приземлити енту брюкву — тут-то боты и сгодятся.

* * *

Тем временем старички бодро маршировали по долине.

Они затянули новую песню, которая начиналась с таких слов:

— Эх-ма! Эх-ма! По душе нам война!

И с каждым куплетом, и с каждым шагом они чувствовали себя сильнее, и их спины выпрямлялись.

* * *

Эх-ма! Эх-ма! По душе нам война!

Не под-вели, не под-вели, ко-ро-ля!

Мы отби... мы отби... мы отби-ли врага,

Чтоб не лез, чтоб не лез, к нам не лез никогда!

И те, у кого были жены, по прибытии расцеловали своих жен, а те в ответ со всей страстью своих мужей — впервые за долгие годы — а потом все отправились в бар, чтобы обменяться с друзьями новостями.

Вскарабкавшись на столбовой камень с весело плещущей пинтой в руке, капитан Миротворец объявил:

— Жители Ланкра! Наша доблестная, хоть и прискорбно престарелая кучка храбрецов доблестно отбила нападение ужасных эльфов. Кто-то считал нас стариков бесполезными, но мы не такие. Мы многое повидали. Мы и сами считали себя старыми, но сегодня мы поняли, что мы все еще молоды!

И по кругу снова стали наливать. И снова, и снова. И каждый желал встать с тостом, чтобы выпить за здоровье ветеранов, пока способных стоять совсем не осталось. Но это все равно не ослабило энтузиазма: «Не выпить ли нам еще по рюмашке?»

* * *

Когда луна возвестила пришествие следующей ночи помело Джоффри снова поднялось в воздух.

— Я до сих пор не понимаю, как тебе это удастся?! — крикнула ему Тиффани.

— Без малейшего понятия! А другим? — ответил он. — Давай спросим у других.

И в самом деле начали прилетать другие ведьмы во главе с Нянюшкой Ягг и Маграт. Пришло время заглянуть в будущее, в котором больше не было эльфов. А настоящее, что ж, настоящее было наполнено ведовскими

разговорами и сплетнями о двух случившихся битвах.

Роб Всякограб для ориентира развел костер, и Тиффани следила, как кружат подлетающие ведьмы, высматривая местечко для приземления и садятся одна за другой. Никто из них не стал оставлять помело свободно парить над землей, хотя, кажется такой фокус получался только у Джоффри.

— Интересно, не попытаются ли они снова к нам прошмыгнуть, — спустя какое-то время сказала Нянюшка Ягг. — Нельзя полностью доверять Старому рогачу. Готова поклясться, Тифф, он пытался тебя очаровать.

— Знаю, но я не очаровалась, — ответила она. — Особенно с тех пор, как погиб единственный эльф, пытавшийся стать лучше. Мы отметили ее могилу, Нянюшка. И если они попытаются вернуться, мы будем готовы. Мы можем окружить камни здесь на Мелу железом, как вы сделали в Ланкре. — Ее тон стал жестче: — Но теперь моя душа тоже стала железной. И вздумай они вернуться, им придется иметь дело с ней.

— Что ж, — сказала королева Маграт, — за последнее время мы так часто сбивали с них спесь, что скорее всего он сказал именно то, что думал. Не думаю, что они вернуться.

— Вот за это я с удовольствием выпью, — ответила Нянюшка Ягг.

Дамы, раз уж мы все собрались, — объявила Тиффани. — Я бы хотела поговорить с вами о Джоффри. Он был нам огромной подмогой, и насколько я знаю, вы все видели, как он помог превратить ветеранов в настоящее войско. Он не только умен и хитер, но и осторожен. Он умеет выслушать, и в нем есть магия.

— Что верно, то верно, — согласилась Нянюшка Ягг. — Джоффри всем нравится. Похоже он умеет понять всякого. Уж поверьте мне, даже старушки предпочитают обращаться именно к нему со своими жалобами, охами и ахами, и чем похуже. Он успокаивает людей. Вам это известно. Он сам само спокойствие, и оно остается даже, если он уходит. Он не просто вдохновляет людей. После того, как он уходит, они становятся лучше... словно жизнь вновь обретает для них смысл. Такие люди как Джоффри, делают мир лучше.

— Полностью с тобой согласна, — сказала миссис Ирвиг.

— Ты? Согласна со мной? — едва не онемела от удивления Нянюшка Ягг.

— Да, дорогая, это так.

«Наконец-то, — подумала Тиффани, — воцарился настоящий мир». И едва слышно произнесла: — Спасибо, Джоффри!

— Итак, мы собрались здесь, — громко продолжила она. — И я

должна признаться, что не справляюсь с владением Матушки Ветровоск. И я не стану больше спать в ее постели, потому что я — не она.

Нянюшка Ягг улыбнулась:

— Я бы сильно удивилась, стань ты ею, Тифф. Ведь ты всегда была самостоятельной женщиной.

— Мои корни здесь, на Мелу, и Мел придает мне сил, — продолжила Тиффани. — И как когда-то было с Бабулей Болит, мои кости тоже станут частью этих холмов.

Среди ведьм послышалось шушуканье. К настоящему времени уже все были наслышаны о Бабуле Болит.

— У меня уже есть свои ботинки. И раз уж я не хочу спать в матушкиной постели, то не должна носить ее ботинки.

Нянюшка Ягг рассмеялась:

— Тогда в следующий раз, Тифф, я их заберу. Мне ботики Эсме отлично знакомы, и я знаю одну молоденькую ведьмочу, кому они будут в пору.

— И раз уж мы заговорили о молоденьких ведьмах, — добавила Тиффани. — Мисс Тик нашла для меня несколько одаренных девочек. Я бы хотела отправить их в горы подучиться. Мне здесь скоро понадобятся помощницы.

Ведьмы дружно закивали. Разумеется. Так уж издавна повелось, что молоденькие ведьмы должны жить со старшими, чтобы учиться у них основам мастерства.

Тиффани набрала в грудь воздух:

— А еще я предлагаю, чтобы Джоффри от моего лица стал присматривать за домиком и владением Матушки Ветровоск, — добавила она, глядя на Нянюшку Ягг, и та подмигнула ей в ответ.

Потом она перевела взгляд на миссис Ирвиг, и с удивлением обнаружила, что та согласно кивает:

— Он очень достойный молодой человек, и мы все время внимательно наблюдали за его работой. А раз уж мы живем во время железных дорог, то и мы должны менять свои обычаи. Да, я верю, что господину Джоффри можно доверить присмотр за владением Матушки... Тиффани в Ланкре. Он не ведьма, но он далеко не простой помощник. — Тиффани видела, как работает мысль в голове у миссис Ирвиг, и была уверена, что в следующий раз, увидев где-нибудь молодую ведьму, следует оглядеться повнимательнее, вдруг где-то поблизости окажется молодой человек.

— А как же его назвать, Тифф? — произнесла вслух Нянюшка Ягг. — Успокоитель? Может так и оставить?

Тут захотела сказать свое слово Маграт:

— Веренс слышал от стариков, что за его помощь полагается награда. И мне кажется, я знаю, чем его наградить...

* * *

Вот так и получилось, что несколько недель спустя лорд Вертун сильно удивился, увидев своего третьего сына гордо скачущим по длинному-предлинному проезду бок о бок с герольдом^[68] под развевающимся на ветру стягом с королевским гербом Ланкра. Тот же герб был вышит по бокам на бархатной попоне Мефистофеля.

— Разрешите представить вам, посол Его королевского величества Джоффри Вертун, — протрубив несколько нот в рог, объявил герольд.

Матушка Джоффри была растрогана до слез, а его отец — на которого не действовала никакая магия спокойствия — внутренне вскипел от ярости, поскольку ему пришлось кланяться собственному сыну, которого он не хотел знать. Однако, против королевской власти не попрешь.

Кстати, это был вполне осмысленный деловой визит. После обычных в этом деле расшаркиваний, рукопожатий и преклонений колен, официальный королевский посол приступил к своим прямым обязанностям. Джоффри с улыбкой оглядел присутствующих и сказал:

— Отец, у меня потрясающие новости! Многие из сельских обитателей могут чувствовать себя обойденными из-за роста городов, но позвольте всех уверить, что проблема решаема. В последнее время произошли большие перемены, которые в основном связаны с... куриными бегами. Многие молодые люди в Анк-Морпорке... чьи родители способны простить им наличие некоторых собственных желаний, — и он со значением потрогал пальцем нос, подразумевая, что его отец поймет, кого именно он имеет в виду: — что для того чтобы уберечь своих кур вовсе не нужно тратить время на охоту за бедным старым лисом Рейнальдсом. — Он улыбнулся. — Они стали устраивать бега для кур, которые совершенно неуязвимы для лис. И вы отец, как знатный землевладелец, были выбраны одним из первых, кто сможет опробовать новое дело.

Его отец сильно удивился, а брат Хью воскликнул: «Ура!», совершенно непонятно почему, разве что кто-то должен был. Джоффри оглянулся на мать. Чаще всего она выглядела вечной смирившейся заложницей злой вселенной, которая постоянно наносит свой удар, но сейчас она стояла гордо с высоко поднятой головой.

— Гарольд, — с гордостью сказала она. — Посмотри, как преуспел наш сын, и сам король воздал ему почести и принял как друга. И не смотри на меня так, Гарольд, словно я говорящее дерево. Сегодня королева Ланкра пригласила меня приехать к ней с визитом, — с удовлетворением добавила она.

Мефистофель подтверждающе заблеял, и стоило лорду Вертуну повернуться, чтобы уйти, как козел повернулся к нему задом и нацелил свои дьявольские задние копыта в нижнюю половину его лордства. Раздался раскатистый «пук», который почти — но не полностью — перекрыл звук падения человека лицом на землю.

— Какой полезно-агрессивный козел, — прошептал Джоффри Мак-Тавишу, который тоже пришел и стоял в сторонке.

Старый конюх огляделся по сторонам.

— Его даже твой отец не смеет тронуть, — подмигнув сказал он. — Особенно в такой красивой попоне на спине. — Он фыркнул. — Кстати, с ним что-то случилось. Пукает он куда хуже, чем раньше.

— Верно, — согласился Джоффри. — Зато он научился лазать по деревьям и пользоваться нужником. А еще считать. Какое странное существо — он способен превратить ночь в день. Вглядись как-нибудь в его глаза.

Мак-Тавиш посмотрел, но быстро отвел взгляд.

Эпилог

Шепот по всему Мелу

Два дня спустя битвы с эльфами, Тиффани привела одну из отцовских лошадей на холмы у фермы. Был прекрасный осенний денек. Небо было великолепно бирюзового оттенка, в вышине перекрикивались ястребы, и открывался чудесный вид на окрестности до далеких гор Ланкре. Их вершины были покрыты снегом в любое время года.

Несмотря на любую погоду, в этом месте всегда было много овец. А в это время года подросшие ягнята пробовали свои копытца, носясь вокруг лениво жующих маток. Для знатоков очень знакомый пейзаж. Это было особое место и для овец и для фермеров. Здесь покоилась Бабуля Болит.

Из земли все еще торчали железные ободья колес ее фургончика, и старая пузатая печь с трубой, но земля, сама земля была священна. Всякий раз, когда Тиффани чувствовала тяжесть навалившегося мира, она приходила сюда, и здесь, где ветер не переставал дуть ни на секунду, она чувствовала, что ей любое дело по плечу.

С помощью крепкой веревки, привязанной к лошади, Тиффани вырвала вросшие ржавые колеса из земли. Потом она тщательно очистила их и густо смазала жиром. Роб Всякограб некоторое время наблюдал за ее действиями, а когда она снова отказалась от его помощи, ушел с озадаченным видом, бормоча что-то себе под нос про глупых гусынь и как бы он с ними поступил.

На следующий день Тиффани навестила старого господина Кирпича, местного плотника. Когда-то он смастерил для нее кукольный домик, сейчас она хотела домик побольше.

Он был рад ее видеть, но очень удивился, услышав ее просьбу.

— Господин Кирпич, я бы хотела, чтобы вы научили меня плотничать. Я хочу сама построить дом... точнее пастуший фургончик.

Плотник был добрым человеком и предложил помочь:

— Вы же ведьма, а я — плотник. Такой крохотный домик не займет у меня много времени. Ваша бабушка была так добра к моей семье, а вы помогли моей сестре Маргарет. Я с удовольствием сделаю такой фургончик.

Но Тиффани была непреклонна.

— Это очень мило с вашей стороны, — сказала она, — но я все должна

сделать своими руками. Он будет мой от крыши до земли, и я сама закачу его туда, откуда взлетают ласточки. И все равно останусь ведьмой, которая является по первому зову. Но жить я буду там. — «И по-своему, — мысленно добавила она. — Пока что... потому что никто не знает, что ему принесет будущее...» — и она сжала в кармане новое письмо от Престона.

Так Тиффани каждый вечер после трудовых будней потихоньку осваивала плотницкое ремесло. На это ей потребовалось несколько недель, но наконец рядом с могилкой Бабули Болит появился новенький фургончик.

К его деревянной дверце вели ровно три ступеньки, а над ней была прибита подкова и клочок овечьей шерсти — знак настоящего пастуха. Под выгнутой крышей находилась крохотная комнатенка, в которой Тиффани пристроила кровать, небольшой буфет, пару полочек и таз для мытья. Из своей кровати сквозь небольшое оконце она могла видеть далеко до самого горизонта все окрестности. Она видела как встает солнце, как оно заходит, как луна сменяется месяцем и обратно — магию каждого дня, про которую нельзя забывать.

Она вновь привела на холм лошадь, навьюченную скарбом, взятым из своей прежней комнаты на ферме, попрощалась с родителями и на закате направилась в холмы.

— Скажи, джигит, ты этого действительно хочешь? — спросил ее отец.

— Да, хочу.

Матушка расплакалась, и протянула ей новое полотенце, в котором были завернуты свежее испеченный каравай и кусок сыра.

На полпути на холм Тиффани обернулась, чтобы взглянуть на ферму и увидела, что родители, взявшись за руки, до сих пор стоят рядом. Она помахала им рукой и пошла дальше, больше не оглядываясь. Это был очень долгий день. Как и все прочие дни.

Чуть позже, устроив себе постель в своем новом фургончике, она вышла собрать немного хвороста для растопки. Белая кошка Ты пошла следом.

Все самые неприметные тропинки Мела были Тиффани хорошо знакомы. Давным-давно она ходила по ним вместе с Бабулей Болит. Уже нагнувшись за веткой, Тиффани показалось, что она заметила кого-то идущего в тени под деревьями.

И даже не одного. Это были две странно знакомых фигуры. Рядом с ними послушные каждому жесту, кивку или свисту трусили две овчарки.

«Матушка Ветровоск бок о бок вместе с Бабулей Болит», — подумала Тиффани. Вместе с Громом и Молнией. И в ее голове раздалась тихие

слова: «Ты — и есть венец пастуха, джиггит. Ты — венец пастуха».

Одна из фигур оглянулась и коротко кивнула, а вторая задержалась и поклонилась. Тиффани уважительно и печально поклонилась в ответ.

И обе фигуры пропали.

Возвращаясь к фургончику, Тиффани посмотрела на кошку и, повинувшись внезапному импульсу, заговорила с ней:

— Ты, где сейчас Матушка Ветровоск?

После паузы кошка длинно промяукала, закончив как-то так: «Мяу-уффсуду». И потом замурлыкала как обычная кошка и тихонько потерлась о ногу Тиффани.

А Тиффани вспомнила небольшую полянку, на которой похоронена Матушка Ветровоск.

И поняла, что Ты права. Матушка Ветровоск и тут. И там. Она, и в самом деле, всегда и была и будет, повсюду.

* * *

Как только все узнали, что Тиффани навсегда вернулась на Мел, к пастушьему фургончику потянулась бесконечная вереница посетителей.

Джо Болит пришел с посланиями, новым письмом от Престопа, и передачей от матушки — несколько вещиц, которые, по ее мнению, могли бы пригодиться Тиффани. Он с одобрением оглядел новый фургончик. Тиффани устроила все очень удобно. Он увидел на полке книжки, и довольно улыбнулся. Тиффани сохранила не только Бабулин «Справочник овечьих хворей», но и «Цветы и травы Мела» и «Добрые детские сказки», которые стояли рядом с подаренной им короной пастуха. На внутренней стороне входной двери был гвоздик, на котором висела ее шляпа.

— Думаю, ты знаешь, как лучше это использовать, — отец вытащил из кармана бутылку Особого снадобья для лечения овец (изготовленного по специальному рецепту Бабули Болит) и поставил на полку.

Тиффани рассмеялась, надеясь, что отец не слышал из-под крыши возглас «Кривенс!»

Он поднял голову, увидев как с потолка сыпется пыль, где Великучий Ян сел на голову Вулли Валенку, чтобы заставить того замолчать.

— Очень надеюсь, Тифф, что у тебя не завелся древоточец.

Она снова улыбнулась и обняла на прощание.

Господин Кирпич тоже навестил ее поутру. Пыхтя, он добрал до вершины холма и увидел ее сидящей с Ты на коленях, сортирующей

обноски.

Тиффани нервно ждала пока старый плотник профессиональным глазом осматривает ее жилище по кругу и внутри. Она подала закончившему осмотр плотнику чашку чая и спросила его мнение.

— Вы все отлично сделали. Просто отлично. Никогда не видел, чтобы ученик так быстро схватывал основы нашего дела, как девица.

— Не девица, а ведьма, — ответила Тиффани. И она посмотрела на сидящую на коленях кошку: — Вот так-то, не так ли, Ты?

Господин Кирпич мгновение с подозрением смотрел на нее, потом спросил:

— Стало быть, мисс, вы использовали магию, чтобы это построить?

— Мне не понадобилось, — ответила Тиффани. — Магия уже была здесь.

КОНЕЦ

Ведьмы Плоского мира

Жаклин Симпсон (со-автор Фольклора Плоского мира)

Ведьмы Плоского мира куда меньше времени пользуются магией. Гораздо чаще им приходится разбираться с куда более простыми и житейскими проблемами. Именно им приходится лечить внезапно заболевшего ребенка или корову, или решать действительно серьезную проблему, когда тот, кто должен умереть никак не может этого сделать. Именно в подобные моменты на помощь приходят ведьмы и принимают на себя ответственность. В их работе нет ни капли романтики, но и чего-то драматичного — ни даже волшебных снадобий, способных в мгновение ока исцелить любую хворь. Ведовство в основном искусство помогать людям в самых обычных вещах.

Однако, и лечение и совет будут приняты народом куда благосклоннее, если они будут окружены ореолом волшебства. К примеру, одна очень рационально мыслящая ведьма как-то рассказала одному семейству, что их колодец расположен очень близко к нужнику, из-за чего в воде заводятся маленькие, очень маленькие существа, из-за которых болеют их дети. Те, разумеется, очень вежливо ее выслушали, но и только. А вот навестившая их позже Матушка Ветровоск объяснила, что болезнь вызвана гоблинами, которых привлекает запах нужника, и в тот же самый день глава семейства с друзьями вырыл новый колодец в противоположном конце сада. Так сказка помогла исправить ситуацию.

Кроме того, ведьмы часто выступают третейскими судьями в житейских спорах. Они наблюдают, не случится ли где-то несправедливость и тут же вмешиваются. Подобная жизнь не из легких и для одиночек, за что ведьмы заслуженно пользуются уважением и их слегка побаиваются.

Одной из обязанностей ведьм является защита родной земли от вторжения злобных существ из других вселенных, например, эльфов. Подвергая свою собственную жизнь угрозе, ведьме приходится постоянно быть начеку, охранять границы и порталы.

Как же из девочки получается настоящая ведьма? Во-первых, у нее должен быть врожденный талант, несмотря на то, что сама она может о нем не догадываться. В этом может помочь наследственность, как в случае с Тиффани, ведь у Болитов, как и у Ветровосков ведовство в крови. Но ничего невозможно достичь без учебы, поэтому, когда девочке стукнет

одиннадцать, ей придется уйти из дома, чтобы стать наполовину служанкой, наполовину ученицей старой ведьмы, у которой она будет учиться всему, что относится к целебным травам, лекарствам и магии. Обычно ученица наследует владение той самой ведьмы после ее смерти.

Магия ведьм в отличие от магии волшебников не такая зрелищная. На самом деле очень немногие ведьмы читают гримуары и носят оккультные амулеты, но те либо слишком тщеславны, либо попросту неопытны. Самые лучшие ведьмы пользуются самыми простыми вещами — им не нужны для предсказаний хрустальные шары, достаточно капнуть пару капель чернил в старый соусник, наполненный дождевой водой; не нужны красивые резные волшебные палочки — сойдет любая палка. Их основным инструментом служит «запутка» — это мощный детектор магии и одновременно концентратор, а выглядит немного как чуть усложненная детская игрушка под названием «кошачья колыбелька», немного как сломанное водило марионетки, и одновременно как плохо связанный ловец снов. Но и запутка создается из самых простых вещей. Хотя приходится делать каждый новую запутку из того, что найдется в карманах. В середину нужно поместить что-нибудь живое — к примеру, яйцо, жука или червячка, а потом потянуть за ниточки, и когда предметы начнут соединяться, и даже проходить один сквозь другой — устройство заработает. А в присутствии по-настоящему сильной магии оно даже может взорваться.

Одним из дополнительных преимуществ ведьм является знание не только года и месяца, но и точного времени вашей смерти, так что она может обставить это событие со всем возможным шиком и блеском. Уладив обычные дела (вроде уборки домика, составления завещания, уничтожения архива старых волнующих писем, а также ненужных заклинаний), а также собственноручного рытья могилы, некоторые ведьмы решают устроить по себе шикарные поминки. Это почти тоже самое, что день рождения, где вы присутствуете живьем в качестве почетного гостя, принимаете поздравления и раздаете своим друзьям самые вкусные кусочки праздничного пирога. С одним большим отличием — на поминки инкогнито приходит еще один старый знакомый, Мрачный Жнец.

Словарь Нак Мак Фиглов

Верзилы — люди

Набольший — вождь клана, обычно муж кельды

Трёпуховина — чепуха, ерунда

Жаждить — чего — то страстно хотеть. Например: я жажду чашку чаю

Заяс — слабак Карлин, старушка Клуджи, сортир

Кривенс! — восклик, который может означать все, что угодно от «Боже мой», до «Ну все, я вышел из себя и кому-то сейчас придется плохо».

Усреть твой/мой/ее/его/их рок — встретить то, что уготовано тебе/ему/ей/им судьбой

Зыры — глаза

Жуть — нечто странное, иногда так же, по некоторым причинам длинное

Ётить — досада, беспокойство

Ковы — очень важные обязательства, закрепленные традициями и магией. Не оковы.

Гоннагль (дословно бездомный) — продвинутый в музыке, поэзии, сказаниях и песнях бард клана — певец битв, чьей обязанностью является создание ужасающих баллад, распеваемых во время баталий для деморализации противника. Хорошо обученный гоннагль может сочинить балладу, взрывающую уши противников.

Карга — ведьма, независимо от ее возраста

Карговство — ведовство

Карговство — все, чем занимаются ведьмы

Скрытня — тайный

Кельда — женщина-правительница, советчица и мозг клана, которая думает за весь клан. Нак Мак Фиглы признают, что у одной женщины столько же мозгов, сколько у пяти сотен мужчин вместе взятых. Одновременно является матерью большинства Фиглов. Детишки Фиглов очень маленькие и за время жизни кельды у нее могут быть сотни детишек.

Давеча — давным-давно

Последний Мир — Фиглы верят в то, что они уже умерли. Они утверждают, раз этот мир так прекрасен, значит в прошлой жизни они вели себя хорошо, и умерев попали в лучший мир — сюда. А умерев тут, они

однозначно попадут обратно в Последний Мир, который им кажется невзрачным и скучным.

Мутнец — никчемная личность

Пиштец — составителя словаря заверили, что это слово означает крайнюю степень усталости.

Отвратец — неприятный человек

Редиска — нехороший человек

Брюква — очень нехороший человек

Баранки — шерстяные штуки, которые жрут траву и блеют. Легко перепутать с другими.

Поганец — см. Мутнец

«Специальная жидкая мазь для овец» — с сожалением сообщаю, что это нечто вроде полночного виски. Никто не знает, какой эффект она оказывает на овец, но известно, что капелька «специальной мази» не помешает пастуху промозглой зимней ночью и Фиглу в любое время. Не пытайтесь изготавливать ее в домашних условиях.

Напузник — маленький кожаный кошель, который каждый Фигл носит спереди на килте, в котором хранится все, что он считает нужным спрятать — всякую жрачку; все, что плохо лежало и теперь по праву принадлежит ему, и очень часто (поскольку даже Фиглам иногда бывает холодно) нечто, что он использует в качестве носового платка — и это «нечто» не всегда бываетдохлым.

Парилка — бывает только в крупных курганах горных Фиглов, где достаточно воды для регулярного купания. Нечто вроде сауны. Обычно Фиглы полагаются на то, что грязи много не бывает, иначе она сама отпадет.

Вайли — в основном вопль разочарования

Мелкашка — мелкая девчонка

notes

Примечания

1

Фиглы верят, что они все до одного мертвы, поскольку мир, в котором они теперь живут так богат на возможности что-нибудь «стырить», подражаться, а так же выпить. В общем — настоящий рай для героев.

В буквальном смысле — так как у кельды разом рождается по семеро детей, а Дженни удалось родить дочь с первого раза.

Непереводимая игра слов — nail одновременно переводится как ноготь и как гвоздь (*прим. переводчика*).

Сам лорд Вертун вовсе не считал, что что-то спускает, наоборот пропивать семейное богатство довольно весело. По крайней мере, он так думал до того момента, как сильно напившись, выпал из окна, и на несколько лет раньше положенного срока повстречал джентльмена без плоти и со странной привязанностью к косо.

Еще он знал, что порой требования богов принимают странный характер. У него был приятель, принявший вероисповедание бога-крокодила Оффлера, который избрал его хранителем своей священной стаи птиц-чистильщиков, вынужденных выполнять любые стоматологические божественные прихоти.

Истинная правда! Но с этого материка прибыла масса народа, как часто бывает с местами под названием «Правда? — Никогда-о-таком-не-слышал!». И никто из них не побеспокоился о том, чтобы вернуться обратно.

Это доказывает, что книги могут научить многому, кроме подходящего имени для дьявольски умного козла.

Согласно легенде о Пилотусе и его сыне Карликусе, который был очень образованным мальчиком, он решил, что будет летать как птица. Они в самом деле соорудили крылья, сшив пух и перья. Мальчишка действительно немного пролетел, а его более престарелый и более тяжелый отец разбился. Мораль сей истории: прежде чем делать, сперва хорошенько разберись в вопросе.

Так в тексте (*прим. переводчика*).

Мыло Матушки Ветровоск было сродни ее советам: тяжелым, едким, иногда от него пахивало, зато было очень действенным.

Довольно популярная идея среди молодых людей, поскольку они считают, что абсолютно все, а «абсолютно все» включает и девушек тоже, должны купаться без одежды.

Хотя у Агнес было вполне сносное оправдание тому, что она себя плохо вела, все-таки это не она, а Пердита — ее второе я, гораздо более компанейская и, случайно, куда стройнее — танцевала на столе танец «Дьявол в гостях у фей».

Тиффани не знает, что молодой философ из Эфеба заметил тот же самый парадокс. Однажды его нашли, по крайней мере большую его часть, среди большого числа мурлыкающих и сытых кошек. Никто не посмел продолжить его эксперимент.

И их пищу, разумеется. Удивительно какой, после ночи, проведенной с совой, которая питается полевками, неприятный остается привкус во рту.

Ей не было нужно. Матушка Ветровоск была как форштень корабля. Когда она поворачивалась, море перед ней расступалось.

На самом деле произносится Арвидж (*от автора*).

Единственное известное здание отстроенное фиглами — это трактир, в котором они напильсь и который полностью разрушили. Однако отстроенное здание оказалось перевернуто задом наперед. Почему-то с огромным фурункулом на шее.

Это подтверждает, что осуществляются не всегда правильные мечты. Разве ношение стеклянных туфель удобно? И когда все, до чего вы касаетесь превращается в зефир, разве это не становится слегка... липким?

Утомители свиней избавляют от жуткого визга. Мастер-утомитель, вроде Петулии, просто рассказывают свиньям скучные истории, и те умирают от скуки.

По их мнению, все, что содержит какую-либо траву — полезно. Учитывая некоторые растения из садика Матушки Ветровоск, это утверждение можно смело поставить под сомнение. По крайней мере в ближайшей перспективе. И не отходить от туалета далеко.

Опровергая общее заблуждение, Тиффани не знала ни одной ведьмы, которая могла бы управлять помелом с зонтиком в руках.

Поскольку в представлении участвовал человек, запускавший к себе в штаны хорьков, то доктор был обязательной частью шоу.

В небе ужасно холодно, и ни одна благоразумная ведьма не поднимется в воздух, не отделив себя от помела хотя бы несколькими слоями ткани.

Еще одна подсказка.

«Угодить» не достаточно длинное слово для описания многочисленных поручений, ожидающих каждую молодую женщину, входящую в лоно семьи Яггов.

Тир Нянь Ягг — означает «усадьба Нянюшки Ягг», а Тир Нан Огг по-ирландски «Страна вечно молодых», волшебная страна или рай. Совпадение звучания у г-на Пратчетта отнюдь не случайно, хотя трансформация Огг в Ягг моя собственная прихоть в дань бабе Яге (прим. переводчика).

Это было сказано тем самым тоном, который каждый узнает с полуслова.

А главное, услышав ее. Всевозможные амулеты, браслеты и кольца Миссис Иервиг сопровождали ее перемещения воодушевленным перезвоном, перерастающим в приветственные фанфары.

Несмотря на это фиглы могут увлеченно врать почти обо всем на свете. Поэтому Тиффани ходит в туалет внимательно высматривая, не мелькнет ли где фигл. Однажды ей даже приснился кошмар, в котором фигл выглядывал из второй дырочки двойного родительского туалета.

Chumsfanleigh правильно произносится именно «Чафfli» согласно странному правилу, которое гласит: чем моложе род, тем заковыристее пишется его фамилия. Тиффани однажды была свидетелем, как один благородный гость с фамилией Понсонби-Маклирэйт, сокращенно «П-эйт», звал Ролланда «Чафф». Интересно, как же приятели сумели поужинать, если Пэйт собирался представить Чаффа каким-то У-шу и Ко-н-фу? Определенно, неловкая ситуация.

Замечать правду куда сложнее.

По-настоящему храбрый человек, глядя на копошащийся у ног клан фиглов, нипочем и не подумает о том, чтобы завязать штаны вокруг лодыжек.

Жаб был собственным юристом фиглов. А жабом он стал в результате взаимонепонимания с крестной феей.

Как-то раз фиглы нечаянно, правда-правда, подожгли помело Тиффани, и ему потребовалось заменить прутья.

Ношение многих слоев верхней одежды дает ряд преимуществ, но приходится приобретать в двое больший размер. Гномы обожают носить разом по несколько кольчуг, кафтанов и, разумеется, традиционных шерстяных жилетов, которые вообще делают любую кольчугу ненужной.

Термин «река» недостаточно полно описывает протекающую через город жижу по имени Анк, но, разумеется, в верховьях в Ланкре у него весьма приличное течение.

Игори — слуги родом из Убервальда, обычно работающие докторами и помощниками безумных ученых, которые верят, что сделанный вовремя стяжок-другой избавит от больших хлопот в будущем. Они обожают передавать части тел из поколения в поколение часто в пределах одной семьи, поэтому слова Игоря: «у него дядин нос» не имеют иного подтекста.

В общем совершенно новое помело. Почти такое же новое, как знаменитый Девятисотлетний Топор Подземного Короля.

Барон даровал фиглам землю и лично заверил, что даже рядом с нею не пронесут никакого железа, кроме ножа, но поскольку сами фиглы большие вруны, им приходится постоянно быть начеку, чтобы уличить других во лжи.

Хэмиш научился летать на прирученной соколице Мораг. Мастерство пилотажа у Хэмиша проблем не вызывает, а вот приземление другое дело.

Ночной тенью так же называют Белладонну, которая как известно, яд
(прим. переводчика).

Вы можете подумать, что подобное название — Вонючки — способно отпугнуть людей. Однако на самом деле горная деревня Вонючки когда-то была довольно популярна у туристов. Им очень нравилось рассылать друзьям открытки с подписью: «Пишу вам из Вонючек!» или «В Вонючках хорошая погода, но сильно воняет!», а также привозить с собой сувениры вроде туники с надписью: «Я был в Вонючках и привез домой эту вонючую тунику». К несчастью с появлением железной дороги или в случае Вонючек в связи с не появлением в них железной дороги, туристы принялись ездить в иные места, поэтому Вонючки постепенно исчезают в грязи, выживая лишь благодаря периодическому приему ванны.

В старой книжке «Валшепных Сказак» рассказывалось о двух маленьких эльфах, которые в тайне помогали одному сапожнику, но неприятный опыт Тиффани подсказывал ей, что большая часть того, что было написано в этой книге не имеет ничего общего со Страной Фей.

Однако большинство принцесс не пытается целовать лягушек, что вызывает многолетнюю досаду у Жаба, служащего штатным юристом у фиглов.

Приятеlem Нянюшки в данном случае был граф Казанунда — конный налетчик, которому приходилось возить с конем лестницу, поскольку он был гномом, а также самым обходительным кавалером в отношении встреченных дам.

Она точно станет старше, если конечно выживет.

Фактически эльфов только что сравнили с кошками, вот только на самом деле кошки могут объединиться, например, для совместной охоты, в то время как эльфы в ущерб себе будут продолжать ссориться, а кто-то в это время уйдет домой с добычей.

До нагревания она выглядела довольно ядовитой, хотя в большинстве случаев оправдывала название.

Исчезали они с такой же легкостью, как может убедиться любой желающий, получив от эльфа волшебное золото. Обычно это случается утром, что подразумевало отличный гудеж в баре. А еще активнее это происходит на следующий вечер, если посещать одно и тоже заведение.

Что чистая правда. Вот только тикать куда сложнее, особенно, если пьян в стельку.

Совершенно верно. Как говорится в известной шутке: «Большая часть жителей Огрызка на какую-то часть ущербнее целого».

В нашей культуре нет, пока, подобных распродаж, а вот у «них» есть подобные варианты: ты приносишь свои подержанные вещи на благотворительную распродажу (вроде толкучки), но продав что-то обязан что-то купить, чтобы никто не остался в накладе (прим. переводчика).

Похоже, правда жизни состоит в том, что, если две или более благородных дам собираются вместе, то кексы просто необходимы. В противном случае потолок может обрушиться им на голову.

Весьма политкорректный термин, используемый исключительно друзьями Агнес для ее описания.

Этот танец должен исполняться только если поблизости нет женщин. Если бы вы его видели, то знали бы, почему (от автора). Если не помните, что за танец — перечитайте «Дамы и господа» (*прим. переводчика*).

Основная часть практикующих ведьм считала, что лучшее применение для книги — это на гвоздике в сортире.

Какая-то часть его памяти перекочевала в Тиффани во время эпизода с Роителем. Довольно обширные познания волшебника о наименовании различных предметов в основном на древних языках порой бывают полезны, особенно когда пытаешься прочесть заковыристое меню в Анк Морпорке.

Огромная «костистая фиговина имени Данкла» с зубами — род плакодерм из отряда артродир, живших в девонском периоде 415–360 млн. лет назад. Это так в Википедии. Ничего не понятно, но на вид и на слух пугающе. Его представители относились к крупнейшим морским хищникам своего времени. Назван в честь американского палеонтолога Дэвида Данкла (*прим. переводчика*).

Вид вымерших **ОЧЕНЬ** крупных акул из семейства отодонтидов. Существовал в миоцене и плиоцене, хотя есть некоторые спорные данные о более древних и о более новых находках (*прим. переводчика*).

«Иглокожий» — или морской ёж, если вы не сильны в латыни (*прим. переводчика*).

Должно быть это морской ёж *Diadema setosum* из рода *Diadema* (по латыни — корона). У них иглы синие, очень длинные, и выглядят как взрыв (прим. переводчика).

Первомыслие — это будничные мысли. Они есть у каждого. Здравомыслие означает что вы размышляете о том, о чем размышляете. Здравомыслие присуще всем, кому нравится размышлять. Глубокомыслие — это те мысли, что наблюдают за миром и думают сами по себе. Оно редко встречается и зачастую приводит к всяким неприятностям. Прислушиваться к своему Глубокомыслию — составная часть ведовства.

Ну, здоровствуй, Аліса! Давненько не виделись (*прим. переводчика*).

В оригинале у Пратчетта игра слов mail — fe-mail близкие по созвучию male-female (мужское-женское) (*прим. переводчика*).

В оригинале у Пратчетта игра слов mail — fe-mail близкие по созвучию male-female (мужское-женское) (*прим. переводчика*).

Почти прямая цитата речи Уинстона Черчилля в Палате Общин 4 июня 1940 года: «...мы не сдадимся и не проиграем. Мы пойдем до конца, мы будем биться во Франции, мы будем бороться на морях и океанах, мы будем сражаться с растущей уверенностью и растущей силой в воздухе, мы будем защищать наш Остров, какова бы ни была цена, мы будем драться на побережьях, мы будем драться в портах, на суше, мы будем драться в полях и на улицах, мы будем биться на холмах...»

Гораций был сыром-каннибалом, которого клан фигов принял в свои члены.

Само-собой это был Шон Ягг в одной из своих многочисленных ипостасей.